

**Общероссийская
общественная организация
«Ассоциация историков
права»**

**Верховный Суд
Российской Федерации
ФГБОУВО
«Российский государ-
ственный университет
правосудия»
Северо-Западный филиал
(г. Санкт-Петербург)**

**Федеральное государ-
ственное бюджетное
учреждение «Российская
национальная библиотека»**

**ИСТОРИКО-ПРАВОВАЯ НАУКА
В ПОИСКЕ НОВЫХ
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ**

Сборник научных статей

Санкт-Петербург

 Астерион

2023

Рецензенты:

Кривенький Александр Иванович, профессор департамента права Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета (МГПУ), доктор исторических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Баранова Марина Владимировна, профессор кафедры теории и истории государства и права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (ННГУ), доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Редколлегия: Пашенцев Д.А. (ИЗиСП) – ответственный редактор, Дорская А.А. (СЗФ РГУП) – ответственный редактор, Борисова Н.Е. (МГПУ), Васильев И.А. (СПбГУ), Залоило М.В. (ИЗиСП), Ильина Т.Н. (КГУ), Кожевина М.А. (ОМА МВД РФ), Соколов А.С. (РГРТУ)

И90 **Историко-правовая наука в поиске новых методологических решений:** сборник научных статей по итогам II Всероссийского форума историков права, приуроченного к 135-летию со дня рождения Серафима Владимировича Юшкова (Санкт-Петербург, 8-10 июня 2023 г.) / Под ред. Д.А. Пашенцева, А.А. Дорской. – СПб.: Астерион, 2023. – 194 с.
ISBN 978-5-00188-410-1

В сборнике представлены статьи, написанные участниками II Всероссийского форума историков права, организованного по инициативе и при содействии Ассоциации историков права и состоявшегося 8-10 июня 2023 г. в Санкт-Петербурге на основе сделанных во время мероприятия докладов. Общая тематика сборника, приуроченного к 135-летию со дня рождения С.В. Юшкова, связана с вопросами методологии историко-правовых исследований. В статьях раскрываются авторские подходы к предмету историко-правовой науки, использованию традиционных и формированию новых методологических подходов, к периодизации истории государства и права. Отдельное внимание уделено методологическим аспектам исследования конкретных актуальных историко-правовых вопросов.

Рекомендовано научным работникам, преподавателям, аспирантам и студентам.

ISBN 978-5-00188-410-1

© Коллектив авторов, 2023

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДКОЛЛЕГИИ 5

РАЗДЕЛ I. РОЛЬ ДОСТИЖЕНИЙ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА И ОТРАСЛЕВОЙ НАУКИ В РАЗВИТИИ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 7

Пашенцев Д.А., Залоило М.В. Формирование методологии историко-правовой науки: от М.Ф. Владимирского-Буданова до С.В. Юшкова 7

Кожевина М.А., Яцук Т.Ф. «Эволюция науки истории права и государства России»: о книге и о науке 14

Жданов П.С. Правовой дискурс в историко-культурном контексте: проблемы методологии исследования 24

Ахмедов Р.М. К вопросу о соотношении морали и права в качестве регуляторов общественных отношений в историко-правовом контексте: от прошлого к настоящему 29

Борисов А.М. Методологические подходы С.И. Аскназия в контексте развития теории права 41

Михайлов В.И. Отражение некоторых теоретико-правовых основ УК РСФСР 1922 г. и УК РСФСР 1926 г. в современном уголовном законодательстве Российской Федерации 52

Иваненко В.С. Исследование вклада ученых-эмигрантов Петроградского университета в развитие науки и практики международного права (1917-1940-е гг.) 68

РАЗДЕЛ II. НОВЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ ВОПРОСОВ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА 89

Дорская А.А. Категория «переживание истории» и новые методологические подходы в изучении историко-правовых проблем 89

Шатковская Т.В. Модель общенародного государства как историческая альтернатива правовому государству в России 98

Смирнов С.Н. Периодизация истории правового оформления сословной системы в России: концептуальные основы и историография вопроса 105

<i>Деревскова В.М.</i> Современные тенденции изучения судебной реформы 1864 г. в России в историко-правовой науке.....	120
<i>Диденко М.С.</i> Первая кодификация советского права и ее роль в формировании системы источников социалистического права .	130
<i>Литичевский Б.В.</i> Союзный договор как основа государственного строительства	136
<i>Мун В.А.</i> Роль игрофикации в историко-правовом образовании...	142

РАЗДЕЛ III. ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

<i>Тянь Д.-Е.Ц.</i> Профессор С.В. Юшков и историки об общественно-политических взглядах А.С. Пушкина	152
<i>Пашенцева Д.Д.</i> Методология исследования системы источников права Российской империи	158
<i>Мотова Е.А.</i> Учение С.А. Муромцева как основоположника социологической юриспруденции в России	163
<i>Самойлова А.А.</i> Роль историко-правового подхода в изучении организационно-правовых форм развития физической культуры и спорта в Российской империи	171
<i>Школьный А.М.</i> Защита экономических прав человека в Европейском суде по правам человека: исторический анализ	179

РЕЗОЛЮЦИЯ II ВСЕРОССИЙСКОГО ФОРУМА ИСТОРИКОВ ПРАВА

190

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДКОЛЛЕГИИ

В предлагаемом вниманию читателей сборнике представлены статьи, подготовленные членами Ассоциации историков права – участниками II Всероссийского форума историков права «Историко-правовая наука в поиске новых методологических решений», приуроченного к 135-летию со дня рождения Серафима Владимировича Юшкова и проходившего 8-10 июня 2023 г. в Санкт-Петербурге.

Мероприятия форума проводились на площадках Российской национальной библиотеки и Санкт-Петербургского филиала Росийского государственного университета правосудия. В конференции приняли участие более 100 ученых – историков права, представлявших 25 субъектов федерации. Своих представителей направили научные школы Москвы, Екатеринбурга, Казани, Калининграда, Курска, Новосибирска, Омска, Покрова, Ростова-на-Дону, Тюмени, Улан-Уде и других городов. С докладами выступили члены Ассоциации историков права: Д.А. Пашенцев, А.А. Дорская, И.А. Исаев, Н.Е. Борисова, М.В. Залоило, Т.Н. Ильина, М.А. Кожевина, С.В. Лонская, Н.В. Михайлова, А.В. Дашко, П.Н. Дудин, А.В. Скоробогатов и многие другие.

В докладах были обозначены ключевые методологические проблемы, которые сегодня стоят перед историко-правовой наукой, предложены новые подходы к их решению. Соответственно, эта тематика стала ключевой в сформированном сборнике, объединившем как известных ученых, так и начинающих исследователей. В статьях рассмотрены вопросы методологии истории государства и права, ее периодизации, подходы к решению конкретных историко-правовых проблем. Красной линией проходит общая мысль о том, что современные историко-правовые исследования должны сочетать в себе как классические, проверенные временем методы, так и новые решения.

Авторы подчеркивают роль междисциплинарности в современной историко-правовой науке, показывают возможности использования достижений философии, политологии, социологии, психологии в выстраивании новой познавательной траектории в переосмыслении историко-правового прошлого в историософском и историометрическом контекстах.

Редакционная коллегия выражает надежду, что представленный сборник будет полезен специалистам историко-правового направления, а также широкому кругу читателей, интересующихся историко-правовыми вопросами в науке, прежде всего, ученым, преподавателям, аспирантам и студентам.

РАЗДЕЛ I. РОЛЬ ДОСТИЖЕНИЙ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА И ОТРАСЛЕВОЙ НАУКИ В РАЗВИТИИ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Пашенцев Д.А. , Залоило М.В.***

Формирование методологии историко-правовой науки: от М.Ф. Владимирского-Буданова до С.В. Юшкова

Аннотация. В статье показаны особенности научной методологии крупнейших историков права своего времени: М.Ф. Владимирского-Буданова и С.В. Юшкова, с именами которых авторы связывают два принципиально разных периода в развитии науки истории государства и права и ее методологии. Такое сопоставление позволило выявить характерные признаки дореволюционной и советской историко-правовой методологии, сравнить подходы и исследовательские программы Владимирского-Буданова и Юшкова с уровнем развития науки рассматриваемых исторических периодов. Подчеркивается вклад С.В. Юшкова в становление методологических основ советской историко-правовой науки, а также марксистский характер его концепции, положенной в основу критики пози-

* ПАШЕНЦЕВ ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ (Россия, Москва), главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор Московского городского педагогического университета и Университета Правительства Москвы, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации; PASHENTSEV DMITRY ALEKSEYEVICH (Moscow, Russia), Chief Researcher of the Department of Theory of Law and Interdisciplinary Studies of Legislation of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Professor of the Moscow City Pedagogical University and the University of the Government of Moscow, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher Education Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation;

** ЗАЛОИЛО МАКСИМ ВИКТОРОВИЧ (Россия, Москва), ведущий научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук; ZALOILO MAKSIM VIKTOROVICH (Moscow, Russia), Leading Researcher of the Department of Legal Theory and Interdisciplinary Studies of Legislation at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Candidate of Law.

ции М.Ф. Владимирского-Буданова, касающейся формирования древнерусского государства и права, алгоритма изучения истории становления и развития правовых институтов, генезиса основных юридических конструкций и т.д. Сделан вывод о необходимости существенного обновления методологии и алгоритма историко-правовых исследований, отвечающих современному этапу развития науки и изменениям господствующей научной парадигмы.

Ключевые слова: методология, научная парадигма, историко-правовая наука, история права и государства, Владимирский-Буданов, Юшков, периодизация.

Formation of the methodology of historical and legal science: from M.F. Vladimirovsky-Budanov to S.V. Yushkov

Abstract. The article shows the features of the scientific methodology of the largest legal historians of their time: M.F. Vladimirovsky-Budanov and S.V. Yushkov, with whose names the authors associate two fundamentally different periods in the development of the science of the history of state and law and its methodology. Such a comparison made it possible to identify the characteristic features of pre-revolutionary and Soviet historical and legal methodology, to compare the approaches and research programs of Vladimirovsky-Budanov and Yushkov with the level of development of science of the historical periods under consideration. The contribution of S.V. is emphasized. Yushkov's contribution to the formation of the methodological foundations of Soviet historical and legal science, as well as the Marxist nature of his concept, which is the basis for criticism of the position of M.F. Vladimirovsky-Budanov concerning the formation of the Old Russian state and law, the algorithm for studying the history of the formation and development of legal institutions, the genesis of the basic legal structures, etc. The conclusion is made about the need for a significant update of the methodology and algorithm historical and legal studies that meet the current stage of the development of science and changes in the prevailing scientific paradigm.

Keywords: methodology, scientific paradigm, historical and legal science, history of law and state, Vladimirovsky-Budanov, Yushkov, periodization.

Методология крайне важна для любого научного направления, так как она в существенной мере обуславливает получение новых и

достоверных исследовательских результатов. В вопросах методологии органично сочетаются всеобщее и частное: первое представлено общими закономерностями смены господствующей на данном этапе научной парадигмы, тогда как второе определяется спецификой данной конкретной области научного познания.

Формирование методологии историко-правовой науки, с одной стороны, происходило в русле тех закономерностей, которые были характерны для науки в целом, с другой стороны, отражало специфику предмета исследования. Для лучшего понимания закономерностей этих процессов представляется важным сопоставить двух выдающихся историков государства и права: М.Ф. Владимирского-Буданова и С.В. Юшкова, олицетворяющих различные исторические периоды и направления развития науки истории государства и права и ее методологии.

Михаил Флегонтович Владимирский-Буданов входил в когорту лучших представителей дореволюционной историко-правовой науки, которая во многом черпала свою силу в идеях немецкой исторической школы права. В своей неоднократно переиздававшейся работе «Обзор истории русского права», которая рассматривалась авторами и издателями прежде всего как учебное издание, несмотря на монографический характер сделанных в ней выводов и обобщений, он предпринял попытку кратко охарактеризовать свои представления о методологии историко-правовой науки.

Касаясь предмета историко-правовой науки, ученый писал, что «история русского права есть наука, излагающая прогрессивное развитие юридических норм в жизни русского народа»¹. В содержание этой науки «входит изложение не только норм, установленных в законе, но и существовавших помимо закона (в обычном праве)»².

Таким образом, М.Ф. Владимирского-Буданова нельзя отнести к нормативистам, отождествлявшим право и закон. Его взгляды были ближе к представителям социологического направления в праве. Задачей своей работы ученый видел не в составлении сборника материалов, а в возможно-правильном установлении норм, руководивших жизнью прежних поколений, – норм, которые не

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – С. 14.

² Там же.

всегда ясно выражены, а иногда и совсем не выражены в законодательных памятниках того времени³.

Непосредственно о методах он писал, что «право может быть изучаемо (и изучается) тремя методами: догматическим, философским и историческим»⁴. По мнению ученого, до восемнадцатого столетия господствовал метод догматический, связанный с буквальным изучением норм и актов. В связи с этим можно привести позицию еще одного дореволюционного правоведа Д.Д. Гримма, который четко разделял историю и догму права: первая рассматривает право в его развитии, вторая – таким, как оно есть сейчас⁵.

Философское изучение права, как отмечал М.Ф. Владимирский-Буданов, было связано с теорией естественного права и принесло немало как пользы, так и вреда. Историческое изучение права было основано на немецкой исторической школе, которая также была не бесспорна в своих позициях⁶. По мнению ученого, «современное изучение права старается дать надлежащее место всем трем указанным методам как в отдельных науках (догматике, философии и истории права), так и в приемах изучения каждой науки»⁷. Кроме того, он обосновал необходимость добавления к обозначенным методам метода сравнительного права, так как некоторые правовые явления у разных народов могут быть сходными, что позволяет осуществлять определенные заимствования.

Таким образом, М.Ф. Владимирским-Будановым была намечена собственная методологическая программа, отвечавшая уровню развития науки его времени и позволявшая достаточно успешно решать определенные задачи, стоявшие перед историей права. В то же время некоторые ее аспекты были достаточно субъективными. Например, периодизация истории государства и права, как правило, связывалась с личностями конкретных правителей.

После революционных событий 1917 года и начала построения социалистического общества эта программа уже не могла быть применима в историко-правовых исследованиях. На то было две главных причины. Первая заключалась в жестко идеологизированном характере советской науки, которая должна была опираться в

методологическом отношении исключительно на марксистскую теорию⁸. Вторая состояла в объективном поступательном развитии науки, которое поставило на повестку дня вопрос о необходимости новых методологических решений.

Решать задачу разработки и последующего освоения новой методологии историко-правовой науки пришлось Серафиму Владимировичу Юшкову. В результате он внес неоценимый вклад в становление истории государства и права как науки и учебной дисциплины, надолго определив ее вектор и методологические подходы⁹.

Важной заслугой С.В. Юшкова стало внедрение в историко-правовые исследования новой – марксистской – методологии, единственно возможной в то время. Ученый предложил использовать для формирования советской историко-правовой науки те подходы, которые в тот период активно разрабатывались представителями теоретико-правовой науки, включая формационный подход к типологии государства. Это привело к существенной трансформации объема и содержания истории права.

Новая научная концепция истории государства и права, разработанная С.В. Юшковым и основанная на марксистской методологии, базировалась на нескольких основополагающих тезисах.

Во-первых, определяющим фактором для развития государственно-правовых институтов признавались производственные отношения. Именно они рассматривались как базис общества, в то время как государство и право считались его надстройкой. Изменение господствующего способа производства неизбежно влияло и на изменение государства и права.

Во-вторых, важнейшим фактором становления и развития государства и права объявлялась классовая борьба, трактуемая как двигатель общественного прогресса.

В-третьих, подчеркивалось, что государство и право на территории России возникли не по «классическому» варианту, характерному для Западной Европы, который предполагал прохождение рабовладельческой формации после первобытно-общинного строя. Государство и право в нашей стране сразу появились как феодальные.

³ Там же. – С. 11.

⁴ Там же. – С. 14.

⁵ См.: Гримм Д.Д. Лекции по догме римского права / Под ред. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2003.

⁶ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – С. 15.

⁷ Там же.

⁸ См., напр.: Пашуканис Е.Б. За марксо-ленинскую теорию государства и права. Доклад на I Всесоюзном съезде марксистов-государственников. – М.: Соцэкгиз, 1931.

⁹ Пашенцев Д.А., Залоило М.В., Путило Н.В. Историко-правовая школа ИЗиСП: период становления // Журнал российского права. – 2023. – Т. 27. – № 3. – С. 147.

В-четвертых, отмечалось, что существенное воздействие на ход и особенности исторического развития отечественного государства и права оказали национальные и конфессиональные аспекты.

Наконец, в-пятых, утверждалось, что начало принципиально новому этапу развития как отечественной, так и всемирной истории государства и права положила Октябрьская революция 1917 года¹⁰.

На методологических подходах С.В. Юшкова сказалось социологическое направление в правопонимании, которое пропагандировали многие советские правоведы 1920-х и начала 1930-х годов¹¹. Ученый понимал право прежде всего как общественные отношения, а потому предложил новый алгоритм изучения истории становления и развития правовых институтов: «1) производственные отношения, 2) политическая надстройка, 3) правовые отношения, 4) правовая идеология, 5) норма»¹². Этот подход, отражавший постулаты марксизма, был принципиально новым для отечественных историко-правовых исследований, шел вразрез со схемами, использованными М.Ф. Владимирским-Будановым, с формально-догматическим подходом, акцентировал внимание на производственных отношениях.

Большое внимание уделил С.В. Юшков созданию научной периодизации истории государства и права СССР¹³, что также имело важное методологическое значение. Он решительно отверг дореволюционные подходы к периодизации, которая строилась по центрам политической власти или по династиям и т.п., приняв за основу периодизации формационную теорию.

Свои новые подходы к пониманию и изучению истории государства и права С.В. Юшков успешно реализовал при научной разработке целого ряда важных тем и в первую очередь истории древнерусского государства и права. Его исследование «Русской правды» стало самым полным и остается таким до сегодняшнего дня. Однако вклад ученого не всегда в полной мере признавали его со-

¹⁰ См.: Кривенький А.И. Становление концепции истории государства и права России (на примере трудов профессора С. В. Юшкова): монография. Ч. 1. – М.: Дашков и К, 2012. – С. 263.

¹¹ См.: Власенко Н.А., Залоило М.В. М.Н. Гернет и основные вехи развития социологической школы права // Журнал российского права. – 2015. – № 6. – С. 161-170.

¹² Юшков С. В. К вопросу о методологии истории права // Записки научного общества марксистов. – 1928. – № 1. – С. 122.

¹³ Лафитский В.И., Залоило М.В. С.В. Юшков и историко-правовая школа // Журнал российского права. – 2015. – № 9. – С. 124.

временники, вступавшие с ним в острую полемику, порой выходящую за рамки научности. Иногда главным аргументом в таких дискуссиях становилось обвинение С.В. Юшкова в том, что он недостаточно хорошо понимал марксизм¹⁴.

Таким образом, с именами М.Ф. Владимирского-Буданова и С.В. Юшкова связаны два принципиально разных периода в развитии науки истории государства и права и ее методологии. Если концепция первого отражала господствовавшие в дореволюционном правоведении подходы, то учение второго на долгие годы определило вектор советской и даже постсоветской историко-правовой науки. Но в современных условиях, когда в результате очередной научной революции меняется господствующая научная парадигма, методология историко-правовых исследований вновь нуждается в существенном обновлении, в более широком освоении современных подходов, таких как синергетика, герменевтика, конструктивизм и антропоцентризм с акцентом на междисциплинарный характер процессов приращения научного знания.

Список литературы

1. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – 800 с.
2. Власенко Н.А., Залоило М.В. М.Н. Гернет и основные вехи развития социологической школы права // Журнал российского права. – 2015. – № 6. – С. 161-170.
3. Гримм Д.Д. Лекции по догме римского права / Под ред. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2003. – 495 с.
4. Кривенький А.И. Становление концепции истории государства и права России (на примере трудов профессора С.В. Юшкова): монография. Ч. 1. – М.: Дашков и К, 2012. – 268 с.
5. Лафитский В.И., Залоило М.В. С.В. Юшков и историко-правовая школа // Журнал российского права. – 2015. – № 9. – С. 121-131.
6. Пашенцев Д.А., Залоило М.В. Дискуссия 1950 г. о «Русской правде» С.В. Юшкова (к 135-летию со дня рождения ученого) // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2023. – Т. 14. – Выпуск 4 (126).

¹⁴ Пашенцев Д.А., Залоило М.В. Дискуссия 1950 г. о «Русской правде» С.В. Юшкова (к 135-летию со дня рождения ученого) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. – Т. 14. – Выпуск 4 (126).

7. Пашенцев Д.А., Залоило М.В., Путило Н.В. Историко-правовая школа ИЗИСП: период становления // Журнал российского права. – 2023. – Т. 27. – № 3. – С. 143-156.

8. Пашуканис Е.Б. За марксо-ленинскую теорию государства и права. Доклад на I Всесоюзном съезде марксистов-государственников. – М.: Соцэкгиз, 1931. – 38 с.

9. Юшков С.В. К вопросу о методологии истории права // Записки научного общества марксистов. – 1928. – № 1. – С. 115-122.

Кожевина М.А. , Ящук Т.Ф.***

«Эволюция науки истории права и государства России»: о книге и о науке

Аннотация. В статье обозначены основные направления эволюционного развития науки истории права и государства России с позиций науковедения, раскрыты теоретико-методологические аспекты познавательной и социальной институционализации, на основе институционального подхода осуществлена периодизация истории отечественной юридической науки и ее отдельной научной дисциплины.

Ключевые слова: история науки, история права, история государства, институционализация, периодизация.

«The evolution of the science of the history of law and the state of Russia»: about books and about science

Abstract. The article outlines the main directions of the evolutionary development of the science of the history of law and the state of

* КОЖЕВИНА МАРИНА АНАТОЛЬЕВНА (Россия, Омск), профессор кафедры теории и истории права и государства ФГКОУВО «Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

KOZHEVINA MARINA ANATOLYEVNA, Professor at the Department of Theory and History of Law and State, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation;

** ЯЩУК ТАТЬЯНА ФЕДОРОВНА (Россия, Омск), заведующая кафедрой теории и истории государства и права ФГАОУВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», доктор юридических наук, профессор;

YASHCHUK TATYANA FEDOROVNA, Head of the Department of Theory and History of State and Law of Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor.

Russia from the standpoint of science studies, reveals the theoretical and methodological aspects of cognitive and social institutionalization, based on the institutional approach, the periodization of the history of domestic legal science and its separate scientific discipline is carried out.

Keywords: history of science, history of law, history of the state, institutionalization, periodization.

История науки, как не парадоксально, в отличие от самой науки, – относительно молодая сфера знания. Ее самостоятельность рельефно проявилась лишь во второй половине XX столетия, когда науковедами (исследователями науки во всех ее проявлениях) был поставлен вопрос о научных революциях, научных кризисах, научном прогрессе, о соотношении и сменяемости этих феноменов в научном познании и о факторах, воздействующих на степень их проявления. Уровень науки к этому времени был таков, что научная рефлексия становилась крайней необходимостью. В этом контексте история приобретала первейшее значение как средство поиска ответов на многоаспектные вопросы о будущем развитии науки. Обусловленность такого выбора связана с тем, что науки, будь то естественные либо гуманитарные, находятся в постоянной динамике и лишь на короткое время фиксируют те или иные формы научного взаимодействия, поэтому результаты этого взаимодействия могут быть верифицированы только в ретроспективе.

И если отдельные науки, в основном естественные, а также история, сформировали историю своей науки как самостоятельное направление, то юридическая наука в этом отношении пока делает лишь робкие шаги. Своя история в отечественной юридической науке до настоящего времени полноценным предметом исследования не стала, тем более она отсутствует внутри отдельных научных дисциплин, в том числе в науке истории права и государства России.

Монография «Эволюция науки истории права и государства России (XVIII-XX вв.)»¹⁵, представленная на суд читателя, есть попытка ликвидировать этот пробел, нивелировать лагуну в современном юридическом знании. Наша «амбициозная» задумка подкреплена немалым исследовательским и педагогическим опытом. Тема истории отечественной юридической науки и юридического образования в поле нашего научного интереса находится много лет.

¹⁵ Кожевина М.А., Ящук Т.Ф. Эволюция науки истории права и государства России (XVIII-XX вв.). Монография. – М.: Норма, 2023. – 576 с.

Это время было наполнено поиском источников и осмыслением полученных результатов, рождением определенных идей, сомнениями и ожиданиями, в конечном итоге – осознанием и формулированием концептуальных положений, важных для обозначенного научного тренда. Наша научная позиция нашла отражение в нескольких десятках научных публикаций, содержание которых в той или иной степени вошло частью в настоящую монографию и позволяет в значительной степени раскрыть сложившийся системный взгляд на эволюцию науки истории права и государства России.

Представленная книга – это работа двух авторов, объединенных идеей исследования эволюции науки истории права и государства России с науковедческих позиций на основе институционального подхода. Вместе с тем каждый из авторов в своей научной деятельности сконцентрирован на изучении определенного периода истории отечественной юридической науки и юридического образования, что и предопределило структуру исследования и роль каждого в написании текста. Введение, заключение, библиографический список – совместное творчество. Основное содержание разделено на главы, первые четыре из них посвящены дореволюционному (досоветскому) периоду и написаны М.А. Кожевиной, вторые четыре главы, раскрывающие особенности науки истории права и государства России в советский и постсоветский периоды, написаны Т.Ф. Ящук. Исследование осуществлялось в рамках проекта № 20-011-00523 «Эволюция науки истории права и государства России XVIII-XX вв.» при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

В первую очередь в познавательное поле были включены сюжеты теоретического содержания, которые потребовали отбора и уяснения общих понятий – «наука», «науковедение», «история науки», «отрасль науки», «научная дисциплина», а также характерных для работ юридического содержания – «юридическое науковедение», «юридическая историография», «юридическое источниковедение» «история права и государства», «история государства и права», «история русского права» и т. п. В этой связи изучался отечественный науковедческий опыт гуманитарных наук, повышенную ценность имели заключения и выводы зарубежных авторов. Вместе с тем использовались результаты исторических и юридических исследований институционального развития отечественной науки, впервые была предпринята попытка осуществить поэтапный историографический экскурс в проблему истории отечественной

юридической науки, выделить основные работы историко-научного характера, показать их историческую ценность в исследовании науки истории права и государства России.

Эволюция науки истории права и государства России рассматривается в двух ракурсах. Первый заключался в выявлении и изучении внешних условий и факторов, повлиявших на отпочкование самостоятельной науки (научной дисциплины) и дальнейшую динамику, в установлении и анализе различных «институций», обеспечивающих ее бытование, например, академических и университетских структур, иных формализованных и неформализованных научных сообществ. Раскрытие внутренней истории науки состояло в аналитике условий, влиявших на приращение историко-правовых знаний, раскрывающих всю сложность формирования доктрины, предмета и методологии науки, становления научных школ и направлений, расширения тематики и проблематики исследований, выстраивания внутри научного сообщества коммуникаций и выбора способов их поддержания и развития.

С этой целью была проведена периодизация эволюционного процесса. В качестве критерия был определен процесс институционализации отечественной юридической науки, а затем и научной дисциплины. Этот процесс связан с особенностями научной деятельности, а именно: с возникновением и осознанием научных проблем, с развитием эмпирической базы правоведения, с творчеством и инновациями в правоведении, с юридическим образованием и профессионализацией научной юридической деятельности, с развитием индивидуального и коллективного факторов в науке, с этосом науки, с организацией и управлением научной деятельностью, с популяризацией научного знания о праве, с социокультурной, политической, экономической и иной обусловленностью научной деятельности.

Периодизация позволила обозначить два уровня эволюционного развития. На первом, внешнем или общем, выделяются три периода в истории отечественной юридической науки: дореволюционный (XVIII – начало XX вв.); советский (1917 г. – конец XX в.); постсоветский или современный (рубеж XX-XXI вв. – настоящее время). Они соотносятся с качественными политическими, социально-экономическими, культурными и иными изменениями в общественной жизни, повлиявшими на условия существования науки как социального института. Второй уровень периодизации, назван частным или внутренним, показывает в рамках каждого

большого периода самостоятельные временные потоки, связанные с формированием и развитием истории права и государства России как научной дисциплины.

Наука «История государства и права России» возникла в недрах отечественной юридической науки, поэтому в своем развитии преодолела все указанные периоды. Однако в силу специфики предмета познания имеет свою хронологию и периодизацию. Мы выделили несколько этапов внутри каждого периода. В дореволюционный период обозначается три самостоятельных этапа. Первый этап ограничивается XVIII – началом XIX веков – это время преднаучного (или протонаучного, донаучного) развития, по меткому замечанию Г.С. Фельдштейна, – «эмбрионального» состояния. Это время зарождения предпосылок возникновения науки истории права, пробуждения интереса к истории русского права как предмету познания. История права пока выполняет роль познавательного инструмента в практической юриспруденции и юридическом образовании. Первая треть XIX века и вплоть до 1840-х гг. – следующий этап – этап генезиса, когда история права, являясь частью отечественной юридической науки и отечественной исторической науки, постепенно выходит за их рамки, определяется предмет и методология ее как науки. 1840-е гг. – вторая половина XIX столетия и до начала XX века – этап окончательного обособления науки истории русского права в самостоятельное научное направление отечественной юриспруденции.

В советском периоде высвечивается тоже три самостоятельных временных отрезка. Время сразу после революции 1917 г. и до середины 1930-х гг. мы определили как дискретный этап, когда прерывается определенная связь между традициями познания права предшествующего и последующего периодов. Для науки истории права и государства России – это время стагнации. Но вместе с тем на этом этапе, когда осуществляется поиск новой парадигмы, формируются представления о пролетарском (социалистическом) праве, история права выполняет роль опосредованного познавательного инструмента. Середина 1930-х – конец 1950-х гг. – следующий этап, когда происходит восстановление историко-правового компонента сначала в структуре образования юристов, а затем в виде отдельного научного направления. На этом этапе в среде немногочисленных ученых историков права происходят серьезные дискуссии о влиянии дореволюционной школы на формирование доктрины советского права. Но самым важным было то, что из предмет-

ной области отечественной юридической науки вычленяется самостоятельный предмет историко-правовой науки – государство и право в хронологических и территориальных рамках Российской империи и СССР. 1960-е – 1980-е годы являются логическим продолжением предшествующего этапа и характеризуются признанием в полной мере преемственности в изучении отечественного права на основе единственно возможного научного подхода – классового, расширением предмета науки за счет исследования отраслевого права, но в большей степени – институтов государства.

Постсоветская или современная историко-правовая наука – следующий период в развитии, который начинается с 1991 года. 1990-е гг. – этап поиска новой научной методологии и нового вектора развития науки истории отечественного права. Сохраняется инерция формационного познания права и государства и одновременно культивируется отрицание научности материалистической методологии. 2010-е гг. – этап раскрытия междисциплинарного потенциала науки истории отечественного права, расширение тематики исследований и формирование новых научных направлений.

Отметим, что эволюция науки истории права и государства России с науковедческих позиций ранее не исследовалась. Выбор методологии был обусловлен междисциплинарным характером изучаемого объекта, который проявляется как во внешнем взаимодействии с другими науками, прежде всего историей, социологией и политологией, так и во внутреннем, когда предмет познания науки истории права и государства соотносится с предметной областью теоретико-правовых и юридических отраслевых наук. Благодаря выбранной позиции в орбиту исследования были включены не только вопросы развития предметного содержания науки истории права и государства России, методов исследования правовой материи, этапов развития отечественной юридической науки и истории права как научной дисциплины, но и государственной политики, эволюции форм организации науки, ее структуры, генезиса и эволюции научных направлений, способов воспроизводства и использования специалистов и т. п.

В качестве основополагающего научного подхода был определен институциональный, который позволил раскрыть предмет познания в двух основных направлениях: когнитивной институционализации и социальной институционализации. Когнитивная институционализация является основным «каналом социализации специализированного научного знания». Она дополняется социаль-

ной институционализацией, которая опосредует социальные стандарты в познавательной деятельности. Институционализация рассмотрена как сложный многоступенчатый процесс: от обособления юридической научной деятельности от практической юриспруденции до дифференциации научного историко-правового пространства – формирования самостоятельной научной дисциплины истории права и государства России.

Применение институционального подхода позволило выявить приоритетные факторы, повлиявшие на процессы становления и развития науки истории права и государства России, среди которых в значительной степени выделяется государственная политика в области образования, в области науки и формирования соответствующих государственных и общественных институтов. Этот аспект в равной степени проявляется во все периоды. В числе значимых условий анализируется научная и образовательная юридическая среда как благодатная почва для формирования науки истории права и государства России, как транслятор историко-правовых знаний и средство их популяризации. Последний фактор усиливается порой за счет эффективного сочетания деятельности формальных (научные учреждения, кафедры, институты) и неформальных (юридические и иные общества и движения) структур, исторической и юридической периодической печати.

Исследование опиралось на принципы историзма, объективности, предметности, воспроизводимости и верификации научных знаний, которые позволили сформировать совокупность общенаучных и специальных методов, посредством которых изучался эмпирический и аналитический материал. Так, учитывая ракурс историко-научного исследования, в числе приоритетных являлись методы источниковедческого и историографического анализа, которые позволили выявить целый ряд аспектов: когда и где сформировались условия для развития науки, а именно – общественные и политические отношения, уровень развития общественных и других наук, степень их взаимодействия и взаимовлияния, преемственность в научных теориях и практике, уровень развития нормативной базы исследований, широту диапазона проблематики, соотношение общих и частных аспектов историко-правового характера. Удалось ответить на ряд значимых вопросов: что изучалось, с каких позиций, кем изучалось и как изученное стало достоянием других? Каковы внешние условия, формирующие «социальность» науки, и внутренние, связанные с самим научным сообществом? Как скла-

дывалось научное сообщество историков права, его внутренняя структура и организация, нормы социального регулирования и научной этики? Одним словом, все то, что способствовало эволюционному развитию науки истории права и государства России.

Использование системного метода познания способствовало изучению науки истории права и государства России как подсистемы отечественной юридической науки и как самостоятельной системы с характерными связями, способами функционирования и взаимодействия. Посредством системного метода был сформирован взгляд на предмет исследования как на динамически развивающуюся систему в рамках каждого периода и этапа, а также в контексте общего развития отечественной юридической науки.

Научное исследование строилось на широкой репрезентативной базе, в связи с чем была выработана своя методика изучения источников познания. Она предполагала стадийную последовательность изучения, первая из которых – целенаправленный поиск и отбор источников, их классификация, на второй осуществлялось исследование формы и содержания каждого источника и каждой группы источников, третья – стадия источниковедческого синтеза позволила создать доказательственную базу и выстроить аргументы в пользу полученных научных результатов. Вся совокупность источников была разделена на два больших комплекса: в первый вошли историографические источники, во второй – иные исторические источники. Каждый комплекс был подвержен внутренней видовой классификации, в целом ориентированной на современные достижения исторического источниковедения. Однако специфика изучаемой научной темы (она имеет юридическую ориентацию) обусловила и методы юридического источниковедения, при этом учитывались два свойства источников – как события в истории юридической науки и научной дисциплины, выполняющего конкретную роль во времени и пространстве, и как научный факт с позиций позднейшего историко-правового опыта.

Историографическими источниками были определены носители информации об истории научной дисциплины, раскрывающие ее научный потенциал и демонстрирующие процесс развития научного знания об истории государства и права России. Все остальные – исторические источники, то есть те, которые несут первичную информацию о предмете познания. Историографические источники были разделены на научные, всесторонне раскрывающие научное творчество историков права, и на социально ориентированные, от-

ражающие формы и средства популяризации научного знания и отклика научного сообщества на социальные запросы.

Вся совокупность источников была ограничена по месту бытования: опубликованные (библиотечные фонды) и неопубликованные (архивные фонды, музейные коллекции). Работа с каждой совокупностью была ориентирована на отдельную методику. В целом оба сформированных комплекса источников имеют репрезентативный характер и позволили достичь поставленной цели.

Особенность исследования заключается и в том, что значительная часть историографических и архивных источников была введена в научный оборот в представленном контенте впервые. В частности, впервые подвержены историко-правовой аналитике научные труды дореволюционных исследователей, таких как Ф.Г. Штрубе де Пирмона, И.Ф.Г. фон Эверса, А.М.Ф. фон Рейца, И.Ф. Беллинсгаузена, А.А. Благовещенского, В.М. Грибовского, П.И. Дегай, М.А. Дьяконова, Н.П. Загоскина, Н.В. Калачова, А.П. Куницына, Н.В. Латкина, Ф.Л. Морошкина, М.М. Михайлова, Н.А. Неволлина, П.П. Пекарского, П.Г. Редкина, Н.Ф. Рождественского, Д.Я. Самоквасова, А.Г. Станиславского, Г.С. Фельдштейна, Н.Л. Филиппова, А.А. Фишера, П.И. Числова, М.Н. Ясинского и др.

При исследовании дореволюционного периода были изучены фонды Российского государственного исторического архива (РГИА) – фонды Министерства народного просвещения, личного фонда Н.В. Калачева (Ф. 950), при исследовании советского периода изучены фонды Архива Российской академии наук (РАН): Ф. 350 (Коммунистическая академия Центрального Исполнительного Комитета СССР (ЦИК СССР)); Ф. 360 (Институт советского строительства и права Коммунистической академии ЦИК СССР); Ф. 1934 (Институт государства и права Академии наук СССР); Ф. 499 (Отделение экономики и права Академии наук СССР); Государственного архива РФ: Ф. Р-5148 (Институт Красной профессуры советского строительства и права при ЦИК СССР); Ф. Р-7668 (Комитет по заведыванию учеными и учебными учреждениями при Президиуме Верховного Совета СССР (Ученый комитет); Ф. Р-9492 (Министерство юстиции СССР); Ф. А-1565 (Главное управление профессионального образования наркомата просвещения РСФСР). Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 113 (ЦК КПСС. Организационное бюро и Секретариат ЦК ВКП(б) XIV-XV созыва);

Ф. 17. Оп. 133 (ЦК КПСС. Организационное бюро и Секретариат ЦК ВКП(б) XVIII созыва); Ф. 17. Оп. 133 (ЦК КПСС. Отдел науки и вузов ЦК ВКП(б); Оп. 146 (ЦК КПСС. Отдел организационно-партийной работы. Сектор информации), документы личного фонда Б.И. Сыромятникова, хранящиеся в Отделе рукописей РГБ (Ф. 366). Вся совокупность обнаруженных источников и научных произведений отечественных ученых-юристов позволила сформировать фактологию, последовательно раскрыть и проиллюстрировать процесс эволюции науки истории права и государства России, установить степень преемственности в отечественной историко-правовой науке на разных этапах развития, выделить перспективные либо, напротив, тупиковые направления в ее становлении.

Текст монографии структурирован согласно проблемно-хронологическому принципу, в этом ракурсе выстраивается и фактология. Работа завершается библиографическим списком, включившим, на наш взгляд, основную историко-правовую, теоретическую, историческую и науковедческую литературу, позволяющую будущим исследователям науки истории отечественного права сориентироваться не только в проблематике обозначенного научного тренда, но и определить предметное поле своего изыскания.

Таким образом, цель, которую мы определили, – создать комплексную науковедческую картину генезиса, формирования, становления и развития науки истории права и государства России в целом, как нам кажется, достигнута. Однако тема, оказавшаяся в поле нашего научного интереса, настолько обширна и многогранна, что проделанная исследовательская работа, без сомнения, не исчерпана, является определенным заданием, поэтому может служить отправной точкой для углубленного познания отдельных сюжетов истории отечественной юридической науки.

Список литературы

1. Данилевский И. Н. Тупики периодизации или периодизация в тупике // Одиссей. Человек в истории. 1998. – М.: Наука, 1999. – С. 264-270.
2. Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки / Под ред. А.Г. Аллахвердяна, Н.Н. Семенович, А.В. Юревича. – М.: Логос, 2005. – 308 с.
3. Огурцов А.П. Дисциплинарная структура науки. Ее генезис и обоснование. (А.П. Огурцов. Дисциплинарная структура

науки. Ее генезис и обоснование. М., Наука, 1988, 256 с.): автореферат дис. ... д-ра философ. наук. – М., 1990. – 49 с.

4. Основы науковедения / Рук. авт. колл. С. Микулинский. – М.: Наука, 1985. – 431 с.

5. Тарасов Н.Н. Методологические проблемы юридической науки. – Екатеринбург: Изд-во Гуманит. ун-та, 2001. – 264 с.

*Жданов П.С.**

Правовой дискурс в историко-культурном контексте: проблемы методологии исследования

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы методологии исследований в области истории права и истории правовой философии. Поскольку основным материалом подобных исследований выступают правовые и философско-правовые тексты, первоочередное внимание уделяется проблеме интерпретации юридического дискурса. Указанная интерпретация должна осуществляться в контексте конкретной культурной среды, понимаемой как семиотическое пространство.

Ключевые слова: история философии права, история ментальностей, методология, правовой дискурс, контекст, семиосфера.

Legal discourse in historical and cultural context: challenges of research methodology

Abstract. The article discusses the issues of research methodology in the field of the history of law and the history of legal philosophy. Since the main material of such studies are legal and philosophical-legal texts, primary attention is paid to the problem of interpretation of legal discourse. This interpretation should be carried out in the context of a specific cultural milieu, understood as a semiotic space.

* ЖДАНОВ ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ (Россия, Нижний Новгород), доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ФГАОУВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», кандидат юридических наук, доцент;
ZHDANOV PAVEL SERGEEVICH, Associate Professor at the Department of Theory and History of State and Law, Faculty of Law, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Keywords: history of philosophy of law, history of mentalities, methodology, legal discourse, context, semiosphere.

Важнейшей тенденцией в развитии исторической науки во второй половине XX века стало обращение исследователей самых разных школ и направлений к анализу конкретных исторических типов культуры на уровне их ментальных оснований, т. е. на том уровне, где закладывается связь между индивидом и обществом, формируется совокупность устойчивых структурных характеристик культуры. В этом можно видеть проявление интереса к антропологии, характерного для историков, начиная с 60-х гг. прошлого столетия, а также влияние т. н. «лингвистического поворота» в гуманитарных науках. Повышенное внимание к несознаваемым «мыслительным структурам», которыми определяются особенности картины мира людей определенной эпохи, их обычаи, мифология, быт, объединяет и структуралистов, и представителей школы «Анналов». Оно характерно также и для специалистов, работающих в области микроистории или истории повседневности.

Уделяя все больше внимание исследованию ментальностей, история культуры и историческая антропология соприкасаются с интеллектуальной историей, поскольку последняя стремится к выявлению скрытых мировоззренческих предпосылок идейных построений. Как писал историк А. Гуревич, «перемещение интереса с идеологических конструктов на мировидение обусловлено пониманием того, что за теориями и учениями кроется иной план реальности, укорененный в сознании людей, притом столь глубоко и прочно, что когда одна идеология сменяет другую, этот потаенный слой образов и представлений может оставаться неизменным или изменяться лишь отчасти, сохраняя свои основные "параметры"»¹⁶. Одним из вариантов подобного подхода была «археология» гуманитарных наук Мишеля Фуко в качестве анализа «эпистемологического поля» культуры, который, по его словам, «не есть история идей или наук», а «исследование, цель которого – выяснить, исходя из чего стали возможными познания и теории, в соответствии с каким пространством порядка конструировалось знание; на основании какого исторического *a priori* и в стихии какой позитивности идеи могли появиться, науки – сложиться, опыт – получить отра-

¹⁶ Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». – М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. – С. 22.

жение в философских системах, рациональности – сформироваться»¹⁷.

Овладение подобным кодом является условием понимания отдельных феноменов, относящихся к данной культуре, включая философские идеи и произведения искусства. Соответственно, историческое исследование можно представить как «диалог современности с прошлым»¹⁸, в ходе которого отдельные культурные явления прошлого должны быть истолкованы на языке культуры, современной исследователю. При этом, конечно, полная тождественность исходного смысла и смысла, полученного в результате такого «перевода», остается недостижимой задачей в силу разницы в историко-культурных контекстах отправителя и получателя «сообщения»¹⁹.

В свете описанных тенденций можно взглянуть на методологию истории права и истории правовых учений. Будучи одной из сфер культуры, право «говорит» на ее языке, подчиняется в своем развитии ее общим закономерностям. Поэтому, если уместно говорить о ментальности как о факторе внутреннего единства различных сфер культурной деятельности человека, то также можно говорить о том, что различные правовые явления объединяются конкретным типом правового мышления, укорененном, в свою очередь, в конкретном типе мировоззрения. В данном случае не имеет существенного значения, рассматриваем ли мы правовые (нормативные, правоприменительные) тексты или философско-правовые трактаты – и те и другие могут быть объединены в рамках категории «правового дискурса»²⁰. Именно правовой дискурс дает историку материал для реконструкции правового мышления с его устойчивыми структурными характеристиками, а также своеобразного языка права, который составляют не только собственно лингвистические конструкции, используемые в правовой коммуникации, но и набор символов, образов, жестов, ритуалов, служащих для фиксации и передачи смыслов в сфере права.

¹⁷ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб.: А-сэд, 1994. – С. 34.

¹⁸ Гуревич А.Я. Указ. соч. – С. 27.

¹⁹ Успенский Б.А. Ego Loquens: Язык и коммуникационное пространство. – М.: РГГУ, 2012. – С. 114.

²⁰ В данном случае под дискурсом мы понимаем «комплексную взаимосвязь многих текстов (типов текста), функционирующих в пределах одной и той же коммуникативной сферы» (см.: Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: учеб. пособие. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – С. 115).

Задачи понимания текстов реализуются в рамках герменевтики, для которой принципиальное значение имеет положение о диалектической связи целого и его частей. Соответственно, интерпретация отдельных образцов правового дискурса предполагает прочтение их как элементов некоего коммуникативного пространства, в рамках которого отдельные тексты могут быть адекватно осмыслены. В связи с этим возникает вопрос об объеме контекста, который необходимо учитывать при интерпретации текста.

Тезис о необходимости при реконструкции смыслового содержания политического дискурса учитывать контекст, в рамках которого осуществлялось данное речевое действие, является важнейшим методологическим принципом, сформулированным К. Скиннером и Дж. Пококом, основателями Кембриджской школы интеллектуальной истории. В работе *The State of the Art* Дж. Покок пишет о том, что в сфере политического (и любого другого) дискурса всякий речевой акт или высказывание совершается прежде всего в рамках определенного языка (нескольких языков), т. е. совокупности идиом, конвенций и т. п., которые предписывают субъекту дискурса не только «способ говорения», но и «предмет обсуждения для политической речи»²¹. Но при этом «каждый языковой контекст предполагает определенный политический, социальный или исторический контекст, внутри которого он сам располагается»²². Однако, признавая значимость разнообразных внеязыковых факторов, влияющих на картину мира субъектов дискурса, определяющих их практические задачи, задающих специфическую политическую ситуацию, классики Кембриджской школы (в первую очередь, К. Скиннер) на деле зачастую ограничивают рамки исследования «риторическими особенностями политических трактатов и лингвистической составляющей политических действий»²³. Таким образом, «контекст» в их понимании фактически сводится к «полемической языковой ситуации»²⁴.

Методология Кембриджской школы показала свою несомненную плодотворность в исследовании политических языков Нового времени. Вместе с тем представляется, что ее возможности ограничены там, где перед исследователем стоят задачи по интерпретации

²¹ Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – С. 157.

²² Там же.

²³ Там же. – С. 25.

²⁴ Там же. – С. 24.

текстов, относящихся к историческим эпохам и цивилизациям, относительно которых он не располагает достаточными данными для воссоздания более или менее четкой картины «полемической языковой ситуации» в рассматриваемой сфере. Да и в пределах относительно близких ему культурных реалий ученый может столкнуться с ситуациями проникновения в область политического или правового дискурсов языков из других областей культуры (религии, науки, искусства). В подобных случаях понимание смысла политических и юридических текстов затрудняется, если при их чтении не учитывается более широкий культурный контекст.

Таким образом, необходимым контекстом для исторического исследования правового дискурса выступает культура как определенный духовно-материальный универсум, единство элементов которого задается на уровне ментальности ее носителей²⁵. По отношению к совокупности языков, взаимодействующих в данной среде, и массиву текстов, созданных на основе этих языков, культура является общим семиотическим пространством. По словам Ю.М. Лотмана, функционирование любого данного языка возможно только во взаимодействии с конкретной семиосферой²⁶. В качестве знаковой системы культура выступает «мыслящей структурой» – она способна создавать, сохранять, передавать информацию, формируя сознание индивидов и выступая своеобразным «механизмом» по созданию текстов, интерпретация которых требует сопоставления их языков с общим языком культуры. Историк, исследующий правовой дискурс прошлого, стремящийся к реконструкции мировоззренческих характеристик его субъектов, так или иначе должен будет исходить из структурных свойств данного семиотического пространства.

Список литературы

1. Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Аналлов». – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 432 с.
2. Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 632 с.

²⁵ См., напр.: Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. – М.: Академический проект, 2017. – С. 44, 54.

²⁶ Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПБ, 2010. – С. 151.

3. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПБ, 2010. – 704 с.
4. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. – М.: Академический проект, 2017. – 964 с.
5. Успенский Б.А. Ego Loquens: Язык и коммуникационное пространство. – М.: РГГУ, 2012. – 344 с.
6. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб.: А-сэд, 1994. – 408 с.
7. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: учеб. пособие. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 208 с.

*Ахмедов Р.М.**

К вопросу о соотношении морали и права в качестве регуляторов общественных отношений в историко- правовом контексте: от прошлого к настоящему

Аннотация. В статье рассматриваются в исторической ретроспективе некоторые вопросы о соотношении морали и права, оказавших влияние на культурно-идеологическую матрицу российского общества в качестве регуляторов, испытавших влияние религии.

Ключевые слова: мораль, право, религия, регулятор, общество, традиционные духовно-нравственные ценности.

On the question of the relationship between morality and law as regulators of public relations in the historical and legal context: from the past to the present

Abstract. The article examines in historical retrospect some questions about the relationship between morality and law, which influenced

* АХМЕДОВ РУСЛАН МАРАТОВИЧ (Россия, Москва), заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин и цифрового права НОЧУВО «Московский финансово-промышленный университет "Синергия"», кандидат юридических наук, доцент;

AKHMEDOV RUSLAN MARATOVICH, Head of the Department of State and Legal Disciplines and Digital Law of the Synergy University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

the cultural and ideological matrix of Russian society as regulators influenced by religion.

Keywords: morality, law, religion, regulator, society, traditional spiritual and moral values.

На протяжении последних тридцати лет в российском обществе выстраивалось внутрисоциальное общение между гражданином, институтами гражданского общества и органами государственной власти в свете заимствованных западноевропейских и американских либеральных традиций и ценностей, где частные интересы преобладают над общественными и государственными. Это способствовало тому, что в начале XXI века перед современным российским обществом начали возникать новые вызовы и угрозы, которые деструктивно сказывались на духовно-нравственной, мировоззренческой среде и ментальности человека. В результате возвышения эгоистических устремлений в погоне за материальными благами люди стали подменять высокие нравственно-оценочные идеалы мирскими утехами личного потребительского значения, что неминуемо сказалось в отношениях «гражданин – государство» и «гражданин – общество», ведя к принижению значения национальной культурной самоидентичности, государственности в международном пространстве.

Способствовало подобному либеральному мировосприятию и получившая развитие в конце XX века транснациональная глобализация международных отношений, а также получившая свое развитие эпоха промышленной революции 4.0, идолом которых стал культ «золотого тельца». Необходимо отметить, что тенденция по модернизации человеческих отношений наиболее востребованной всегда оказывалась в молодежной субкультуре, которая критически оценивает устоявшиеся обычаи, традиции и ценности на предмет их актуализации текущим стандартам жизни. Поэтому не случайно то, что исторически сложившиеся духовно-нравственные традиции и ценности, нормативные регуляторы общественных отношений стали подменяться в угоду текущим реалиям развивавшегося научно-технического прогресса в буквальном смысле «без цензуры».

Подобные агрессивно-деструктивные социальные процессы в мирской среде неминуемо исказили ранее установившиеся самобытные духовно-нравственные традиции и ценности, произошло падение морального облика современного человека. Как следствие, это способствовало деградации семейных устоев, чувства патри-

тизма, ответственности гражданина за судьбу Родины, Отечества и многих других морально-нравственных идеалов совместного бытия. Человеческое мировосприятие стало развиваться в отрыве от национальных самобытных морально-нравственных и правовых регуляторов общественных отношений, интерпретируя окружающий мир в качестве ресурса для достижения личного блага, первенства в мирских ощущениях и материальных благах.

Руководство российского государства, осознав, что идеологический «отрыв» сознания граждан от общественных и государственных интересов ведет к саморазрушению жизненных основ национальной государственности, в последнее время усилило юридический механизм гарантий реализации и защиты традиционных духовно-нравственных ценностей. Примером тому являются конституционные поправки 2020 г., где, в частности, в статье 67.1 часть 2 впервые появилось упоминание о Боге²⁷.

Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 утверждена Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, где традиционные духовно-нравственные ценности зафиксированы в качестве стратегических национальных интересов и приоритетов в вопросах обеспечения безопасности и суверенитета страны в современном международном пространстве (пункты 21, 22, 25, 26 и далее)²⁸.

Получил официальную юридическую детализацию вопрос о соотношении норм права и морали в качестве традиционных духовно-нравственных ценностей в Указе Президента Российской Федерации № 809 от 9 ноября 2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»²⁹.

Указ Президента Российской Федерации от 25 января 2023 г. № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культур-

²⁷ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 (Дата обращения: 06.06.2023 г.).

²⁸ Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 05.07.2021. – № 27 (часть II). – Ст. 5351.

²⁹ Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. – 14.11.2022. – № 46. – Ст. 7977.

ной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808»³⁰ скорректировал цели и задачи государственной культурной политики, ключевые принципы ее реализации. В этом акте особенности национального соотношения морали и права в историческом аспекте отмечены в качестве культуuroобразующего фактора национального менталитета, отражающего мировоззренческие ценностные ориентиры многонационального и многоконфессионального российского общества.

В настоящее время в российском обществе все чаще обсуждается вопрос о роли и значении идеологии в государственном строительстве и регламентации общественных отношений. Примером тому служит XII Московская юридическая неделя и прошедший относительно недавно XI Петербургский Международный молодежный юридический форум. На этих научных мероприятиях в очередной раз затронута проблема о необходимости установления государственного доминирования в идеологической сфере и, соответственно, внесения поправок в статью 13 части 1-2 Конституции Российской Федерации. Это указывает на то, что в обществе назрели процессы, свидетельствующие о важности усиления роли государства через нормативные регуляторы, гражданские инициативы в формировании мировоззренческих воззрений населения по защите традиционных духовно-нравственных ценностей.

Однако перед тем как начать формировать идеологическую доктрину, в том числе затрагивающую сферу духовно-нравственных и правовых отношений, по моему мнению, необходимо определить начальные идеалы, стандарты нравственной зрелости, ответственности человека, личности, гражданина в интересах общества и государства, которые бы имели историческую последовательность, духовную обоснованность и мирскую приемлемость в качестве допустимых нормативных регуляторов и стандартов текущей жизни, отвечающих реалиям современного времени.

И здесь большая роль отводится традиционным религиозным объединениям, сформировавшим морально-нравственные «заветы», канонические предписания, ставших духовными народными «скрепами», позволявшие населению страны в тяжелые для отечествен-

ной государственности времена перенести те страхи, трудности, с которыми они сталкивались в повседневной жизни, найти «луч света» в бремени повседневного быта.

Поэтому не случайно то, что моменты зарождения осознанных морально-нравственных и правовых идеалов о добре и зле в славянском мире неотъемлемо связаны с религиозным мировоззрением. Примером тому консолидированный славянский языческий пантеон великого русского князя Владимира до крещения Руси, богами которого древние русичи клялись в соблюдении межгосударственных русско-византийских договоров.

С 988 г. на Руси морально-нравственные мировоззренческие и правовые идеалы стали неразрывно связаны с христианской церковно-правовой традицией византийского направления. Это позволило сущностно и содержательно обогатить древнерусские общественные отношения и нормативные регуляторы духовными морально-нравственными ценностями. Благодаря чему на Руси начал формироваться образ идеального христианского государя, православно-мирянина. Произошло становление нового важного государственного и общественного института в виде Русской церкви, духовенство которого стало «вспомощевателями» русских государей в организации, управлении общественных правоотношений, разрешении правовых казусов.

В последующем на протяжении веков русское духовенство, оказывая влияние на общественные отношения, олицетворяло собой морально-нравственные идеалы, являлось хранителями христианских канонических ценностей, канонически обосновывая нормативные стандарты социальной жизни. Примером тому богословский труд митрополита Илариона «Слово о законе и благодати»³¹. А в сложные для древнерусской государственности общественно-политические средневековые периоды оно помогало великим русским князьям усмирять удельно-клерикальный сепаратизм, разрешать мирские споры, нравственно воспитывать и поучать православно-население о добре и зле, тем самым сохраняя и сберегая основы государственного строя Руси. Благодаря чему древнерусские богословские труды становились важными источниками отечественной юриспруденции в виде регуляторов общественных отношений. Примером тому являются Правила митрополита Кирилла

³⁰ Указ Президента Российской Федерации от 25 января 2023 г. № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808» // Собрание законодательства РФ. – 30.01.2023. – № 5. – Ст. 777.

³¹ Иларион, митр. Киевский. Слово о Законе и Благодати. – М.: Столица, Скрипторий, 1994. – 146 с.

(1274 г.)³², церковно-юридические сборники (Кормчая книга, Мерила Праведное, Правосудие митрополичье)³³, которые предназначались и применялись для обеспечения судебной деятельности светской и духовной властей по широкому кругу правоотношений. Это позволило сформировать и содержательно насытить древнерусскую юриспруденцию ценностями, которые стали жизненно важными регуляторами общественных отношений в виде морально-правовых установок, а в установившихся государственно-церковных взаимоотношениях сформировать модель взаимодействия отмеченных институтов, которая во второй половине XV в. получила наименование «симфония священства и царства»³⁴.

В дальнейшем отмеченная модель государственно-церковного взаимодействия культурологически насыщалась и обогащалась особым ментальным мировоззрением русского по духу человека, юридически, канонически и философски обосновывалось. Так появилась политико-правовая доктрина «Москва-третий Рим», «Триада Уварова», отражавшая важные и неотъемлемые черты, качества и дух русского народа, культивировавшиеся имперским правительством, Русской православной церковью в дореволюционной России³⁵.

В Советском государстве, несмотря на установившуюся государственную идеологию в виде «воинствующего атеизма», которая содержательно была обозначена в Декрете СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г.³⁶, вновь в сложные для отечественной государственности периоды 1941-1945 гг. правительство обратилось за помощью в духовном окормлении русского воинства и населения к духовенству. Причиной тому стали попытки реализации культурно-идеологических нацистских планов фашистского руководства Германии на оккупиро-

ванных советских землях, которое пыталось жизненно воплотить идейные замыслы А. Гитлера по дроблению культурологического православного пространства русского народа на мелкие единицы³⁷. Поэтому не случайно 4 сентября 1943 г. И.В. Сталин провел расширенную встречу с руководителями Русской православной церкви (митрополитами Сергием, Алексием, Николаем) по восстановлению системы канонического управления РПЦ, в том числе на оккупированных территориях и за рубежом.

В то же время в годы Великой Отечественной войны руководство традиционных религиозных объединений и просто духовенство заняли патриотическую позицию, что стало немаловажным фактором в укреплении обороноспособности страны и Победе над немецко-фашистскими войсками. Так, в первые часы немецко-фашистской агрессии против Советского Союза местоблюститель престола РПЦ Сергей обратился с посланием «К пастырям и пасомым Христовой православной церкви», в котором митрополит воззвал к долгу каждого православного мирянина к защите Отечества. Схожие морально-нравственные воззвания на исполнение священного долга, защиту матери-Родины, сподвигавшие на самоотверженность, личную отвагу советских людей, прозвучали и от лидеров других традиционных религий. Это мотивировало духовенство и верующих людей записываться на фронт добровольцами, оказывать материальную помощь Красной Армии, на средства которых сформированы воинские подразделения. Например, танковая бригада «Дмитрий Донской», танковая колонна «Давид Сасунский», «Шамиль» и другие. Это указывало на то, что, несмотря на установившуюся в Советском государстве непростую государственно-религиозную политику в момент становления молодой республики, народ духовно оставался единым, сохранив историческая преемственность в консолидации совместных сил, что позволило победить Советскому Союзу фашистскую Германию и ее союзников.

После демократических преобразований 90-х годов XX века в Российской Федерации для населения установилась либеральная морально-нравственная свобода в мировоззрениях и в праве выбора реализации религиозных предпочтений, что нашло свое конститу-

³² Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. 2 Период второй, московский от нашествия монголов до митрополита Макария включительно (первая половина тома). – М.: Университетская типография, 1900. – С. 69-77.

³³ Юшков С.В. Труды выдающихся юристов. – М.: Юрид. лит., 1989. – С. 339-341; Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. / Сост. Я.Н. Шапов. – М.: Наука, 1976. – С. 209-211.

³⁴ Карташев А.В. История Русской Церкви. – М.: Эксмо, 2005. – 912 с.

³⁵ Уваров С.С. Православие. Самодержавие. Народность. – М.: Эксмо, 2016. – 496 с.

³⁶ Декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г. // СПС «Гарант». – URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5325/?ysclid=lilpvcjn7c298432062> (Дата обращения: 06.06.2023 г.).

³⁷ Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Сб. док. / Сост.: О.Ю. Васильева, И.И. Кудрявцев, Л.А. Лыкова. – М.: Изд-во Крутицкого подворья: Общество любителей церковной истории, 2009. – С. 11-12; Бог и Победа: верующие в великих войнах за Россию. – М.: Эксмо, 2014. – С. 142-143.

ционно-правовое закрепление в нормах Конституции Российской Федерации 1993 г. Это породило в социальной среде распространению большого количества бесконтрольных религиозных движений, в том числе заимствованных из-за рубежа, которые стали воплощать в жизнь низменные нравственные качества человека, не соответствовавшие прежде установленным духовно-нравственным идеалам и канонике традиционных местных религиозных организаций. Примером тому являлись: Аум Синреке, Свидетели Иеговы, Саентология (секта Р. Хаббарда), Белое братство ЮСМАЛОС, секта Григория Грабового, секта бога Кузи и многие другие крайне радикальные религиозные группы и движения. Эти организации реализовывали мошеннические финансовые аферы, стремились подорвать основы государственного строительства в национальных республиках Российской Федерации, при этом опираясь идеологически на тоталитарные взгляды и прикрываясь пропагандой религиозной свободы. Тем самым происходил постепенный процесс по разрушению традиционных мировоззренческих и духовных морально-нравственных, правовых регуляторов в многонациональном и многоконфессиональном российском социуме.

Стремясь упорядочить деятельность разросшихся религиозных организаций, которые стали оказывать существенное влияние на общественную, политическую, экономическую сферу жизнедеятельности российского общества, 26 сентября 1997 г. парламент Российского государства принял Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях»³⁸. Этот нормативно-правовой акт крайне негативно был воспринят нашими коллегами из-за рубежа, которые продвигали либеральную религиозную свободу на территории Российской Федерации. Поэтому его назвали закон «с перекосом», который защищает интересы только крупных традиционных религиозных организаций.

Однако время и правоприменительная практика в вопросах защиты традиционных духовно-нравственных ценностей, идеалы которых сформированы местными религиозными объединениями, указывает на своевременность и правильность принятых на государственном уровне решений в отношении регламентации свободы совести и вероисповедания в конце 90-х годов XX столетия. На правильный выбор решения законодателей указывают также офи-

³⁸ Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства РФ. – 29.09.1997. – № 39. – Ст. 4465.

циальные сайты Федеральной службы безопасности Российской Федерации и Министерства юстиции Российской Федерации, где сформированы списки организаций, в том числе и иностранных международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими и экстремистскими на основании судебных решений³⁹.

В то же время полноценная правоприменительная практика реализации государственно-правовых инициатив в рассматриваемом вопросе о соотношении морали и права невозможна без участия гражданских институтов и прежде всего духовных лидеров России. Поэтому в свою очередь традиционные российские религиозные объединения, стремясь сохранить те ценности, которые присущи их идеологическим догматам, нормативно закрепили в канонических социальных концепциях, доктринах направления своего перспективного развития в стремительно меняющейся окружающей социальной среде⁴⁰. Эти канонические акты в содержательной части определили роль и значение религиозных объединений в социально-правовой жизни российского общества и его духовно-нравственном воспитании. Примером тому служат Основы социальной концепции Русской Православной Церкви 2000 г., в которых тематически изложены позиции православного духовенства в рассматриваемом вопросе.

В настоящее время российское и мировое сообщество находятся под воздействием четвертой промышленной революции, ко-

³⁹ Единый федеральный список организаций, в том числе и иностранных международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими на основании судебных решений // Федеральная служба безопасности Российской Федерации. – URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>; Перечень общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Министерство юстиции Российской Федерации. – URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/> (Дата обращения: 06.06.2023 г.).

Основы социальной концепции Русской Православной Церкви от 13-17 августа 2000 г. // Портал Патриархия.ru. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (Дата обращения: 06.06.2023 г.); Социальная доктрина российских мусульман от 14 июня 2015 г. // Социальная доктрина российских мусульман. – М.: Алтын Мирас, 2017. – 96 с.; Компендиумом социального учения Церкви // Местная религиозная организация «Каритас» Римско-католической Церкви в Санкт-Петербурге. – URL: <http://www.caritas-spb.org.ru/wp-content/uploads/2011/12/Compendium.pdf> (Дата обращения: 06.06.2023 г.).

торая оказывает свое непосредственное влияние и на содержание морально-правовых установок, регламентирующих мировоззренческий характер в общественных, государственных отношениях. Благодаря технологическим инновациям происходят преобразования не только в бытовой среде, но и в осмысленном понимании окружающей среды, которая все больше отцифровывается и погружается в киберпространство, формируя цифровые сообщества, традиции и ценности, содержательно не характерные прежде установившимся в человеческой среде. Поэтому не случайно то, что в мировом сообществе на планетарном уровне в киберпространстве получили свое практическое воплощение и распространение виртуальные синкретические проекции мировых религии, цифровое неоязычество. Эти очередные лжекульты, прикрываясь коммерческой деятельностью, пропагандой религиозной свободы, осуществляют осмысленную подмену традиционных мировоззренческих морально-нравственных основ человека к бытию, где во главу ставится культ кибер-Бога, Интернета всего сущего. Примером тому является деятельность популяризированных в цифровых сообществах трансгуманистических религиозных групп типа: «Гик-буддизм», «Second Life», «Терасем», «Миссионерская церковь копизма», «Цифроарианство» и многие другие⁴¹.

Это означает, что сегодня, как никогда роль и влияние институтов традиционных религиозных объединений на урегулирование социально-правовых отношений, их нормативные инициативы канонического содержания и нравоучительного характера по сохранению и культивированию высоких моральных идеалов остро востребованы, в том числе и для виртуального пространства универсальных «техносообществ». От того, как традиционные религиозные объединения заявят о своих правах на сохранение и последующую преемственность исторически сложившихся общегражданских морально-правовых установок, ценностей в новых общественно-политических условиях, зависит будущая культурно-идеологическая матрица российского социума и ее межпоколенческая связь. Это в свою очередь также окажет непосредственное влияние на исторические условия для дальнейшего развития отечественной государственности, ее целостность, а также на те законотворческие инициативы, которые исходят от народных делегатов,

⁴¹ Ахмедов Р.М. Digital religion и традиционные религиозные ценности. Особенности соотношения (по материалам электронных ресурсов): монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021. – 167 с.

институтов гражданского общества. При этом нормативные инициативы в духовно-нравственной среде должны сочетать интересы государства и гражданского общества. В противном случае, как отметил патриарх Русской православной церкви Кирилл, возможен «соблазн властью»⁴².

Таким образом, роль и влияние морали и права в качестве регуляторов общественных отношений в современном мире не должно быть принижено. Эти две категории неотъемлемо следуют друг за другом, взаимодополняют друг друга, расширяя и обогащая свою содержательную сущность с опорой на исторические условия их породившие, что указывает на межпоколенческую преемственность и востребованность в социальной среде. Подмена понимания природы, породившей мораль либо право в их качественном значении, влекут за собой трансформацию установившихся регуляторов общественных отношений в ценностном значении. А это в свою очередь повлечет для многоконфессионального и многонационального российского общества процессы деструктивного характера, расшатывающие консолидированные основы национальной государственности, опыт которых нам известен с 90-х годов конца XX столетия.

Следовательно, в стремлении сохранить историческую правду, истоки, породившие ценностные значения категорий морали и права, их межпоколенческую преемственность, обязывает исследователей истории права и государства вновь и вновь по-новому пересматривать памятники как юридического так и канонического наследия, вводить в исследовательскую среду новые источники, ранее не проанализированные нарративы с целью недопущения фальсификации условий их породивших, а также подмены их качественных значений. Этого требуют и современные реалии установившихся межгосударственных отношений, где на региональных уровнях, к сожалению, ведется политический процесс по подмене понимания морали и права в качестве важных регуляторов общественных отношений путем принижения их качественного и социально-ценностного назначения. А это значит, что современные исследования в области истории права и государства по защите традиционных духовно-нравственных ценностей, основ государственного строя востребованы не только в научной среде, но и в сфере

⁴² Патриарх Кирилл предостерег «начальников» от тирании // РБК. – URL: <https://www.rbc.ru/society/01/05/2021/608d50429a794728a19faf15> (Дата обращения: 06.06.2023 г.).

образования, правотворческой деятельности. Современные исследования в области истории права и государства позволят выработать единые подходы к основным политико-правовым событиям истории нашей государственности, сохранить историческую преемственность и избежать фальсификации фактов, а также сформировать концептуальные решения в вопросах подготовки и воспитания подрастающего поколения в духе тех морально-правовых ценностей, которые закреплены Президентом Российской Федерации в Указе № 809 от 9 ноября 2022 г.

Список литературы

1. Ахмедов Р.М. Digital religion и традиционные религиозные ценности. Особенности соотношения (по материалам электронных ресурсов): монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021. – 167 с.
2. Бог и Победа: верующие в великих войнах за Россию. – М.: Эксмо, 2014. – 640 с.
3. Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. 2. Период второй, московский от нашествия монголов до митрополита Макария включительно (первая половина тома). – М.: Университетская типография, 1900. – 919 с.
4. Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. / Сост. Я.Н. Шапов. – М.: Наука, 1976. – 240 с.
5. Илларион, митр. Киевский. Слово о Законе и Благодати. – М.: Столица, Скрипторий, 1994. – 146 с.
6. Карташев А.В. История Русской Церкви. – М.: Эксмо, 2005. – 912 с.
7. Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Сб. док. / Сост.: О.Ю. Васильева, И.И. Кудрявцев, Л.А. Лыкова. – М.: Изд-во Крутицкого подворья: Общество любителей церковной истории, 2009. – 786 с.
8. Социальная доктрина российских мусульман от 14 июня 2015 г. – М.: Алтын Мирас, 2017. – 96 с.
9. Уваров С.С. Православие. Самодержавие. Народность. – М.: Эксмо, 2016. – 496 с.
10. Юшков С.В. Труды выдающихся юристов. – М.: Юрид. лит., 1989. – 463 с.

Методологические подходы С.И. Аскназия в контексте развития теории права

Аннотация. Решение актуальной проблемы совершенствования методологии историко-правовой науки, ее закрепления в научном сознании молодых ученых и применения в исследованиях невозможно без изучения трудов отечественных историков и юристов XIX-XX веков. Основной методологический инструментарий науки универсален, что не исключает эвристического формулирования названий методов, в которых уточняется или конкретизируется направление пути познания или особенности предмета исследования. Несомненный интерес с этой точки зрения представляют труды С.И. Аскназия, считавшего необходимым сопровождать свои размышления по тем или иным вопросам права методологическими выкладками, которые обеспечивали ясность хода научной мысли и одновременно становились своеобразным уроком, методическим пособием по освоению заинтересованным читателем приемов научного поиска. Рассматривая вопросы методологии гражданского права, ученый раскрыл виды, сущность и значение исследовательских приемов, их взаимосвязанность, необходимость их сочетания в зависимости от решаемых задач. Автор приходит к выводу о терминологическом несовершенстве теории методологии науки, состоящем в неоднозначности взглядов на понятия «метод» и «подход» в исследовании как категорий, соотносящихся, соответственно, как часть и целое, о необходимости разработки их более точных дефиниций и классификаций.

Ключевые слова: исследование, метод, методология научного познания, подход в исследовании, право, способ познания, теория права.

* БОРИСОВ АНДРЕЙ МАРКОВИЧ (Россия, Курск), доцент кафедры конституционного и административного права ФГБОУВО «Курский государственный университет», кандидат исторических наук, доцент;
BORISOV ANDREY MARKSOVICH, Associate Professor at the Department of Constitutional and Administrative Law of Kursk State University, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor.

Methodological approaches of S.I. Asknazii in the context of the development of the theory of law

Abstract. The solution of the urgent problem of improving the methodology of historical and legal science, its consolidation in the scientific consciousness of young scientists and its application in research is impossible without studying the works of Russian historians and lawyers of the 19th-20th centuries. The basic methodological tools of science are universal, which does not exclude the heuristic formulation of the names of methods in which the direction of the path of knowledge or the specifics of the subject of research are specified or specified. Of undoubted interest from this point of view are the works of S.I. Asknazii, who considered it necessary to accompany his reflections on certain issues of law with methodological calculations that provided clarity of the course of scientific thought and at the same time became a kind of lesson, a methodological guide for mastering the techniques of scientific search by an interested reader. Considering the issues of methodology of civil law, the scientist revealed the types, essence and significance of research techniques, their interconnectedness, the need for their combination depending on the tasks being solved. The author comes to the conclusion about the terminological imperfection of the theory of methodology of science, consisting in the ambiguity of views on the concepts of “method” and “approach” in research, as categories correlating, respectively, as part and whole, about the need to develop their more precise definitions and classifications.

Keywords: research, method, methodology of scientific cognition, approach to research, law, method of cognition, theory of law.

Выпускник юридического факультета Петербургского университета Самуил Исаакович Аскназий (1888-1952) всю жизнь посвятил юриспруденции, сначала изучая ее в годы студенчества, затем погружаясь в вопросы экономики и права в качестве присяжного поверенного (адвоката). С 1918 года С.И. Аскназий работал юрисконсультантом, внештатным членом Ленинградского областного суда и одновременно преподавал экономические и правовые дисциплины в ленинградских вузах, совмещая педагогику с научной деятельностью. После защиты кандидатской диссертации в 1938 году он возглавил кафедру гражданского права Ленинградского юридического института, а в 1947 году защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических

наук на тему «Основные вопросы теории социалистического гражданского права»⁴³.

По мнению М.В. Кротова, С.И. Аскназий подготовил диссертацию, ставшую «венцом его исследований методологических проблем гражданско-правового регулирования»⁴⁴ и разработал систему научных знаний и концепцию гражданско-правового регулирования⁴⁵ в их применении к социалистическому типу общественно-экономической формации на основе изучения и анализа законодательства и соответствующей практики в Советской России и Советском Союзе.

Мы не поддерживаем точку зрения некоторых правоведов о том, что в советский период не существовало права или что право нельзя относить к науке. Подобные взгляды – следствие вольно избранного методологического подхода к данной проблематике, одну из граней которой – юридическую цивилистику – С.И. Аскназий возвысил до статуса науки, поставив перед собой задачу раскрыть «закономерные связи между соответствующими явлениями той или иной общественной формации и выявить необходимый характер этих связей»⁴⁶, решив ее в вышеуказанном исследовании с одновременным раскрытием методологического инструментария для науки права и общегуманитарных наук.

Данную работу охарактеризовали В.С. Ем и С.В. Третьяков, констатировавшие, что этот труд – «единственное цивилистическое исследование, в рамках которого предпринята последовательная попытка применения диалектико-материалистической теории к анализу гражданско-правовых феноменов»⁴⁷ в контексте проблематики «марксизм и гражданское право»⁴⁸. Этими тезисами авторы дополнили умозаключение М.В. Котова о том, что в своих исследованиях С.И. Аскназий опирался на методологические предпосылки социальных наук, обосновывая объективный характер права,

⁴³ Кротов М.В. Самуил Исаакович Аскназий // Основные вопросы теории социалистического гражданского права / С.И. Аскназий. – М.: Статут, 2008. – С. 7-11.

⁴⁴ Там же. – С. 10.

⁴⁵ Там же. – С. 11.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Ем В.С., Третьяков С.В. Проблемы применения марксистской методологии к анализу гражданско-правовой формы // Основные вопросы теории социалистического гражданского права / С.И. Аскназий. – М.: Статут, 2008. – С. 14-15.

⁴⁸ Там же. – С. 14.

«его близость с экономическими явлениями и автономность его существования»⁴⁹.

В разделе «Общие вопросы методологии гражданского права» с первых строк С.И. Аскназий утверждает, что работы К. Маркса и Ф. Энгельса «являются образцом применения того метода исследования, который *mutatis mutandis* (с соответствующими изменениями – авт.) должен быть использован в каждой науке»⁵⁰, а метод «Капитала» – «это логика общественных наук»⁵¹, в том числе и права. Ученый называет этот метод методом материалистической диалектики, подчеркивая его значение для научного познания правовых институтов и явлений, не ограничивая их круг только цивилистикой, его «строгое единство», а также обозначая недостатки методологического плюрализма, представляемого догматическим, правно-политическим и историческим подходами к обретению юридического научного знания⁵² и реанимируемого современной юридической наукой. Современная российская юриспруденция, регрессно эволюционируя вслед за отечественной политической надстройкой, вновь обрела критически оцененные С.И. Аскназием методологические установки и, соответственно, характер юриспруденции капитализма.

Строгое единство метода материалистической диалектики состоит во взаимосвязи явлений социальной жизни, материализующихся в актах поведения лиц и их социальных групп, соответствующих отношениях производственного характера, наполняемых противоречиями и антагонистическими тенденциями и изменяющихся во времени по причинам и их следствиям, поводам и основаниям, форме и содержанию, составу интересантов и предметам их интереса, условиям и наличным ресурсам, публичным целям и конечным результатам движения социальной материи.

Например, раскрывая тезис об определенной самостоятельности гражданско-правовой надстройки в системе общественных отношений, С.И. Аскназий, касаясь проблемы фигуры юридического лица в праве, обозначает такой методологический подход: «При исследовании правовых явлений всегда надлежит иметь в виду обусловленность этих явлений соответствующими экономическими

отношениями и теми общими задачами и целями, которые господствующий класс перед собой ставит»⁵³. Этим бесспорным положением ученый признал особую значимость социальных, а точнее экономико-политических закономерностей для различных общественно-экономических формаций. К тому же юридическое лицо как материализованная и персонифицированная в правоотношениях конструкция стало значимым участником этих отношений по всему отраслевому спектру права, а соответствующий правовой институт, тесно связанный с экономической стороной жизни общества, приобрел прочные взаимосвязи не только с иными отраслями права, но и с другими отраслями знаний (например, с экономикой).

Описание и систематизация любых явлений составляют подготовительную стадию всякого научного познания, но его задачей автор видит «выяснение существа определенной группы явлений, установление характера присущих им необходимых связей и путей их закономерного развития»⁵⁴. Вышеприведенная формулировка главной задачи исследователя объединяет материалистическую и диалектическую компоненты исследовательского подхода.

Полагаем важным подчеркнуть введение С.И. Аскназием трех методологических условий-предпосылок исследования. Первое – правовые отношения как отношения надстроечного типа в основе своей имеют социальные отношения материального, экономического содержания. Второе – правовые регуляции рождаются из интереса определенных социальных групп (классов), определяемых ими целей применения права и соответствующих конкретных задач правового регулирования. Третье – те или иные закономерности имеют различное значение и правовое выражение для различных типов формационных отношений.

В указанных методологических началах признается детерминированность типа формации экономическими и политическими условиями, которые даже при своей относительной статичности в рамках одного общественно-экономического строя накапливают потенциал обновления до момента реализации диалектического закона отрицания, «когда в ходе исторического развития одна общественная формация должна уступить место другой»⁵⁵. Действие данного гегелевского закона диалектики применимо к любому социальному феномену.

⁴⁹ Кротов М.В. Указ. соч. – С. 11.

⁵⁰ Аскназий С.И. Основные вопросы теории социалистического гражданского права. – М.: Статут, 2008. – С. 43-44.

⁵¹ Там же. – С. 44.

⁵² Там же. – С. 50-51.

⁵³ Там же. – С. 125.

⁵⁴ Там же. – С. 51.

⁵⁵ Там же. – С. 49.

Юридическая лексика, безусловно, богата и достаточно сложна, и лексика юридической методологии один из ее ресурсов, базирующийся на словарном запасе общей научной методологии, которая, по нашему мнению, и до настоящего времени не отличается строгой семантической выдержанностью.

Обращаясь к исследованию С.И. Аскназия, выделим термин «метод материалистической диалектики» и попытаемся разобраться вопросы о его содержании, инструменталистском наполнении и соответствующей терминологии.

В науке начала XX в., а именно в этот период С.И. Аскназий избрал для себя жизненный путь служения науке права, метод – это способ и порядок исследования предмета для получения наиболее полного и соответствующего истине результата⁵⁶, и этимологически ученый связывает данное понятие со словом «путь», неоднократно встраивая в рассуждения слова «путь познания» и иные подобные словосочетания в тезисах о методах индукции, дедукции, абстракции, анализа, синтеза⁵⁷ (метод-путь). Одновременно он указывает, что путь познания состоит из этапов⁵⁸. Таким образом, каждый из обозначенных автором методов предполагает этапы познания, в рамках которых применяются те или иные способы.

Очевидно, что метод материалистической диалектики более композиционен, чем каждый из приводимых правоведом методов, составляющих его инструментарий. Логична постановка вопроса о лингвосемантической безупречности использования слова «метод», так как в одном случае метод – единое целое, а в другом – его часть. В том же 1949 г. был издан труд С.В. Юшкова «Общественно-политический строй и право Киевского государства», в котором автор представил иную, расширенную трактовку данного метода, назвав его методом диалектического и исторического материализма⁵⁹. Очевидно, что это дополняет его методологический инструментарий, например, обозначенным ранее М.М. Ковалевским историко-сравнительным методом в праве⁶⁰ и историческим методом, поскольку «развитие права и отдельных институтов находится в ор-

ганической связи и в прямой исторической обусловленности с материальными и общественными потребностями той или другой эпохи», а «история права должна быть органически связана... с историей общественного развития»⁶¹.

Аксиоматично утверждение о том, что научное языкознание не является застывшей формой, но тогда допустимо изменение взглядов на понятие «метод», и в данном случае мы можем вести речь не о методе материалистической диалектики или историко-правовом сравнительном методе, а о соответствующем методологическом подходе к исследованию – подходе материалистической диалектики (материалистически-диалектический подход) или, по С.В. Юшкову, подходе диалектического и исторического материализма.

Анализ текста рассматриваемого раздела приводит к выводу о применении С.И. Аскназием термина «методология» в одном случае применительно к научному познанию, а в другом – к практической деятельности законодателя для «правильного построения политики права»⁶². Он пишет: «Лишь научное познание гражданско-правовых явлений обеспечивает возможность правильных директив для законодательства⁶³ <...> очерченные методологические установки не только обеспечивают теоретическое познание соответствующих правовых институтов, выяснение места и роли их в поступательном движении данной социально-хозяйственной системы, но открывают возможность правильного разрешения и... многообразных вопросов правовой практики»⁶⁴. В этом усматривается взгляд ученого на практическое значение научной юридической деятельности (правовой науки), ее взаимосвязанность со всеми сферами правоприменения.

Одно из понятий методологии частной (какой-либо отрасли наук) раскрывалось в начале XX в. как рассмотрение видоизмененных методов в той или другой науке в зависимости от выбранных объектов⁶⁵. Содержательно идентична современная трактовка – совокупность методов, применяемых в какой-нибудь науке⁶⁶.

⁶¹ Юшков С.В. Указ. соч. – С. 8.

⁶² Аскназий С.И. Указ. соч. – С. 60-61.

⁶³ Там же. – С. 63.

⁶⁴ Там же. – С. 65.

⁶⁵ Малый энциклопедический словарь: В 4 т. Т. 3 / Репринтное воспроизведение издания Брокгауза-Ефрона. – М.: ТЕРРА, 1994. – С. 555.

⁶⁶ Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999. – С. 354.

⁵⁶ Малый энциклопедический словарь: В 4 т. Т. 3 / Репринтное воспроизведение издания Брокгауза-Ефрона. – М.: ТЕРРА, 1994. – С. 555.

⁵⁷ Аскназий С.И. Указ. соч. – С. 50, 54, 71, 76, 119, 120, 124, 126-127, 130, 132, 134.

⁵⁸ Там же. – С. 120.

⁵⁹ Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1949 (Молотов: 8-я тип. Главполиграфиздата). – С. 8.

⁶⁰ Ковалевский М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения в истории права. – М.: Типография Ф.Б. Миллера, 1880. – 76 с.

Какие методы упоминает в своем исследовании вопросов теории социалистического гражданского права С.И. Аскназий?

Перечисление методов (интеллектуальных путей исследования⁶⁷ или методологических путей⁶⁸) мы не будем сопровождать раскрытием их содержания применительно к описываемым правовым институтам и отношениям, так как нас интересует этот вопрос в терминологическом аспекте.

Автор применяет следующие методы: абстракции (использование приемов абстракции), анализа (аналитический с широким использованием индукции; явлений экономической действительности), дедуктивный (дедукции), диалектический (диалектика общего и единичного или целого и его частей) и диалектической логики, индуктивный (индукции), синтеза, обобщения (индуктивное, эмпирическое); заимствования; использования материалов, в том числе методов или методологических установок других наук (социологических, экономических); использования критериев объективного характера; исторический; квалификации отношений; классификации (чего-либо); конструирования; критики; объединения явлений по внешним признакам; отграничения правовых отношений от неправовых; определения понятий (по внешним признакам, по их сущности, значению и связи с другими явлениями) и образования общих правовых понятий; оценки (правовых норм – «юридический диагноз», повторяемости явлений, воспроизводства); периодизации развития; проверки результата (обратный путь «синтетического восхождения» к конкретному, индуктивная проверка); рассмотрения явлений в их тождестве и в их неповторимости, специфичности (с выделением различий, отличительных черт); систематизации чего-либо, например, нормативного материала; сопоставления (закономерностей); сочетания индуктивного и дедуктивного методов, анализа и синтеза, приема абстракции; толкования (систематического, распространительного, ограничительного, по аналогии); формальной логики (постижение «из самого себя», методологический формализм); элиминирования (исключения).

Представленный набор методов дополняется приемами исследования, которые можно назвать способами: выявление (сущностей или основ явлений, оснований юридизации, специфических качеств, интересов, причинных связей, тенденций развития); дифференцирование; допущение; конкретизация, констатация; обоснова-

⁶⁷ Аскназий С.И. Указ. соч. – С. 126.

⁶⁸ Там же. – С. 128.

ние (необходимости правовых институтов или синтетического обоснования конкретного из его основ) и объяснение (необходимости); описание (соотношения явлений на различных этапах исторического развития или форм правообразования) и освещение (историческое и научное); отождествление; отрицание (возможности или соотношения чего-либо); предположения; противопоставления; разграничения; рассмотрения; расчленения (закономерностей); сравнения; учета соотношения и взаимосвязи части и целого (частного и общего); целеполагания и соотношения средства и цели. Некоторые тезисы актуализируют прием аналогии. Указанные приемы исследования могут быть имманентны тем или иным методам, которые в некоторых фразах названы принципами⁶⁹ или методологическими установками⁷⁰.

В исследовании С.И. Аскназия очевидны системный взгляд на социально-правовые явления («отдельно взятое правоотношение представляет собой лишь одно из звеньев сложной цепи социально-хозяйственных отношений»⁷¹) и формационный подход («отношения, сходные по ряду своих внешних признаков и поэтому одноименные, в условиях различных общественных формаций оказываются подчиненными действию неодинаковых закономерностей», «было бы совершенно неправильно отрицать научное значение и *за общими абстрактными понятиями*, охватывающими круг явлений, выходящих за пределы какой-либо одной общественной формации»⁷²), которые сами по себе предполагают расширение методологического инструментария и, по сути, являются методологическими подходами.

В научной публицистике встречаются различные названия одного и того же приема. Например, одни исследователи указывают на применение ими системного метода, а другие называют его системным подходом. Исторический метод нередко понимается как исторический подход или принцип (принцип историзма).

Показывая действие механизма применения того или иного метода при решении поставленной им задачи, С.И. Аскназий приводит разнообразные примеры взаимосвязи положений правовых теорий, отраслей права, правовых институтов и норм, неправовых общественных отношений и правоотношений, акцентируя внима-

⁶⁹ Там же. – С. 64.

⁷⁰ Там же. – С. 108.

⁷¹ Там же. – С. 75.

⁷² Там же. – С. 79.

ние на генезисе последних, их тождестве и различии. При этом автор добавляет к перечню методов новые – метод рассмотрения явления под углом зрения практических нужд⁷³, метод юридической логики⁷⁴, метод формально-логических дедукций⁷⁵, метод установления причинных зависимостей⁷⁶. Также ученый заключает, что при исследовании какие-то методы могут иметь доминирующее, преобладающее значение (в одних случаях это анализ и дедукция или индукция и анализ, в других индукция и синтез), но это не исключает совмещения анализа и синтеза, применения других приемов. Отмечается, что индуктивный метод способен дать лишь описание, а не объяснение явлений, поэтому важным является обобщение, с которого начинается всякое знание. В свою очередь объяснение предполагает применение сложного комплекса различных методологических приемов. Ведется речь о наличии элементов (моментов) дедуктивного метода. Уточняется, что невозможность эксперимента компенсируется методом абстракции.

Справедливо утверждение о том, что умение «научно целесообразно сочетать все эти сложные интеллектуальные пути исследования обеспечивает эффективность соответствующего исследования, охват в научных понятиях и положениях присущих действительности необходимых связей и отношений»⁷⁷.

Проблема недостаточной степени внимания (знания, понимания и применения) исследователей права к вопросам методологии актуальна и, подводя итоги исследования, отметим следующее: труд С.И. Аскназия представляет широкий перечень методологического инструментария для юриспруденции, дополненный содержательными разъяснениями; налицо терминологическое несовершенство теории методологии науки, в том числе юридической, проявляющееся в неопределенности смысловых значений терминов «метод исследования» и «подход в исследовании»; «методологический подход» есть категория более общего порядка, чем категория «метод», она предполагает применение нескольких методов в исследовании; допустимо конструирование методологической триады «подход-метод-способ», каждая из составляющих которой может раскрываться при дефинировании посредством использования об-

щего для них слова «прием»; исследовательский подход выражает две начальные установки исследователя – концептуально-содержательную и методологическую, выраженные наиболее обобщенно; метод предполагает применение нескольких способов пути познания; способ – простейшее исследовательское действие; наличие общей классификации методов – философско-мировоззренческие, имеющие свою структуру, общенаучные, частнонаучные, в том числе юридические (например, формально-юридический или догматический, сравнительного государственоведения, сравнительного правоведения и др.); отсутствие классификации научных подходов к исследованию является проблемой, в том числе историко-правовой науки.

Список литературы

1. Аскназий С.И. Основные вопросы теории социалистического гражданского права. – М.: Статут, 2008. – 859 с.
2. Ковалевский М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения в истории права. – М.: Типография Ф.Б. Миллера, 1880. – 76 с.
3. Малый энциклопедический словарь: В 4 т. Т. 3 / Репринтное воспроизведение издания Брокгауза-Ефрона. – М.: ТЕРРА, 1994. – 636 с.
4. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
5. Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1949 (Молотов: 8-я тип. Главполиграфиздата). – 544 с.

⁷³ Там же. – С. 169.

⁷⁴ Там же. – С. 199, 216.

⁷⁵ Там же. – С. 206.

⁷⁶ Там же. – С. 845.

⁷⁷ Там же. – С. 120.

**Отражение некоторых теоретико-правовых основ
УК РСФСР 1922 г. и УК РСФСР 1926 г. в современном
уголовном законодательстве Российской Федерации**

Аннотация. В статье на основе анализа работ 20-х годов прошлого века раскрывается содержание социологической школы уголовного права, являющейся теоретической основой построения УК РСФСР 1922 и УК РСФСР 1926 г. Отмечается, что отход от мер социальной защиты, как способа реализации концепции опасного состояния лица, и замена их наказанием наметились с момента издания постановления ЦИК СССР от 8 июня 1934 г., хотя в отдельных нормах УК РСФСР 1926 г. словосочетание «меры социальной защиты» присутствовали до вступления в действие УК РСФСР 1960 г. Указывается, что введенная Федеральным законом от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ в УК России норма об уголовной ответственности за занятие лицом высшего положения в преступной иерархии (ст. 201.1 УК России) основана на концепции социологической школы права «об опасном состоянии лица». Однако, суды, как правило, в качестве основания уголовной ответственности признают не сам факт занятие лицом высшего положения в преступной иерархии, а совершение им конкретных действий.

Ключевые слова: социологическая школа уголовного права, опасное состояние лица, уголовное наказание, состав преступления, УК РСФСР 1922 г., УК РСФСР 1926 г., занятие высшего положения в преступной иерархии, история уголовного права.

* МИХАЙЛОВ ВАЛЕНТИН ИВАНОВИЧ (Россия, Москва), профессор Департамента международного и публичного права Юридического факультета ФГОБУВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»; главный научный сотрудник центра уголовного, уголовно-процессуального законодательства и судебной практики ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации; MIKHAILOV VALENTIN IVANOVICH, Professor at the Department of International and Public Law, Faculty of Law, Financial University under the Government of the Russian Federation, Chief Researcher at the Center for Criminal, Criminal Procedure Legislation and Judicial Practice of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Representing some theoretical and legal foundations of the criminal codes of the RSFSR of 1922 and 1926 in the modern criminal legislation of the Russian Federation

Abstract. The article explicates the substance of the sociological school of criminal law, which was the theoretical framework for the Criminal Code of the RSFSR of 1922 and the Criminal Code of the RSFSR of 1926, by analyzing scientific works from the 1920s. It is noted that the implementation of the concept of a dangerous state of a person by replacing social protection measures with punishment was first mentioned in the Central Executive Committee of the USSR's decree on June 8, 1934. However, even before the Criminal Code of the RSFSR of 1960 came into effect, the term "measures of social protection" was present in some provisions of the Criminal Code of the RSFSR of 1926. The norm established in the Article 201.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, that holds individuals occupying the highest position in the criminal hierarchy criminally liable, is rooted in the notion of the "dangerous state of a person" emerged within sociological school of law. Nevertheless, the courts generally recognize specific actions committed by an individual as the basis for criminal liability, rather than their position in the criminal hierarchy.

Keywords: sociological school of criminal law, dangerous state of a person, criminal punishment, corpus delicti, Criminal Code of the RSFSR of 1922, Criminal Code of the RSFSR of 1926, occupation of the highest position in the criminal hierarchy, history of criminal law.

В первые годы своего существования советская власть опиралась на насилие и «не связывала себя никакими законами»⁷⁸. Судебные органы при решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности руководствовалась правосознанием масс и революционной целесообразностью. Однако переход страны в 1921 г. к новой экономической политике, замена продразверстки продналогом, окончание гражданской войны, рост преступности, необходимость обеспечения единообразного применения уголовного закона на всей территории страны и другие обстоятельства объективно предопределили смену парадигмы с теории «ре-

⁷⁸ Ленин В.И. «Пролетарская революция и ренегат Каутский» // ППС. – Т. 37 – С. 245.

волюционной целесообразности» на концепцию «революционной законности»⁷⁹.

УК РСФСР 1922 г. – первый советский кодифицированный уголовный нормативный акт вобрал в себя все многообразие различных уголовно-правовых школ и заложил многие аспекты российской законотворческой традиции⁸⁰. Его разработка велась на основе марксизма, так как теория нового советского уголовного права отсутствовала, а также под влиянием дореволюционных уголовно-правовых доктрин и царского уголовного законодательства, хотя нормативно его применение было запрещено. Работа над проектом уголовного кодекса имела цель «создать абсолютно новое, отличающееся от предыдущего социалистическое уголовное право»⁸¹. В нем наряду с правовыми предписаниями, ранее не известными уголовному праву и имевшими сугубо классовый характер, нашли отражения многие положения различных школ и направления уголовно-правовой мысли.

Одной из таких научных школ, на базе которой создавался УК РСФСР 1922 г., являлась социологическая школа уголовного права, сторонники которой исходили из того, что основной причиной преступности выступают социальные факторы (безработица, низкий уровень жизни, бродяжничество и другие социальные аспекты).

Считается, что в рамках социологической школы права концепция опасного состояния лица было сформулирована итальянским криминологом Гарофоло. Согласно этой концепции задачей уголовного закона выступает воздействие не на преступление, а на преступника, которого надо не наказывать, а выводить из состояния повышенной склонности к преступлению, а до тех пор, пока это не достигнуто – детеминировать (изолировать). Эта концепция несколько раз с разной степенью детализации обсуждалась на съездах Международного союза криминалистов в конце XIX – начала XX веков. Н.Н. Паше-Озерский отмечал, что наибольшее внимание вопросу об «опасном состоянии лица» было уделено на X-м съезде Международного союза криминалистов в Гамбурге в 1905 г. В до-

⁷⁹ Сольц А.А., Файнблит С. Революционная законность и наша карательная политика: – М.: Моск. рабочий, 1925. – С. 9; Исаев М.М. Уголовный кодекс 1 июля 1922 // Советское право. – 1922. – № 2. – С. 17.

⁸⁰ Пашенцев Д.А. Российская законотворческая традиция: онтология процесса // Журнал российского права. – 2018. – № 8. – С. 5-13.

⁸¹ Первый Уголовный кодекс РСФСР: концептуальные основы и общая характеристика (к столетию со дня принятия) / Под ред. Савенков А.Н., Чучаев А.И. – М.: Проспект, 2023. – С. 28.

кладах, сделанных в ходе работы этого съезда, указывалось, что «следует отбросить принцип индивидуальной ответственности и принять принцип социальной защиты. Единственным критерием для наказания должна быть величина опасности, представляемой виновным. Задача же судьи – решить, как посредством возможно меньшего зла для виновного достичь возможно большей безопасности для общества»⁸². Особо подчеркивалось, что «преступника следует наказывать не только за то, что он сделал, но и за то, что он из себя представляет»⁸³.

А.А. Жижиленко, развивая идею опасного состояния лица, указывал, что «опасными преступниками, вызывающими необходимость принятия особых мер для ограждения интересов общества, должны признаваться: 1) лица, неоднократно учинившие определенные преступления, особо важные; 2) невменяемые и не вполне вменяемые лица, учинившие важные посягательства; 3) лица, учинившие преступления, вызванные их тунеядством, распутством или склонностью к опьянению. Закон должен предоставить суду лишь право признавать подобных лиц опасными, не вменяя ему это в обязанность. В этих пределах судебское усмотрение вполне целесообразно и не грозит свободе индивида»⁸⁴.

А.А. Пиотковский, яркий представитель социологической школы уголовного права, на определенном этапе своего творчества также исходил из того, что «совершенное преступление является лишь симптомом опасного состояния, с ним не связывается определенная карательная санкция, строгое разграничение отдельных составов особенной части утрачивает свое значение»⁸⁵. Сторонники концепции опасного состояния лица предлагали применять не меры наказания, которые связаны с определенным составом преступного деяния и направлены в прошлое, а меры «социальной защиты, не находящиеся в связи с тем или другим преступным деянием, а обусловленные наличностью известного опасного состояния правона-

⁸² Паше-Озерский Н.Н. Об «опасном состоянии» личности преступника. Доклад, прочитанный в собрании Киевского Юридического Общества 1 декабря 1912 года. – Киев: Типография Императорского Университета Св. Владимира Акц. О-ва печатн. и издат. Дела Н.Т. Корчак-Новицкого. Меринговская ул., д. № 6, 1913. – С. 6.

⁸³ Там же. – С. 7.

⁸⁴ Жижиленко А.А. Меры социальной защиты в отношении опасных преступников. – Санкт-Петербург: тип. А.Г. Розена, 1911. – С. 9.

⁸⁵ Пиотковский А.А. Меры социальной защиты и Уголовный Кодекс РСФСР // Советское право. – 1923. – № 3. – С. 17

рушителя»⁸⁶, которые направлены на предотвращение преступления правонарушителем в будущем⁸⁷.

Те из руководителей страны, которые занимались подготовкой уголовного закона, полагали, что идеи социологической школы права отражают интересы пролетариата. Поэтому базовой идеей, на основе которой строился УК РСФСР 1922 г., выступала разработанная в рамках социологической школы права концепция опасного состояния лица.

На IV съезде деятелей советской юстиции в январе 1922 г. с докладом об уголовном кодексе выступил Н.А. Черлунчакевич, который указал, что одним из основных принципов представляемого проекта является «установление в нем не только наказания, но и других социальных мер правовой защиты». Говоря о закреплении в проекте концепции опасного состояния лица, Н.А. Черлунчакевич отметил, что этим самым «в проекте отражены научные положения о новых формах воздействия в отношении лиц, совершивших преступления»⁸⁸. По его мнению, это положение «коренным образом меняет все практику, доселе имевшую место»⁸⁹.

Структурно Общая часть УК РСФСР 1922 г., который в соответствии с постановлением ВЦИК от 1 июня 1922 г. введен на всей территории страны с 1 июня 1922 г., была построена в соответствии с устоявшимся в XIX в. – начале XX в. пониманием уголовного закона как закона, определяющего прежде всего виды уголовных наказаний (в данном случае – и мер социальной защиты) и условия их применения. В учебной литературе этого периода времени изложение уголовного права начиналось с понятия наказания, его видов и порядка применения, а уж затем рассматривались вопросы преступления.

Закрепление в уголовном законе мер социальной защиты, по сути выступающих способом реализации концепции опасного состояния лица, являлось отражением присущей рассматриваемому периоду времени «общемировой тенденции поиска более рациональных репрессивных средств борьбы с преступностью в связи с

⁸⁶ Исаев М.М. Проект Общегерманского уголовного кодекса 1925 г. // Советское право. – 1925. – № 3. – С. 33

⁸⁷ Подробней об истории обсуждения в Международном союзе криминалистов идеи «опасного состояния лица»: Жижиленко А.А. Меры социальной защиты в отношении опасных преступников; Паше-Озерский Н.Н. Указ. соч.

⁸⁸ IV Всероссийский съезд деятелей советской юстиции (26-30 января 1922 г.). – М., 1922. – С. 14-22.

⁸⁹ Там же.

тем, что наказание как таковое во многом уже изжито и что наряду с ним или вместо него должны применяться другие репрессивные меры, исходящие из иных предпосылок, чем наказание»⁹⁰ и рассматривалось в теории уголовного права как «последнее достижение криминалистической научной мысли, как целая революция в области уголовного права»⁹¹.

Вокруг идеи о том, что задачей уголовного закона РСФСР является оборона (защита) власти трудящихся и что, как следствие, термин «наказание» подлежит замене на термин «меры социальной защиты», велись серьезные дискуссии. Причем основными аргументами в таких дискуссиях были преимущественно соответствующие положения марксистской теории. Так, Н.В. Крыленко аргументировал замену наказания мерами социальной защиты буквальной трактовкой слов К. Маркса о том, что «наказание есть не что иное, как средство самозащиты общества против нарушений условий его существования, каковы бы ни были эти условия»⁹². Такой же точки зрения придерживались А.Н. Трайнин, М.А. Чельцов-Бебутов, М.М. Исаев и ряд других ученых⁹³. В своей работе «Марксизм и уголовное право» А.А. Пиотковский указывал, что все меры социальной защиты «мыслятся уголовным законодательством как целесообразные меры классовой обороны»⁹⁴.

В УК РСФСР 1922 г. идея применения вместо наказания мер социальной защиты полной поддержки не нашла. В ст. 5 УК РСФСР 1922 г. в качестве задачи уголовного кодекса провозглашалась компромиссная позиция, согласно которой «защита государства трудящихся от преступлений и от общественно-опасных элементов <...> решается путем применения к нарушителям революционного правопорядка наказания или других мер социальной за-

⁹⁰ Жижиленко А.А. Германский проект Угол. уложения 1925 г. и Угол. кодекс РСФСР 1926 г. // Право и жизнь. – 1927. – Кн. 3. – С. 48.

⁹¹ Там же. – С. 49.

⁹² Маркс К. Смертная казнь. – Pamфлет г-на Кобдена. – Мероприятия английского банка // Маркс К. Энгельс Ф. Соч. Т. 8. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – С. 531.

⁹³ Трайнин А.Н. Десять лет советского уголовного законодательства // Право и жизнь. – 1927. – № 8-10. – С. 36-46; Чельцов-Бебутов М.А. Идея социальной защиты // Вестник сов. юстиции. – 1924. – № 13. – С. 376; Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик // Систематическое собрание действующих законов Союза Советских Социалистических Республик: Политический строй. Кн. 1 – М., 1926. – С. 393-402.

⁹⁴ Пиотковский А.А. Марксизм и уголовное право. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1927. – С. 77.

щиты»⁹⁵. Таким образом, в ст. 5 УК РСФСР 1922 г. указывалось на применение мер наказания за совершение конкретного деяния и мер социальной защиты исходя из опасного состояния лица.

В ст. 32 УК РСФСР 1922 г. в числе наказаний называются «изгнание из пределов РСФСР на срок или бессрочно, лишение свободы со строгой изоляцией или без таковой, принудительные работы без содержания под стражей, условное осуждение, конфискация имущества (полная или частичная), штраф, поражение прав, увольнение от должности, общественное порицание, возложение обязанности загладить вред»⁹⁶. В то же время, согласно ст. 46 УК РСФСР 1922 г., «к другим мерам социальной защиты, заменяющим по приговору суда наказание или следующим за ним, относятся: помещение в учреждения для умственно или морально дефективных, принудительное лечение, воспреещение занимать ту или иную должность или заниматься той или иной деятельностью или промыслом, удаление из определенной местности»⁹⁷.

При этом в ст. 47-49 УК РСФСР 1922 г. оговаривалось, что если суд считает пребывание соответствующего лица на свободе опасным для общества, то это лицо на основании постановления суда помещается в учреждение для умственно или морально дефективных или в лечебное заведение. Лицо, осужденное судом и признанное им социально опасным вследствие систематического злоупотребления при занятии своей профессией или промыслом либо при исполнении должности, может быть приговором суда лишено на срок не более пяти лет права заниматься данной профессией или промыслом либо принимать на себя выполнение определенных обязанностей. Лицо, признанное судом по своей преступной деятельности или по связи с преступной средой данной местности социально опасным, может быть лишено по приговору суда права пребывания в определенных местностях на срок не более трех лет. В последнем случае признание лица социально опасным могло

⁹⁵ Для сравнения отметим, что задачами УК России 1996 г. являются: установление оснований и принципов уголовной ответственности; определение того, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями; установление видов наказаний и иных мер уголовно-правового характера за совершение преступлений.

⁹⁶ Постановление ВЦИК от 22.11.1926 «О введении в действие Уголовного Кодекса редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. – 1926. – № 80. – Ст. 600.

⁹⁷ Там же.

быть без какой-либо связи с совершением этим лицом какого-либо преступления.

Мнение специалистов, современников УК РСФСР 1922 г., о включении в уголовный закон таких категорий, как «общественно-опасные элементы» и «нарушители общественного порядка», «опасность лица», «опасность преступника», «лицо, представляющие опасность для общества» (ст. 5, 7, 24 и 47-48) было разным. И.В. Славин исходил из того, что включение в уголовный кодекс нормативных положений о признании граждан социально опасными и о мерах социальной защиты «в условиях стремления рабоче-крестьянской власти к установлению законности является чрезвычайно опасным и вредным для самой идеи законности»⁹⁸. М.М. Исаев также выступал против применения мер уголовной репрессии лишь по основанию «опасного состояния лица», отмечая, что «преступником» является только лицо, нарушившее конкретную норму уголовного закона»⁹⁹.

По мнению авторов научно-популярного практического комментария УК РСФСР 1922 г., «опасность лиц для правопорядка должна выявиться в известных внешних актах; голый умысел не подлежит воздействию со стороны уголовного суда»¹⁰⁰. Такими внешними актами, по их мнению, могут быть приготовление, покушение (ст. 12, 13, 14 УК РСФСР 1922 г.) или оконченные преступные деяния, предусмотренные УК РСФСР 1922 г., а также преступная деятельность (например, ростовщичество, занятие промыслом). При этом особо отмечалось, что хотя такое преступление, как организация в контрреволюционных целях вооруженных восстаний или вторжения на советскую территорию вооруженных отрядов или банд, закреплено в Особенной части как оконченное преступление, тем не менее по существу оно является только приготовлением к преступлению, предусмотренному ст. 58 УК РСФСР 1922 г.¹⁰¹, следовательно,

⁹⁸ Славин И.В. Наказуема ли уголовная неблагонадежность (К теории опасного состояния) // Ежедневник Советской Юстиции. – 1922. – № 8 – С. 1-4.

⁹⁹ Исаев М.М. Общая часть уголовного права РСФСР. – Л.: Гос. изд-во, 1925. – С. 137-144.

¹⁰⁰ Уголовный кодекс. Научно-популярный практический комментарий / Под ред.: Гернет М.Н., Трайнин А.Н. – М.: Право и Жизнь, 1925. – С. 11.

¹⁰¹ Ст. 58 УК РСФСР 1922 г. устанавливала, что «организация в контрреволюционных целях вооруженных восстаний или вторжения на советскую территорию вооруженных отрядов или банд, а равно участие во всякой попытке в тех же целях захватить власть в центре и на местах или насильственно отторгнуть от Р.С.Ф.С.Р.

его социальная опасность ниже оконченного преступления. В основе такого подхода лежало понимание организации любой деятельности для осуществления преступлений как создание условий для совершения преступления и, исходя из ст. 12 УК РСФСР 1922 г., такая организационная деятельность могла оцениваться только как приготовление к совершению соответствующего преступления. В тех случаях, когда приготовление к совершению преступления в Особенной части не предусматривается как самостоятельное преступление, лица, организующие распространение антисоветских материалов и тем самым создавшие условия для совершения преступления, могут быть, на основании ч. 2 ст. 12¹⁰² и ст. 72¹⁰³ УК РСФСР 1922 г., подвергнуты мерам социальной защиты при условии, что «суд признает этих лиц социально-опасными и что указаний на то, что и в будущем данное лицо может совершить преступные деяния, имеется больше, чем указаний противоположного характера»¹⁰⁴.

Дальнейшее развитие идей опасного состояния лица и применение мер социальной защиты произошло в Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик 1924 г. и в первоначальной редакции УК РСФСР 1926 года. Причем если в УК РСФСР 1922 г. «меры социальной защиты указывались наряду с наказанием, то в первоначальной редакции УК 1926 г. наказание было вытеснено мерами социальной защиты, включающими меры судебно-исправительного, медицинского и медико-педагогического характера»¹⁰⁵.

какую-либо часть ее территории, или расторгнуть заключенные ею договоры, карается высшей мерой наказания и конфискацией всего имущества, с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения наказания до лишения свободы на срок не ниже пяти лет со строгой изоляцией и конфискацией всего имущества. При установлении судом неосведомленности участника о конечных целях означенного в сей статье преступления, участие в нем карается лишением свободы на срок не ниже трех лет».

¹⁰² В данном случае имеется в виду ч. 2 ст. 12 УК РСФСР 1922 г. в редакции постановления ВЦИК от 10.07.1923.

¹⁰³ Ст. 72 УК РСФСР 1922 г. устанавливала, что «изготовление, хранение с целью распространения и распространение агитационной литературы контрреволюционного характера карается лишением свободы на срок не ниже одного года».

¹⁰⁴ Уголовный кодекс. Научно-популярный практический комментарий / Под ред.: Гернет М.Н., Трайнин А.Н. – М.: Право и Жизнь, 1925. – С. 12.

¹⁰⁵ Михайлов В.И. УК РСФСР 1926 г.: Особенности введения в действие, общая характеристика и обстоятельства, исключющие преступность деяния // Журнал российского права. – 1923. – № 6. – С. 106.

При этом нормативно в УК РСФСР 1926 г. выделялось три вида мер социальной защиты: 1) меры судебно-исправительного характера; 2) меры медицинского характера; 3) меры медико-педагогического характера. Фактически наказанием в уголовно-правовом смысле являлись лишь меры судебно-исправительного характера.

Вместе с тем в литературе этого периода имелась и другая точка зрения по вопросу замены «наказания» «мерами социальной защиты». Например, В.П. Денике считал, что отказ от использования в уголовном законе термина «наказание» не изменил взглядов на задачи уголовного права¹⁰⁶. А.Н. Винокуров, отмечая, что В.И. Ленин всегда употреблял термин «наказание», также считал, что термин «меры социальной защиты» неудачен, а термин «наказание» точен¹⁰⁷.

Точка в этой дискуссии была постановлена постановлением ЦИК СССР от 8 июня 1934 г. «О дополнении Положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) статьями об измене Родине», а затем и Законом от 16 августа 1938 г. «О судеустройстве СССР, союзных и автономных республик», в которых вновь проявился термин «наказание». С этого момента в новых уголовно-правовых законах использовался термин «наказывается» или «карается», а словосочетание «меры социальной защиты» не применялось. Хотя в УК РСФСР 1926 г. словосочетание «меры социальной защиты» присутствовали, в частности в ст. о необходимой обороне и крайней необходимости, до его отмены в связи с вступлением в действие УК РСФСР 1960 г.

При принятии Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик в 1958 г. произошел окончательный нормативный отказ от концепции «опасного состояния лица» и «мер социальной защиты». Законодатель в качестве базовой при построении основания уголовной ответственности использовал только концепцию классической школы уголовного права. Основу этой школы составили положения, о том, «что преступление является проявле-

¹⁰⁶ Денике В.П. Новый уголовный кодекс РСФСР // Революционная законность. – 1926. – № 3-4. – С. 14-16.

¹⁰⁷ Винокуров А.Н. О пересмотре Основных начал // Советское строительство. – 1930. – № 1. – С. 40-44; Учебное пособие по советскому уголовному праву, составленное кафедрой уголовного права Всесоюзной правовой академии / Под ред. Б.С. Утевского. – М.: ВПА, 1938. – С. 100.

нием свободной воли субъекта; лицо может подлежать ответственности лишь за деяние, но не за мысли, и лишь за виновное деяние; наказание есть пропорциональное воздаяние за совершенное преступление, поскольку последнее есть проявление свободной воли; личные особенности индивида не влияют на наказание, т. к. оно должно быть соизмеримо лишь с совершенным деянием; судебское усмотрение при применении норм уголовного права должно быть сведено к минимуму»¹⁰⁸.

Вместе с тем необходимо отметить, что на базе социологической школы уголовного права были разработаны и применяемые на практике положения об особенностях ответственности несовершеннолетних, о мерах предупреждения и безопасности, применяемых к душевнобольным, алкоголикам и др., а также о необходимости применения более гуманных санкций, в том числе условного осуждения, к лицам, совершившим так называемые «случайные» и «ситуативные» преступления, в отличие от рецидивистов, в отношении которых должны применяться более жесткие санкции. Эти положения в определенной степени не только нашли определенное закрепление в УК РСФСР 1922 г. и практике его применения, но получили развитие в советском и российском уголовном праве.

На теоретических основах классической школы уголовного права построен и УК России, хотя, конечно, отдельные вкрапления социологической школы права в нем присутствуют. В теории уголовного права концепция опасного состояния лица подвергалась критике.

Тем не менее концепция опасного состояния лица получила новую жизнь в уголовном законодательстве России, хотя и не в буквальном воспроизведении. Имеется в виду установление Федеральным законом от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» уголовной ответственности за занятие лицом высшего положения в преступной иерархии (ст. 201.1 УК России). В данном случае основанием уголовной ответственности по мысли законодателя должно выступать состояние лица, а не совершение им деяния. В связи с этим в теории уголовного права в качестве непосредственной реакции на включение в

¹⁰⁸ Классическая школа уголовного права // Большая российская энциклопедия - электронная версия. - URL: <https://old.bigenc.ru/law/text/2622931> (Дата обращения: 11.06.2023 г.).

УК России указанной нормы отмечалось, что «установление уголовной ответственности за опасное состояние личности (ст. 210.1 УК России) в современном уголовном законодательстве – существенная новелла, меняющая представление о том, за что наступает уголовная ответственность: за деяние или за опасность личности»¹⁰⁹. Этот факт «можно рассматривать как внезапный очевидный разворот к теории опасного состояния в ущерб принципиальных уголовно-правовых положений о вине, составе и природе преступления»¹¹⁰. Включение в УК России нормы ст. 210.1 является «фактически признанием того, что наряду с деянием, содержащим признаки состава преступления, основанием уголовной ответственности признается и опасное состояние личности. В этом смысле просматривается переход к положениям социологической школы уголовного права»¹¹¹.

Но такой подход, как уже отмечалось, не согласуется со ст. 8 УК России, где в качестве единственного основания уголовной ответственности закреплено «совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК России», что «противоречит классической школы уголовного права»¹¹². Приходится отмечать, что предусмотренные Особенной частью УК России занятия высшего положения в преступной иерархии ни каким образом не находят своей основы в Общей части УК России.

Однако анализ применения нормы, закрепленной в ст. 210.1 УК России, показывает, что пошла по пути признания лица, занимавшего высшее положение в преступной иерархии, специальным субъектом, а основанием его ответственности – виновное совершение им деяния. Одной из причин этого, как представляется, является то, что при оценке нормы ст. 210.1 УК России органы следствия и суды руководствуются положениями Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации пре-

¹⁰⁹ Кадников Н.Г. Опасное состояние личности как основание уголовной ответственности // Союз криминалистов и криминологов. – 2020. – № 1. – С. 50-55.

¹¹⁰ Караваева Ю.С. Значение социального статуса и роли личности для характеристики общественной опасности деяния и констатации ее опасного состояния по нормам УК РФ 1996 года // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2021. – № 2. – С. 193-202.

¹¹¹ Кадников Н.Г. Указ. соч. – С. 50-55.

¹¹² Кондратюк С.В. Криминологическая характеристика и предупреждение занятия высшего положения в преступной иерархии: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2022. – С. 26.

ступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)», согласно которым основой уголовной ответственности может быть только виновное совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления.

Категория «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» включена в ч. 4 ст. 210 УК России Федеральным законом от 03.11.2009 № 245-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». В ч. 4 ст. 210 УК России предусмотрена уголовная ответственность за деяния, виновно совершенные лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии. В ч. 1-3 ст. 210 УК России в качестве таких деяний названы создание преступного сообщества (преступной организации), руководство преступным сообществом, координация действий организованных групп, создание устойчивых связей между ними, разработка планов и создание условий для совершения преступлений организованными группами, раздел сфер преступного влияния и (или) преступных доходов между такими группами, участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей преступных сообществ (преступных организаций) и (или) организованных групп в целях совершения преступлений, участие в преступном сообществе (преступной организации).

В связи с этим в п. 24 указанного постановления отмечено, что «судам надлежит устанавливать, в чем конкретно выразились действия такого лица по созданию или по руководству преступным сообществом (преступной организацией) либо по координации преступных действий, созданию устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами либо по разделу сфер преступного влияния и преступных доходов, а также другие преступные действия, свидетельствующие о его авторитете и лидерстве в преступном сообществе (преступной организации)»¹¹³. В данном случае содержание категории «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» раскрывается через указания на противоправные деяния, совершаемые этим лицом.

¹¹³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 8. – Август, 2010.

Естественно, что в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.06.2010 № 12 в соответствии со ст. 8 УК России в качестве основания уголовной ответственности лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, названы действия, имеющие признаки соответствующего преступления.

В то же время анализ пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части противодействия организованной преступности)» (Федерального закона от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ) показывает, что основная идея включения в нормы ст. 210.1 УК России сводится к установлению уголовной ответственности за сам факт обладания статусом высшего положения в преступной иерархии¹¹⁴.

Однако суды формально исходят из указанного постановления Пленума Верховного Суда и считают, что привлечение лица к уголовной ответственности по ст. 210.1 УК России возможно лишь при наличии доказательств не только факта занятия соответствующим лицом высшего положения в преступной иерархии (например, место время и иные обстоятельства его наделения статусом «вора», «смотрящего», «положенца»; наличие на теле пиктографических рисунков (татуировок) и т. п., но и прежде всего совершение этим лицом общественно опасных противоправных виновных деяний (например, разрешение споров и конфликтов между представителями преступных группировок; применение мер ответственности к лицам, входящим в преступную иерархию, в случае нарушения им сложившихся норм поведения; учет и распределение финансовых потоков, полученных преступным путем; разделение сфер влияния между преступными группировками и т. п.)).

Таким образом, «приобретение (присвоение) лицом соответствующего криминального статуса – высшего положения в преступной иерархии – с последующим пребыванием в нем» выступает в качестве элемента характеристики лица и вследствие этого лицо, фактически занимающее высшее положение в преступной иерархии, является специальным субъектом.

¹¹⁴ Паспорт проекта Федерального закона № 645492-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» // Система обеспечения законодательной деятельности. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/645492-7> (Дата обращения: 11.06.2023 г.).

Полагаем, что идея административной преюдиции в уголовном законе в ее новом изложении также базируется на концепции опасного состояния лица. Преступления административной преюдиции – это преступления со специальным субъектом. За такие преступления к уголовной ответственности может быть привлечено только такое лицо, которое обладает дополнительным свойством (речь идет о привлечении к ответственности за схожее деяние, наказуемое в соответствии с КоАП России). Примером тому может быть, в частности, норма ст. 280.1 УК России, согласно которой уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, наступает только в том случае, когда лицо в течение одного года уже привлекалась к административной ответственности за аналогичное деяние по ст. 20.3.2. «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации» КоАП России.

Институт административной преюдиции в уголовном праве является инструментом предупреждения преступлений и обладает профилактической направленностью. Применение мер административной ответственности, которые являются менее строгими по сравнению с уголовными наказаниями, выполняют функцию предупреждения не только последующего административного правонарушения, но и преступления.

Практика применения уголовного закона показывают потребность в научных разработках, учитывающих особенности личности лица. В связи с этим полагаем, что определенные положения социологической школы уголовного права могут быть восприняты на междисциплинарном уровне в целях предупреждения преступлений и выработке наиболее эффективных мер ответственности за их совершение.

Список литературы

1. IV Всероссийский съезд деятелей советской юстиции (26-30 января 1922 г.). – М., 1922. – 190 с.
2. Винокуров А.Н. О пересмотре Основных начал // Советское строительство. – 1930. – № 1. – С. 40-44.
3. Денике В.П. Новый уголовный кодекс РСФСР // Революционная законность. – 1926. – № 3-4. – С. 14-16.
4. Жижиленко А.А. Германский проект Угол. уложения 1925 г. и Угол. кодекс РСФСР 1926 г. // Право и жизнь. – 1927. – Кн. 3. – С. 47-59.

5. Жижиленко А.А. Меры социальной защиты в отношении опасных преступников. – Санкт-Петербург: тип. А.Г. Розена, 1911. – 40 с.

6. Исаев М.М. Общая часть уголовного права РСФСР. – Л.: Гос. изд-во, 1925. – 199 с.

7. Исаев М.М. Проект Общегерманского уголовного кодекса 1925 г. // Советское право. – 1925. – № 3. – С. 22-37.

8. Исаев М.М. Уголовный кодекс 1 июля 1922 // Советское право. – 1922. – № 2. – С. 17-28.

9. Кадников Н.Г. Опасное состояние личности как основание уголовной ответственности // Союз криминалистов и криминологов. – 2020. – № 1. – С. 50-55.

10. Караваева Ю.С. Значение социального статуса и роли личности для характеристики общественной опасности деяния и констатации ее опасного состояния по нормам УК РФ 1996 года // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2021. – № 2. – С. 193-202.

11. Кондратюк С.В. Криминологическая характеристика и предупреждение занятия высшего положения в преступной иерархии: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2022. – 255 с.

12. Ленин В.И. «Пролетарская революция и ренегат Каутский» // ППС. – Т. 37. – С. 235-338.

13. Михайлов В.И. УК РСФСР 1026 г.: Особенности введения в действие, общая характеристика и обстоятельства, исключющие преступность деяния // Журнал российского права. – 1923. – № 6. – С. 97-115.

14. Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик // Систематическое собрание действующих законов Союза Советских Социалистических Республик: Политический строй. Кн. 1 – М., 1926. – С. 393-402.

15. Пашенцев Д.А. Российская законотворческая традиция: онтология процесса // Журнал российского права. – 2018. – № 8. – С. 5-13.

16. Паше-Озерский Н.Н. Об «опасном состоянии» личности преступника. Доклад, прочитанный в собрании Киевского Юридического Общества 1 декабря 1912 года. – Киев: Типография Императорского Университета Св. Владимира Акц. О-ва печатн. и издат. Дела Н.Т. Корчак-Новицкого. Меринговская ул., д. № 6, 1913. – 20 с.

17. Первый Уголовный кодекс РСФСР: концептуальные основы и общая характеристика (к столетию со дня принятия) / Под ред. Савенков А.Н., Чучаев А.И. – М.: Проспект, 2023. – 240 с.

18. Пионтковский А.А. Марксизм и уголовное право. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1927. – 96 с.

19. Пионтковский А.А. Меры социальной защиты и Уголовный Кодекс РСФСР // Советское право. – 1923. – № 3. – С. 12-52.

20. Славин И.В. Наказуема ли уголовная неблагонадежность (К теории опасного состояния) // Еженедельник Советской Юстиции. – 1922. – № 8. – С. 1-4.

21. Сольц А.А., Файнблит С. Революционная законность и наша карательная политика. – М.: Моск. рабочий, 1925. – 126 с.

22. Трайнин А.Н. Десять лет советского уголовного законодательства // Право и жизнь. – 1927. – № 8-10. – С. 36-46.

23. Уголовный кодекс. Научно-популярный практический комментарий / Под ред.: Гернет М.Н., Трайнин А.Н. – М.: Право и Жизнь, 1925. – 460 с.

24. Учебное пособие по советскому уголовному праву, составленное кафедрой уголовного права Всесоюзной правовой академии / Под ред. Б.С. Утевского. – М.: ВПА, 1938. – 340 с.

25. Чельцов-Бebutov М. А. Идея социальной защиты // Вестник Советской юстиции. – 1924. – № 13. – С. 376-378.

*Иваненко В.С.**

Исследование вклада ученых-эмигрантов Петроградского университета в развитие науки и практики международного права (1917-1940-е гг.)

Аннотация. В статье дана общая характеристика образования и деятельности Русского юридического Зарубежья в 1918-1930-е годы, места в нем ученых юридического факультета Петроградского университета, и на конкретных примерах судьбы и научного творчества

* ИВАНЕНКО ВИТАЛИЙ СЕМЕНОВИЧ (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры международного права ФГБОУВО «Санкт-Петербургский государственный университет», кандидат юридических наук, доцент;
IVANENKO VITALIY SEMENOVICH, Associate Professor at the Department of International Law of St. Petersburg State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

двух выдающихся ученых-эмигрантов кафедры международного права Университета – профессоров Б.Э. Нольде и М.А. Таубе, продолживших всесторонние и глубокие научные исследования в кардинально новых международных и личных реалиях, показать их видение и оценки изменившейся международно-правовой картины мира первой половины XX века. Через краткий анализ их вклада в изучение истории, теории и практики международного права в статье показана преемственность широты и глубины исследований, присущих Санкт-Петербургской школе международного права.

Ключевые слова: Русское юридическое Зарубежье в 1918-1930-е гг., ученые-юристы в эмиграции, судьбы и творчество профессоров Б.Э. Нольде и М.А. Таубе.

Studying the contribution of emigrant scientists of Petrograd University to the development of science and practice of international law (1917-1940s)

Abstract. The article gives a general description of the education and activities of the Russian legal Abroad in the 1918-1930s, the place of scientists of the Faculty of Law of Petrograd University in it, and on concrete examples of the fate and scientific creativity of two outstanding scientists-emigrants of the Department of International Law of the University – Professors B.E. Nolde and M.A. Taube, who continued comprehensive and in-depth scientific research in radically new international and personal realities, to show their vision and assessment of the changed international legal picture of the world of the first half of the twentieth century. Through a brief analysis of their contribution to the study of the history, theory and practice of international law, the article shows the continuity of the breadth and depth of research inherent in the St. Petersburg School of International Law.

Keywords: Russian legal Abroad in 1918-1930s, legal scholars in exile, the fate and work of Professors B.E. Nolde and M.A. Taube.

В последние годы в отечественной литературе резко возрос интерес к судьбам отечественной эмиграции в период 1917-1940-х гг. Не стала исключением и научная юриспруденция: появились статьи, монографии, защищаются диссертации¹¹⁵.

¹¹⁵ См., напр.: – монографии (Наследие Петербургской университетской культуры в русском зарубежье / Под ред. Н.Я. Олесича. – СПб.: Знаменитые универсанты, 2012. – 192 с.; Волошина В.Ю. Вырванные из родной почвы. Социальная адаптация рос-

К сожалению, имена и творчество большинства эмигрантов в нашей стране на многие десятилетия были преданы забвению и замалчиванию, лишь в последние годы стал возрождаться интерес к их судьбам и творчеству.

В этой связи представляет интерес судьбы и творчество ученых-эмигрантов юридического факультета Петроградского университета, работавших на кафедре международного права или ученых других кафедр факультета, имевших научные публикации международно-правовой значимости.

Вначале несколько штрихов общего информационного характера о месте и условиях научного творчества ученых в зарубежной эмигрантской России.

Революционные потрясения, смена идеологических устоев, политические противостояния и репрессии, начавшаяся гражданская война, разруха, холод и голод побудили многих ученых университета покинуть Петроград в поисках лучших условий жизни и работы.

Исход ученых Университета был весьма существенным¹¹⁶. Так, к 1922 г. в Петроградском университете оставалось работать менее 40 % его состава 1917 г.¹¹⁷

сийских ученых-эмигрантов в 1920-1930-е годы. – М.: Форум, 2013. – 448 с.; Стародубцев Г.С. Международно-правовая наука российской эмиграции. 1918-1939. – М.: Книга и бизнес, 2000. – 294 с.);

– статьи (Галас М.Л. Правовой статус «русских» эмигрантов и беженцев в странах их пребывания в 1920-1940 гг. // Государство и право. – 2011. – № 7. – С. 75-83; Митрохин В.А. Борьба идей в российской эмиграции накануне Второй мировой войны // Правоведение. – 2007. – № 4. – С. 161-172; Семме Т. «Мы не в изгнании, мы в послании...»: петербургские универсанты в эмиграции // Санкт-Петербургский университет. – 2012. – № 2. – С. 21-26; Стародубцев Г.С. Исход русских юристов-международников за границу // История государства и права. – 2001. – № 3. – С. 22-29; Ростовцев Е.А. Сидорчук И.В. Изгнанники «Советского» университета: опыт коллективного портрета преподавательской эмиграции Петрограда // Вестник Санкт-Петербургского университета: Серия 2. История. – 2016. – № 1. – С. 64-75);

– диссертации (Стародубцев Г.С. Проблемы международного права в трудах российских ученых эмигрантов. 1918 - 1939 гг.: автореф. дисс. ... д. ю. н. – М., 2000. – 50 с.; Гришунькина М.Г. Профессиональные объединения российских юристов в эмиграции в 1920-1930-е гг.: автореф. дисс. ... к. и. н. – М., 2005. – 24 с.).

¹¹⁶ См.: Кривоноженко А.Ф. Профессорско-преподавательская корпорация Петроградского университета в 1917-1922 гг. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. «История». – 2014. – Февраль, № 1. – С. 21-23; Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В. Указ. соч. – С. 64-75.

¹¹⁷ См.: Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В. Указ. соч. – С. 65.

Российская география рассредоточения ученых, покинувших Университет, исключительно широка – Москва, Пермь, Саратов, Томск, Иркутск, Киев, Ростов на Дону, Симферополь и т. д.

Однако большинство ученых, покинувших в эти годы Петроград – бежавших или высланных органами Советской власти – оказались в эмиграции.

Всего исследователями установлены имена 66 ученых Петроградского университета, оказавшихся в эмиграции, что составляет 23,3 % общего числа работавших в университете в 1917 г.¹¹⁸

Наиболее высокий процент эмигрировавших – на юридическом факультете. Из общего числа преподавателей, работавших к 1917 г. в Университете, за границу уехали: с юридического факультета – 43,2 %, с историко-филологического – 40,1 %, с восточного – 10,6 % и с физико-математического – всего 6,1 %¹¹⁹.

Как видим, основная масса уехавших – это ученые-гуманитарии, и как свидетельствует история эмигрантской России, абсолютное большинство из них находились в расцвете творческих сил и сумели продолжить профессиональную карьеру в зарубежных странах.

Основное направление эмиграция ученых пришлось на страны Западной Европы, однако с середины 1930-х годов, прежде всего в связи с наступлением фашизма в Европе, преобладающим направлением эмиграции стали США.

Уже с начала 1920-х годов начинается организационное объединение русских ученых-эмигрантов. Они инициируют создание в странах пребывания новой организационной формы своей научной жизни – русских академических групп. Такие и подобные им объединения создаются в Англии, Болгарии, Германии, Италии, Китае, Латвии, Литве, Польше, США, Турции, Швеции, Швейцарии, Финляндии, Франции, Чехословакии, Эстонии, Югославии и в ряде других стран. На своем Первом съезде академических групп Русского Зарубежья в 1921 г. в Праге они объединяются в Союз русских академических организаций и принимают Устав Союза. Союз стал организационной формой сотрудничества интеллектуальных сил русской эмиграции и центральным органом русских ученых-эмигрантов. Его основными задачами были: координация деятельности членов Союза; установление связи с иностранными научными учреждениями и обществами; представительство в государ-

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ См. об этом: Там же.

ственных и общественных органах; помощь членам Союза в их научной и публикационной деятельности; содействие развитию русских высших учебных и научных учреждений за границей; оказание помощи русским ученым и студентам, а также детям русских эмигрантов.

Во многих странах по инициативе русских ученых и при поддержке властей открывались русские институты или факультеты при местных университетах.

Основными центрами Русского юридического зарубежья были чешская Прага, немецкий Берлин, французский Париж и китайский Харбин.

Важно отметить: ученые юридического факультета Петроградского университета активно работали практически во всех русских эмигрантских научно-образовательных центрах: в Белграде, Берлине, Братиславе, Праге, Софии, Париже, Харбине, в странах Прибалтики и в других странах Европы и Северной Америки.

При этом большинство эмигрантов свято верили, что после неизбежного и скорого, как им казалось, краха Советской власти они вернутся на свою историческую Родину для реставрации в России «демократического государства», а для этого понадобятся кадры квалифицированных специалистов, в том числе и правоведов, из числа эмигрантской русской молодежи, которых нужно предварительно готовить в ВУЗах Зарубежной России. В основу эмигрантского юридического образования был положен российский Общий университетский Устав 1884 г.

Так, 18 мая 1922 г. в Чехословакии под эгидой Пражского Карлова университета был создан Русский юридический факультет, работавший по программе юридических факультетов дореволюционной России. Преподавание на факультете обеспечивала русская эмигрантская профессура и доцентура, и его уровень был очень высок. В частности, международное право преподавали представители кафедры международного права Петроградского университета приват-доценты Г.Н. Гарин-Михайловский, Г.Г. Гурвич и М.А. Циммерман.

7 февраля 1923 г. в Берлине был открыт Русский научный институт, на правовом факультете которого международное право читал профессор М.А. Таубе.

Во Франции в Париже в 1925-1937 гг. действовали Русский юридический факультет и Франко-русский институт как ВУЗы по подготовке кадров для «новой» России. Дипломы выпускников

приравнивались к дипломам французских университетов. Международное право вели представители также и «петроградского» факультета А.М. Байков, Б.Э. Нольде, А.А. Пиленко, М.А. Таубе.

Крупный центр Русского Зарубежья сформировался в Северном Китае – Харбине, ставшем после окончания в России гражданской войны прибежищем более 100 тыс. эмигрантов, в т. ч. и ученых. С 1920 г. по программе юридического факультета сначала работали Высшие экономико-юридические курсы, позже переименованные в юридический факультет. Особенностью его деятельности являлось то, что он, давая студентам классическое юридическое образование, включал в него как дореволюционные, так и новые советские учебные предметы. Это обуславливалось тем, что многие выпускники факультета трудоустроивались в структуры контролируемой СССР Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Международное право вел представитель «петроградского» факультета В.В. Энгельфельд.

Важно отметить: практически во всех эмигрантских научно-образовательных центрах активно работали ученые юридического факультета Петроградского университета, в т. ч. и специалисты в области международного права.

Следует напомнить: в первом после Октябрьской революции 1917/1918 учебном году учебный процесс по кафедре международного права Петроградского университета обеспечивали 4 преподавателя: профессора барон Б.Э. Нольде и А.А. Пиленко, а также два приват-доцента – А.М. Горовцев и А.И. Пийп¹²⁰.

В течение 1918-1919 гг. все они эмигрировали: Б.Э. Нольде, А.А. Пиленко и А.М. Горовцев – в Париж, Антс Пийп – в Таллин.

В 1919/1920 учебном году занятия вели профессор И.А. Ивановский и А.Н. Макаров¹²¹ (эмигрировал в 1924 г. в Германию).

В эмиграции находились и другие ученые, в разное время работавшие на факультете, имевшие труды в сфере международного права: В.В. Водовозов, Г.Н. Гарин-Михайловский, Г.Д. Гурвич, А.И. Догель, А.И. Каминка, С.А. Корф, А.Н. Мандельштам,

¹²⁰ Обзорение преподавания наук на юридическом факультете Петроградского университета в осеннем семестре 1917 г. и в весеннем семестре 1918 г. – Пг. – 1917. – 26 с.

¹²¹ Протокол заседания факультета от 13 октября 1919 г. // ЦГА СПб. – Ф. 7240. – Оп. 14. – Д. 85 «Петроградский государственный университет. Юридический факультет. Протоколы заседания факультета» (1919 г.). – Л. 30-30 об.

Б.С. Миркин-Гецевич, П.А. Сорокин, М.А. Таубе, М.А. Циммерман и др.

Следует отметить: у каждого из них сложилась своя как дореволюционная, так и эмигрантская судьба и творческая жизнь.

Показательны судьбы и творчество профессоров Б.Э. Нольде и М.А. Таубе.

Барон **Нольде Борис Эммануилович** (1876-1948 гг.) – широко известный в свое время юрист-международник, дипломат, писатель, общественный и политический деятель. Являясь выпускником кафедры международного права, самым талантливым учеником всемирно известного профессора Ф.Ф. Мартенса, он, тем не менее, в течение всего дореволюционного периода работал вне Университета, возглавляя кафедру международного права в Санкт-Петербургском / Петроградском политехническом институте, одновременно преподавая в Александровском лицее и на Высших Бестужевских женских курсах. Был не только известным в свое время ученым-международником, историком права и государствоведом, но и достиг высоких вершин на службе в Министерстве иностранных дел, возглавив в Министерстве юридическую службу, а весной 1917 г. во Временном правительстве занимал должность заместителя Министра иностранных дел. Кстати, это он вместе с другим представителем юридического факультета В.Д. Набоковым составили 3 (16) марта 1917 г. Акт об отказе Михаила Романова от занятия престола (после отречения Николая II), которым и закончилось 300-летнее правление династии Романовых

Барон Б.Э. Нольде стал последним из дореволюционных профессоров – учеников Ф.Ф. Мартенса, кому выпала честь в 1917 / 1918 учебном году занимать кафедру международного права Петроградского университета. С его уходом в 1919 г. из Университета и эмиграцией завершилась «золотая эпоха» в функционировании и развитии кафедры международного права Санкт-Петербургского / Петроградского университета дореволюционного периода¹²².

¹²² В научных и справочных источниках содержится противоречивая информация о времени и месте начала эмиграции Б.Э. Нольде: в 1918 г. или в 1919 г., в Финляндию, Швецию либо во Францию (См., напр.: Стародубцев Г.С. Международно-правовая наука российской эмиграции (1918-1939). – С. 37). Однако обнаруженные автором данной статьи материалы архивов свидетельствуют о другом. В мае 1919 г. Нольде в должности профессора кафедры частного международного права экономического факультета I-го Петроградского политехнического института был командирован Советом Института «с научной целью на летнее вакационное время сего 1919 года в Швецию для работ в библиотеках и архивах по вопросам, связанным с заканчиваемым им обширным сочине-

В эмиграции Нольде отошел от политической деятельности, но стал видным деятелем научно-педагогической и общественной жизни Русского Зарубежья.

Б.Э. Нольде являлся активным членом многих обществ русской эмиграции: Центрального бюро Комитета съездов русских юристов за границей; Правления Русской академической группы во Франции; Совета профессоров Русского института исторических и юридических наук; Российского торгово-промышленного и финансового союза; Объединения русских адвокатов; Франко-русского комитета по вопросам образования; Центральной юридической комиссии по изучению положения русских и армянских эмигрантов. Он – Председатель учредительного собрания (1920 г.) и активный член Российского общества Лиги народов, член кружка «К познанию России» (1933-1936 гг.), член Комитета для координации действий благотворительных и гуманитарных организаций (1937 г.). В 1927-1948 гг. – Председатель эмигрантского Главного управления Российского общества Красного Креста (Париж). В 1944 г. был введен в Совет бывших русских послов в Париже.

В течение 36 лет активно участвовал в работе авторитетного всемирного научного учреждения – Института международного права (Гент, Бельгия): с 1912 г. – член-сотрудник, в 1937 г., не имея гражданства, а лишь «нансеновский» паспорт, избран одним из 3-х вице-председателей, с 1947 г. – Председатель Института.

нием по частному международному праву» (Командировочное удостоверение, выданное Институтом 10 мая 1919 г. за № 323 // ЦГА СПб. – Ф. 3121. – Оп. 12. – Д. 484. – Л. 75). Из заграничной командировки Б.Э. Нольде не вернулся. 16 сентября 1919 г. декан экономического факультета Политехнического института уведомил письмом проректора по учебным делам Института, что «профессор Б.Э. Нольде не прибыл в Институт для возобновления учебных занятий» (Там же. – Л. 78). В Петроградском университете Б.Э. Нольде состоял в штате значительно дольше. Согласно архивным данным, в Университете Б.Э. Нольде продолжал оставаться в должности профессора, занимавшего кафедру международного права, вплоть до лета 1920 г. (См.: Список личного состава по учебной части I-го Петроградского университета на 15 апреля 1919 г. // Объединенный архив СПбГУ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 141 «Списки профессорско-преподавательского состава на июнь месяц по всем факультетам» (1919 г.). – Л. 14 об.). Правлением Университета профессор Б.Э. Нольде был отчислен лишь с 1 июля 1920 г. на основании представления декана факультета общественных наук «как не явившийся к исполнению своих обязанностей в истекшем триместре» (ЦГА СПб. – Ф. 7240. – Оп. 14. – Д. 134 «Протоколы заседания Правления Петроградского университета». – П. 14 Протокола 24 от 1 июля 1920 г. – Л. 125 об.). Таким образом, фактически Б.Э. Нольде в эмиграции – с лета 1919 г.

Б.Э. Нольде неоднократно удостоивался чести читать курсы лекций в весьма престижной Гаагской Академии международного права (1924, 1929, 1932, 1936 гг.).

В эмиграции профессор Нольде читал лекции в университетах Франции, Бельгии, Голландии. Так, в Париже он читал курс «Введение в русское публичное право» в Институте русского права при Сорбонне, курс «Институции русского публичного права» на юридическом отделении Русской академической группы, лекции во Франко-славянском обществе, в Русском народном университете, Русском юридическом обществе, на Зарубежных высших военно-научных курсах, Курсах по русской истории и литературе при Русской академической группе, и др.

Он – один из организаторов Русского юридического отделения при Парижском университете (Сорбонне), на котором и преподавал международное право.

В различные годы Нольде – декан Русского юридического факультета при Институте славяноведения (Париж). В 1930-х годах преподавал на Зарубежных русских высших военно-научных курсах в Париже. В 1933-1934 гг. – профессор факультета права Свободного Брюссельского университета.

Б.Э. Нольде – почетный доктор Кембриджского университета.

Кавалер ордена Почетного легиона Франции (за антинацистскую позицию).

Научная деятельность Б.Э. Нольде в эмиграции была весьма разнообразной. Учитывая, что данная статья предназначается в сборник историко-правовой направленности, следует особо отметить тот интерес, который он проявлял к различным аспектам как общей истории права¹²³, так и истории международного права¹²⁴.

¹²³ Так, еще в Петрограде Б.Э. Нольде начал работать над книгой об известном государственном деятеле и публицисте середины XIX в. Ю.В. Самарине, которую закончил уже в эмиграции и издал в Париже. См.: Нольде Б.Э. Юрий Самарин и его время. – Paris: Soc. anonyme impr. de Navarre, 1926. – 245 с. Многие годы, даже в период Второй мировой войны, Нольде работал над исследованием истории формирования многонациональной Российской империи, истории ее расширения на Юг и на Восток. Он не успел ее завершить, но основная часть исследования увидела свет уже после его кончины. См.: Nolde B. La formation de l'Empire russe: etudes, notes et documents. Vol. 1-2. – Paris: Institut d'études slaves, 1952-1953. – 273, 387 p.; Его же. История формирования Российской империи [пер. с фр.]. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. – 848 с. По признанию специалистов, данная работа является одним из самых лучших достижений русской эмигрантской историографии (См.: Империиография Бориса Нольде / Нольде Б.Э. История формирования Российской империи. – С. 11). См. также: Нольде Б.Э. Петербургская миссия Бисмарка. 1859-1862: Россия и Европа в начале царствования

Он – автор монографий, учебников и статей по истории, международной политике и международному праву, публиковался в эмигрантских и иностранных периодических изданиях на русском, немецком, французском, английском языках.

Так, уже вскоре после приезда в Париж в 1920 г. Нольде опубликовал в эмигрантском журнале «Современные записки» статью о Лиге Наций и перипетиях работы по созданию первого в истории международного суда¹²⁵. На следующий год выходит его статья с анализом хода подготовки Вашингтонской конференции 1921-1922 гг. и позиций государств-участников об ограничении морских вооружений и проблемах Дальнего Востока и бассейна Тихого океана¹²⁶.

В статье «Локарно и Россия»¹²⁷, оценив последствия Локарнских договоров 1925 г. для России, заявил: «Россия бессмертна»¹²⁸. Вновь вернувшись к Лиге, дал ей позитивную оценку: «Лига Наций – великая и способная к развитию форма и, оставаясь в ней, современные государства сумеют ставить себе размеренные со своими нынешними средствами задачи и искать размеренных их решений»¹²⁹.

Нольде как бывший чиновник российского МИДа вполне ожидаемо критически оценивал советскую дипломатию и деятельность НКВД СССР во главе с Г.В. Чичериным¹³⁰. При этом он все же признает и успехи советской дипломатии, «выливающиеся» в международные переговоры и заключаемые СССР договоры¹³¹.

Уже после войны, за год до своей кончины, Нольде, выступая в 1947 г. с докладом в Институте международного права, начал свою речь с напоминания того значимого факта, что даже во время мас-

Александра П. – Прага: Пламя, 1925. – 302 с.; Его же. Из истории русской катастрофы // Современные записки. – 1927. – № 30. – С. 237-550.

¹²⁴ См., напр.: Нольде Б.Э. История русского коллизионного права // Труды русских ученых за границей / Сборник Академической группы в Берлине. – Берлин: Слово, 1922 – С. 126-148.

¹²⁵ Нольде Б.Э. Лига народов и международный суд // Современные записки. – 1920. – Кн. I. – С. 232-235.

¹²⁶ Нольде Б.Э. Вашингтонская конференция // Современные записки. – 1922. – Кн. 8. – С. 240-258.

¹²⁷ Нольде Б.Э. Локарно и Россия // Современные записки. – 1926. – Кн. 27. – С. 447-463.

¹²⁸ Там же. – С. 463.

¹²⁹ Там же. – С. 461.

¹³⁰ Нольде Б.Э. Советская дипломатия // Современные записки. – 1925. – Кн. 27. – С. 335-349.

¹³¹ Там же. – С. 337.

штабных мировых кризисов, с их катастрофическими трагедиями и разрушениями, очень важно обращаться к международному праву: «Нельзя скрывать, что бывают случаи, когда перевес одного или нескольких государств или чрезвычайные события повелительно благоприятствуют мерам, для которых тщетно искать достаточную причину в принципах права наций. Но не менее важно знать права наций»¹³². Положительно оценивая в докладе создание ООН как «международную реформу 1945 г.», Нольде провел анализ Устава ООН в контексте двух, по его мнению, важнейших международно-правовых принципов: принципа универсальности новой международной организации и принципа принятия ею решений на основе мажоритарного голосования. При этом Устав он оптимистически рассматривал как «Договор о "вечном мире"».

Б.Э. Нольде в равной степени интересовали вопросы международного как публичного, так и частного права. Но особенно велик его вклад в исследование проблемы кодификации международного частного права. Нольде одним из первых еще в 1930-е годы обратился к анализу данной проблем, опубликовав весьма обстоятельную работу о кодификации международного частного права на основе всестороннего и глубокого анализа исторического и нормативного материала как конкретных стран Европы и Америки, так и международных актов¹³³. Как отметили современные исследователи А.Н. Жильцов и А.И. Муранов, «ничего подобного на русском языке, к большому сожалению, написано так и не было, и даже если бы Б.Э. Нольде не было написано ничего другого в сфере международного частного права, хотя бы из-за одной этой работы Б.Э. Нольде следует назвать в числе отечественных ученых, внесших неоценимый вклад в разработку тех аспектов международного частного права, без уделения внимания которым ее успешное развитие было бы невозможно»¹³⁴.

Б.Э. Нольде – один из авторов и руководителей издания в 1930 г. трехтомного труда «Советское гражданское и торговое право»¹³⁵.

¹³² Discours du Baron Boris Nolde // Annuaire de l'Institut de droit international. – 1947. – Tome 41. – P. 133-143.

¹³³ Nolde B. La codification du droit international privé // Recueil des Cours de l'Académie de droit international de La Haye. – 1936. – Т. 55. – P. 299-432.

¹³⁴ Жильцов А.Н., Муранов А.И. Вклад знаменитых российских юристов-эмигрантов А.Н. Макарова и Б.Э. Нольде в изучение международного частного права и его национальных кодификаций // Международное право. – 2001. – № 2 (11). – С. 111.

¹³⁵ Nolde B., Eliachevitch B., Tager P. Traité de droit civil et commercial des Soviets. 3 v. – Paris: Librairie Générale de Droit & de Jurisprudence, 1930. – 929 p.

Дважды удостоен премии Французской академии социальных и политических наук: за книгу «Старый режим и русская революция»¹³⁶ и за обширное исследование «Франко-русский союз: Истоки довоенной дипломатической системы»¹³⁷.

По итогам публичных выступлений Нольде в Гаагской Академии международного права были изданы четыре комплекта его лекций¹³⁸.

Соучредитель и соредатор журнала «Право и хозяйство» (Париж, 1925 г.), в котором значительное место уделялось проблемам международного права.

Активно сотрудничал с журналами «Возрождение», «Современные записки», La Revue des études slaves («Журнал славянских исследований»).

В 1930 г. изданы его воспоминания и опубликованные ранее статьи на политические и международно-правовые темы в виде книги «Далекое и близкое»¹³⁹.

Вклад Б.Э. Нольде в науку и практику международного права, в т. ч. и в период эмиграции¹⁴⁰, огромен, не до конца оценен¹⁴¹ и еще ждет своих исследователей.

¹³⁶ Nolde B. L'ancien régime et la révolution russe. – Paris: Libr. Armand Colin, 1928. – 214 p.

¹³⁷ Nolde B. L'alliance franco-russe: Les origines du système diplomatique d'avant-guerre. – Paris: Librairie Droz, 1936. – 700 p.

¹³⁸ Nolde B. Droit et technique des traités de commerce // Recueil des Cours – Collected Courses. Académie de Droit International de la Haye. – Vol. 3 (1925). – P. 291-462; Idem. La monnaie en droit international public // Recueil des Cours – Collected Courses. Académie de Droit International de la Haye. – Vol. 27 (1929). – P. 243-396; Idem. La clause de la nation la plus favorisée et les tarifs préférentiels // Recueil des Cours – Collected Courses. Académie de Droit International de la Haye. – Vol. 39 (1933). – P. 1-130; Idem. La codification du droit international privé // Recueil des Cours – Collected Courses. Académie de Droit International de la Haye. – Vol. 55 (1936). – P. 299-432.

¹³⁹ Нольде Б.Э. Далекое и близкое: Исторические очерки. – Париж: Современные записки, 1930. – 282 с.

¹⁴⁰ Подробнее о жизни и творчестве Б.Э. Нольде в эмиграции см.: Вишняк М.В. Б.Э. Нольде // Новая жизнь. Нью-Йорк. – 1948. – № 19. – С. 279-289; Тхоржевский И.И. Памяти Нольде // Русская мысль. – 1948, 4 июня. – № 60. – С. 3.; Российское зарубежье во Франции. 1919-2000: Биографический словарь. В 3-х т. Т. 2 / Л.А. Мнухин, Л.А. Мнухин, М. Авриль, В. Лосская. – М.: Наука, 2008. – С. 308; Стародубцев Г.С. Международно-правовая наука российской эмиграции (1918-1939). – С. 164-168 и др.

¹⁴¹ В недавно вышедшем за рубежом исследовании международно-правовой науки в России имя Нольде даже не упоминается (Mälksoo L. Russian Approaches to International Law. – Oxford: Oxford University Press. – 2015. – 240 p.), хотя подробно описаны труды Ф.Ф. Мартенса и М.А. Таубе.

Умер Б.Э. Нольде в Лозанне (Швейцария) в 1948 году.

Еще одним видным деятелем Русского международно-правового Зарубежья был профессор М.А. Таубе.

Барон **Таубе Михаил Александрович** (1869-1961 гг.) – выдающийся ученый-международник, дипломат и международный арбитр, видный государственный и общественный деятель и, кроме всего, – философ, историк, генеалог, литературовед, мемуарист, поэт, переводчик¹⁴².

Выпускник, магистр, доктор наук, также ученик профессора Ф.Ф. Мартенса, сменивший его в 1903 г. в должности заведующего кафедрой международного права Санкт-Петербургского университета.

М.А. Таубе, как и Б.Э. Нольде, удачно соединял научно-педагогическую работу с практической работой дипломата, международного арбитра и консультанта. В МИДе Таубе, как и Ф.Ф. Мартенс, прошел путь от рядового сотрудника до постоянного члена Совета Министерства. Таубе деятельно участвовал в международно-правовой жизни Европы, будучи уполномоченным правительства России либо членом российских делегаций на многих международных конференциях и переговорах. Имел высокий международный авторитет, часто выступал консультантом по международно-правовым проблемам, давал разъяснения, готовил экспертные заключения и аналитические записки.

С 1915 г. М.А. Таубе – сенатор Правительствующего сената в чине тайного советника. С 1 января 1917 г. – член Государственного совета Российской империи. М.А. Таубе занимал и высокие государственные должности. В 1911-1915 гг. – товарищ (заместитель) министра народного просвещения.

С 1910 г. – член-сотрудник Института международного права (Гент, Бельгия), с 1914 г. – член Академии международного права в Гааге и членом ее Распорядительного совета, с 1915 г. – член-корреспондент Американского Института международного права (Вашингтон)¹⁴³.

Большая часть жизни Таубе прошла в эмиграции (с 1929 г. – в Париже), где он стал видным общественным, политическим и научным деятелем Зарубежной России.

¹⁴² Стародубцев Г.С. Российский юрист-международник М.А. Таубе в эмиграции // Международное право. – 2006. – № 4. – С. 205-221.

¹⁴³ Таубе М.А. «Зарницы»: воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900-1917). – М., 2006. – 272 с.

В эмиграции Таубе с конца 1917 г. (в Финляндии и Швеции, затем в Германии и Франции). Читал лекции по истории международных отношений и международного права в университетах Швеции, Германии, Франции, Бельгии. В Германии в 1923-1929 гг. – член Ученого совета Русского научного института в Берлине, читал на правовом факультете Института курс «Международное право» и ряд специальных курсов. Во Франции – с конца 1920-х гг. выступал с докладами в Союзе русских адвокатов за границей, читал в Париже лекции в Институте международных исследований (1922 г. и 1929-1932 гг.), Русском институте при юридическом факультете Парижского университета (с 1928 г.), католическом институте Парижа (1929-1930 гг.), Европейском центре Фонда Карнеги для международного мира (1929-1930 гг.). В Бельгии – в одном из старейших европейских университетов в Левене (1927 г.).

В 1931-1937 гг. – профессор Мюнстерского университета (Германия), читал специальные курсы по истории и теории международного права.

В Нидерландах – член Кураториума Академии международного права в Гааге, в которой 6 (шесть!) раз сам выступал с лекциями (исключительный случай), а также организовал лекции коллег-эмигрантов (прежде всего по юридическому факультету Петроградского университета – А.Л. Байкова, А.М. Горовцева, Б.Э. Нольде, А.Н. Мандельштама, А.Н. Макарова, А.С. Яценко), знакомявших научный мир с российской доктриной международного права.

В 1930-е гг. – член созданного за рубежом российского Высшего монархического совета, участвовал в разработке нового Устава российской Императорской фамилии. Юрисконсульт великого князя Кирилла Владимировича.

М.А. Таубе оказал большую помощь известному художнику Н.К. Рериху (также выпускнику факультета) в организации Рериховского движения по защите культурных ценностей, в подготовке Договора об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников 1935 г. («Пакта Рериха») – первого в истории международно-правового акта о защите культурных ценностей во время войны¹⁴⁴. В 1920-1930-е гг. председательствовал в Особом Европейском комитете Пакта Рериха, Французском комитете Пакта

¹⁴⁴ «Пакт Рериха» подписан 15 апреля 1935 г. в Вашингтоне в Белом доме представителями 21 американской страны при личном участии президента США Франклина Рузвельта.

Рериха, Русской Ассоциации Общества Рериха в Париже, отделе Музея Рериха в Нью-Йорке¹⁴⁵.

В 1941 г. М.А. Таубе – эксперт по русским делам Комитета взаимопомощи русской эмиграции во Франции.

Во время войны М.А. Таубе остался в оккупированном Париже, признал фашистскую власть Германии и сотрудничал с оккупационными властями.

В послевоенные годы читал лекции в Русской академической группе, Русском научном институте, Русском историко-генеалогическом обществе, Институте по изучению русской культуры. В 1956-1957 гг. выступал с лекциями в Объединении бывших воспитанников Санкт-Петербургского университета.

В эмиграции Таубе продолжил и активную научную деятельность. Им было опубликовано около 20 работ по разным сферам науки и практики. Значителен его вклад в теорию и практику международного права. Во многом знаковыми для понимания международно-правовых взглядов в эмигрантский период его жизни и творчества были две работы: «Вечный мир или вечная война? (Мысли о Лиге Наций)»¹⁴⁶ и «Этюды об историческом развитии международного права в Восточной Европе»¹⁴⁷.

В первой работе – «Вечный мир или вечная война?» – Таубе вышел за рамки заявленной темы и провел анализ места и роли международного права после «безнравственной и бесправной войны» в новых условиях послевоенного мира и созданной в 1919 г. первой в истории международной политико-правовой организации – Лиги Наций. Он положительно оценивает создание Лиги, анализирует ее значение для международной стабильности и сотрудничества, как бы предчувствуя, что Лига, просуществовавшая до 1946 г., станет

¹⁴⁵ В Архиве русской и восточно-европейской истории и культуры в Бахметьевском архиве Колумбийского университета (г. Вашингтон, США) в архиве Н.К. Рериха есть личный фонд Таубе как его родственника, в который он передал свои рукописи, материалы лекций, много других документов (20 коробок), все еще ожидающих своего исследователя и издателя. – См. об этом: Наследие Н.К. Рериха и его семьи в архивах США // Музей-институт семьи Рерихов. – URL: https://roerich.spb.ru/article/nasledie_nk_rerih_i_ego_semi_v_arhivah_ssh (Дата обращения: 20.07.2023 г.).

¹⁴⁶ Таубе М.А. Вечный мир или вечная война? (Мысли о Лиге Наций). – Берлин: Детинец, 1922. – 109 с.

¹⁴⁷ Таубе М. Études sur le développement historique du droit international dans l'Europe orientale // Recueil des Cours de l'Académie de Droit International. – 1926. – No. 11. – P. 345-535.

предтечей ООН. В то же время Таубе, задавшись вопросом: «Помнело ли человечество за последние годы?», в ходе ответа на этот вопрос по существу предсказал и Вторую мировую войну.

М.А. Таубе – сторонник и творческий продолжатель концепции своего учителя профессора Ф.Ф. Мартенса о международном общении как основе международных отношений и права. Но Таубе пошел дальше. Он считает, что в основе нового миропорядка должны лежать два основных элемента: идея международного общения, обоснованная еще Ф.Ф. Мартенсом, и современное международное право¹⁴⁸. В развитие позиции Мартенса он сформулировал идею, что основой появления и развития международного права является не только международное общение, что само по себе верно, но и более глубокие основания – это общность, солидарность и связанность всех цивилизованных народов. Он пишет об «общности и солидарности всех цивилизованных народов – той самой взаимной культурной связанности или зависимости», которая является объективной необходимостью их международного общения и лежит в основе международного права. По его мнению, мир взаимно переплетен, успехи и неудачи одного государства отражаются на других: «При теперешнем состоянии культурной общности народов моральное или экономическое заболевание одного из них означает собой, в конце концов, и заболевание его соседей. Ибо все суть члены одного великого тела»¹⁴⁹.

Оригинальны для своего времени и мысли Таубе о том, что в основе создания норм международного права также лежит идея взаимосвязанности и взаимозависимости государств. Именно эти качества международного общения побуждают государства к самоограничению своей власти в пользу выработки взаимоприемлемых норм международного права. И это при том, что традиционно и до Таубе, и после него международное право рассматривалось как система юридических норм, регулирующих отношения участников межгосударственного общения. Но Таубе обратил внимание на другую сторону природы и сути международного права. Формируя его нормы и принципы, государства добровольно и взаимно отказываются от части своих полномочий, тем самым ограничивая свою суверенную власть ради мира и общего блага всего человеческого сообщества; это было в тот период его творческой заслугой.

Своеобразное понимание Таубе самого международного права и его взаимосвязи с внутренним правом государств. Он писал:

¹⁴⁸ Таубе М.А. Вечный мир или вечная война? – С. 14.

¹⁴⁹ Там же. – С. 7-28.

«...международное право, правильно понятое, не есть какая-то юридическая фикция, искусственно построенная профессорами или дипломатами, а просто известный минимум правового сознания, необходимый для практического сосуществования и культурного сотрудничества цивилизованных народов. Там, где этот минимум правовых ощущений или юридического сознания перестает существовать в международной жизни, – напр., именно между воюющими, т. е. за пределами данной государственной границы, – там, строго-логически, нельзя, конечно, ожидать, чтобы такой же нравственный минимум оставался в наличности и по сию сторону государственной границы»¹⁵⁰.

Из всего вышесказанного логически вытекает желание Таубе дать и определение понятия международного права, которое в его формулировке следующее: «Международное право есть, в конечном анализе, выработанная долговременным обычаем или основанная на специальных международных соглашениях (договорах) реально существующая в области практического международного оборота система известных юридических норм, признаваемых государствами (правительствами и народами) в качестве обязательных правил взаимного самоограничения их державных волей, практически необходимого для совместного мирного существования народов и полноты культурного их развития»¹⁵¹.

Правда, итогом всех рассуждений и умозаключений Таубе о путях установления вечного мира стал вывод, что не Лига Наций, и даже не «Красный Крест международного права» могут дать «миру мир», а лишь христианство, которое провозглашает возможность и необходимость установления «всеобщего блага, включающего в себя понятие всеобщего мира»¹⁵².

Таубе всегда уделял внимание исследованию одного из ключевых аспектов истории международных отношений и права – проблеме регионализма, первоначально европейского. Продолжая заниматься этой проблемой и в эмиграции, «осовременив» ее реалиями XX века, он расширил тематику исследования на всю международно-правовую сферу, а географические рамки вывел за пределы Европы, прежде всего на американский континент, проведя сравнительный анализ европейского и американского регионализма, в том числе и «панамериканизма».

¹⁵⁰ Там же. – С. 11.

¹⁵¹ Там же. – С. 30.

¹⁵² Там же. – С. 109.

В эмиграции Таубе продолжил разрабатывать концепцию особой роли славянского мира в развитии международного права, которую он начал формулировать еще в России, считая, что эта роль имеет свои характерные особенности и отражает тенденции «регионализма» в международном праве.

Таубе твердо стоял на позиции христианского понимания мира и международного права (его в этом поддерживал Л.Н. Толстой). В эмиграции он развивал ее с учетом новых международных реалий. Он придавал большое значение роли христианства в развитии международно-правовых связей славянских народов, что нашло отражение и в его работе «Этюды об историческом развитии международного права в Восточной Европе», в которой он, в частности, дает анализ политико-правовым и религиозным отношениям между Римской Церковью и Древней Русью.

В лекциях в Гааге в 1926 г. Таубе выражал сожаление, что в истории фактически полностью опущена роль Византии и славянских народов в развитии международного права, низведя их до простых посредников между Европой и Азией¹⁵³. Киевская Русь, по его мнению, познакомилась с международно-правовыми отношениями и Западной Европы, и Византии еще до принятия христианства. Русь со временем стала частью христианской Европы. Разрыв между славянскими землями и Западной Европой он связывал, прежде всего, с татарским нашествием и разорением Киевской Руси, хотя славян также беспокоили и нашествия германских народов. Но, считал Таубе, немецкие завоевания для славянских народов были более позитивными, чем татарские. «Азиатизация» России на протяжении двух с половиной веков татаро-монгольского влияния объяснялась московским изоляционизмом и «антиинтернационализмом». Признавая факт отделения и изоляции славянских земель от Западной Европы, Таубе в то же время подверг критике распространенное мнение российских историков, что Русское государство начало свое существование от Киевской Руси; это мнение, считал он, было «более поздней и политически вдохновленной фантазией». Отношения между русскими княжествами были международными, регулировались местными представлениями о «праве народов» и были схожи с межкняжескими отношениями в Западной Европе.

¹⁵³ Taube M. Études sur le développement du droit international dans l'Europe orientale // Recueil des Cours de l'Académie de Droit International. – 1926. – No. 11. – P. 345-535.

Таубе известен и как историк. Автор работ, посвященных происхождению Русского государства, взаимоотношениям Руси и зарубежных стран и народов.

Издан в эмиграции: *La Russie et l'Europe occidentale a travers dix siècles* («Россия и Западная Европа сквозь десять веков») (Брюссель, 1926), книгу мемуаров *La politique Russe de l'empire des tsars (1904-1917)* («Русская политика царской империи (1904-1917)») (Париж, 1928), монографию *L'Empereur Paul Ier de Russie grand Maotre de l'ordre de Malte* («Император Павел I – великий магистр Мальтийского ордена») (Париж, 1955) и др.

М.А. Таубе умер на 93-м году жизни 29 ноября 1961 г. в Париже.

Б.Э. Нольде и М.А. Таубе – одни из самых ярких представителей Санкт-Петербургской школы международного права, внесших значительный вклад в развитие науки и практики международного права как в дореволюционный, так и в эмигрантский период их жизни и творчества, который все еще, к сожалению, слабо изучен и оценен. Они были научно весьма плодovitы, их перу принадлежат работы, являющиеся во многом образцом научных изысканий, и сегодня они не теряют своей актуальности и с успехом могут быть использованы всеми, кто интересуется международным правом.

Список литературы

1. Вишняк М.В. Б.Э. Нольде // Новая жизнь. Нью-Йорк. – 1948. – № 19. – С. 279-289.
2. Волошина В.Ю. Вырванные из родной почвы. Социальная адаптация российских ученых-эмигрантов в 1920-1930-е годы. – М.: Форум, 2013. – 448 с.
3. Галас М.Л. Правовой статус «русских» эмигрантов и беженцев в странах их пребывания в 1920-1940 гг. // Государство и право. – 2011. – № 7. – С. 75-83.
4. Гришунькина М.Г. Профессиональные объединения российских юристов в эмиграции в 1920-1930-е гг.: автореф. дисс. ... кандидата исторических наук. – М., 2005. – 24 с.
5. Жильцов А.Н., Муранов А.И. Вклад знаменитых российских юристов-эмигрантов А.Н. Макарова и Б.Э. Нольде в изучение международного частного права и его национальных кодификаций // Международное право. – 2001. – № 2 (11). – С. 89-112.
6. Кривоноженко А.Ф. Профессорско-преподавательская корпорация Петроградского университета в 1917-1922 гг. // Ученые

записки Петрозаводского государственного университета. Сер. «История». – 2014. – Февраль, № 1. – С. 21-23.

7. Митрохин В.А. Борьба идей в российской эмиграции накануне Второй мировой войны // Правоведение. – 2007. – № 4. – С. 161-172.

8. Наследие Петербургской университетской культуры в русском зарубежье: очерки / Санкт-Петербургский государственный университет; под ред. Н.Я. Олесича. – СПб.: Знаменитые университеты, 2012. – 192 с.

9. Нольде Б.Э. Вашингтонская конференция // Современные записки. – 1922. – Кн. 8. – С. 240-258.

10. Нольде Б.Э. Далекое и близкое: Исторические очерки. – Париж: Современные записки, 1930. – 282 с.

11. Нольде Б.Э. Из истории русской катастрофы // Современные записки. – 1927. – № 30. – С. 237-550.

12. Нольде Б.Э. История русского коллизионного права // Труды русских ученых за границей / Сборник Академической группы в Берлине. – Берлин: Слово, 1922. – С. 126-148.

13. Нольде Б.Э. История формирования Российской империи [пер. с фр.]. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. – 848 с.

14. Нольде Б.Э. Лига народов и международный суд // Современные записки. – 1920. – Кн. I. – С. 232-235.

15. Нольде Б.Э. Локарно и Россия // Современные записки. – 1926. – Кн. 27. – С. 447-463.

16. Нольде Б.Э. Петербургская миссия Бисмарка. 1859-1862: Россия и Европа в начале царствования Александра II. – Прага: Пламя, 1925. – 302 с.

17. Нольде Б.Э. Советская дипломатия // Современные записки. – 1925. – Кн. 27. – С. 335-349.

18. Нольде Б.Э. Юрий Самарин и его время. – Paris: Soc. anonyme impr. de Navarre, 1926. – 245 с.

19. Российское зарубежье во Франции. 1919-2000: Биографический словарь. В 3-х т. Т. 2 / Л.А. Мнухин, Л.А. Мнухин, М. Авриль, В. Лосская. – М.: Наука, 2008. – С. 308.

20. Ростовцев Е.А. Сидорчук И.В. Изгнанники «советского» университета: опыт коллективного портрета преподавательской эмиграции Петрограда // Вестник Санкт-Петербургского университета: Серия 2. История. – 2016. – № 1. – С. 64-75.

21. Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В. Изгнанники «Советского» университета: опыт коллективного портрета преподавательской

эмиграции Петрограда // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. – 2016. – Вып. 1. – С. 64-75.

22. Семме Т. «Мы не в изгнании, мы в послании...»: петербургские универсанты в эмиграции // Санкт-Петербургский университет. – 2012. – № 2. – С. 21-26.

23. Стародубцев Г.С. Исход русских юристов-международников за границу: юридические статьи // История государства и права. – 2001. – № 3. – С. 22-29.

24. Стародубцев Г.С. Международно-правовая наука российской эмиграции. 1918-1939. – М.: Книга и бизнес, 2000. – 294 с.

25. Стародубцев Г.С. Проблемы международного права в трудах российских ученых эмигрантов. 1918-1939 гг.: автореф. дисс. ... доктора юридических наук. – М., 2000. – 50 с.

26. Стародубцев Г.С. Российский юрист-международник М.А. Таубе в эмиграции // Международное право. – 2006. – № 4. – С. 205-221.

27. Таубе М.А. «Зарницы»: воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900 -1917). – М., 2006. – 272 с.

28. Таубе М.А. Вечный мир или вечная война? (Мысли о Лиге Наций). – Берлин: Детинец, 1922. – 109 с.

29. Тхоржевский И.И. Памяти Нольде // Русская мысль. – 1948, 4 июня. – № 60. – С. 3.

30. Discours du Baron Boris Nolde // Annuaire de l'Institut de droit international. – 1947. – Tome 41. – P. 133-143.

31. Nolde B. L'alliance franco-russe: Les origines du systeme diplomatique d'avantguerre. – Paris: Librairie Droz, 1936. – 700 p.

32. Nolde B. L'ancien régime et la révolution russe. – Paris: Libr. Armand Colin, 1928. – 214 p.

33. Nolde B. La codification du droit international privé // Recueil des Cours de l'Académie de droit international de La Haye. – 1936. – T. 55. – P. 299-432.

34. Nolde B. La formation de l'Empire russe: etudes, notes et documents. Vol. 1-2. – Paris: Institut d'etudes slaves, 1952-1953. – 273, 387 p.

35. Taube M. Études sur le développement historique du droit international dans l'Europe orientale // Recueil des Cours de l'Académie de Droit International. – 1926. – No. 11. – P. 345-535.

РАЗДЕЛ II. НОВЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ ВОПРОСОВ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

*Дорская А.А.**

Категория «переживание истории» и новые методологические подходы в изучении историко-правовых проблем¹⁵⁴

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об актуализации на современном этапе такого явления, как переживание истории. Показано место «переживания истории» в категориальном аппарате историко-правовой науки. С опорой на достижения различных гуманитарных и общественных наук раскрывается содержание категории «переживание истории». Выделены направления, в рамках которых осуществляется изучение переживания истории юристами: наградная политика различных государств, сохранение исторической памяти народов, реализация права народов на самоопределение и историко-правовая оценка преступлений против человечности.

Ключевые слова: переживание истории, наука истории государства и права, методология, категориальный аппарат, идентичность, историческая память.

Category “experiencing of history” and new methodological approaches in the study of historical and legal problems

Abstract. The article explores the issue of actualizing such a phenomenon as the experiencing of history in modern times. The study il-

* ДОРСКАЯ АЛЕКСАНДРА АНДРЕЕВНА (Россия, Санкт-Петербург), заместитель директора по научной работе Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», профессор кафедры международного права ФГБОУВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», доктор юридических наук, профессор; DORSKAYA ALEKSANDRA ANDREEVNA, Deputy Director for Research of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, Professor of the Department of International Law of the Herzen State Pedagogical University of Russia, Doctor of Law, Professor.

¹⁵⁴ Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФФ, проект № 22-28-01346 «Переживание истории как фактор самоидентификации государств и народов в XXI веке: правовое измерение».

illustrates the role of “experiencing of history” within the categorical apparatus of historical and legal science. Drawing on the accomplishments of various humanities and social sciences, the article uncovers the content of the category “experiencing of history”. It is shown that the examination of history within the legal field focuses on different aspects, such as the award policies of various states, the preservation of historical memory, the exercise of peoples’ right to self-determination, and the historical and legal assessment of crimes against humanity.

Key words: experiencing of history, science of the history of the state and law, methodology, categorical apparatus, identity, historical memory.

В связи с тем, что одной из характеристик XXI века стали актуализация исторического прошлого, «переживание истории» прежде всего предыдущего столетия, переоценка многих исторических событий, в историко-правовой науке появляются новые темы и разрабатываются методологические подходы к их изучению.

Категория «переживание истории» не является общепринятой, хотя её использование в юридической и исторической науке, безусловно, возрастает. При этом необходимо отметить, что данное понятие является междисциплинарным: оно встречается также в филологических, философских, психологических, социологических, исторических и других исследованиях¹⁵⁵.

Во многом современный интерес к нему обусловлен тем, как эволюционировало отношение к самому понятию «переживание». Как отмечает Ф.Е. Василюк, методологическая роль переживания радикально менялась в истории психологии – от категории, выражающей предмет всей науки в целом (интроспективная психология, понимающая психология В. Дильтея), до понятия, вовсе изгоняемого из ее пределов (бихевиоризм). Классическая интроспективная психология, добиваясь статуса самостоятельной науки, нашла в переживании самобытный объект (пусть сахар изучает химия, а сладость – психология), строго научное исследование которого методом аналитической интроспекции способно выделить из целостного опыта «чистую культуру» переживания, отпрепарированную как от

¹⁵⁵ См., напр.: Исаев А.А. Переживание прошлого и его легитимация в истории философии // Взаимодействие традиций отечественной и западноевропейской философии. Материалы межвузовской конференции. – М.: РГТУ, 2005. – С. 51-59.

предметного содержания, так и от личных пристрастий наблюдателя¹⁵⁶.

Обзоры зарубежных научных исследований показывают, что «переживание истории» на современном этапе изучается юристами в рамках четырёх основных тем: наградная политика различных государств, сохранение исторической памяти народов, реализация права народов на самоопределение и историко-правовая оценка преступлений против человечности¹⁵⁷.

Для описания «переживания истории» используются следующие характеристики.

Во-первых, это идентичность, связанная с родом, семьёй, страной. В данном случае очень многое зависит от уровня.

Осмысление собственной истории является необходимым элементом в конструировании культурной идентичности. Как отмечает Н.И. Журавлёва, история, понимаемая как направленный процесс, – мифическое переживание, консолидирующее нацию и необходимое для легитимизации власти¹⁵⁸.

Несколько иначе проявляется идентичность с родом. Так, к примеру, Ю.Е. Вершинина отмечает, что устойчивые родственные связи традиционно воспринимаются как феноменальная основа человеческого бытия. Переживание родства, т.е. осознание человеком особой связи с другим лицом, основанной на кровных или брачно-семейных отношениях, представляет собой сложный процесс. Он включает и «естественные» эмоциональные реакции по отношению к родичам, и развитую систему ценностей, реализующуюся в комплексе конкретных прав и обязанностей, и ряд других аспектов. Исследуя то, как династии Меровингов оценивал Григорий Турский, автор делает вывод, что, будучи поставленными перед выбором «родство или

¹⁵⁶ Василюк Ф.Е. К истории понятия переживания // Научная школа Л.С. Выготского: традиции и инновации. Материалы международного симпозиума. – М.: БУКИ-ВЕДИ, 2016. – С. 114.

¹⁵⁷ Сидоров А.В. Научный поиск в русле переживания истории: результаты обзора зарубежной научной литературы // Юбилейные даты в официальной политике памяти России: правовое измерение. Сборник научных статей. – СПб.: Астернон, 2022. – С. 74.

¹⁵⁸ Журавлева Н.И. История как миф: конструирование культурной идентичности // Культурная память и культурная идентичность. Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции молодых ученых (XI Колосницинские чтения). – Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2016. – С. 76.

достижение/удержание власти», представители этой семьи выжили последнее¹⁵⁹.

Очень серьезные трансформации в определении идентичности происходят в связи с появлением и развитием новых международных интеграционных организаций. В частности, как показывает опыт Европейского Союза, становление идентификации «нового европейского человека»¹⁶⁰ происходит с большими трудностями, поскольку многие европейские народы на протяжении веков имели не просто сложные отношения, но даже являлись врагами, между которыми неоднократно происходили войны.

Во-вторых, это переломный момент в общественной жизни. Так, Ф.Б. Шенк рассматривает эту проблему на примере августа 1914 г.¹⁶¹, когда начало Первой мировой войны навсегда изменило немецкое общество, хотя, возможно, что не все слои населения это сразу осознали.

В такие периоды очень важны «порывы души», благодаря которым зарождаются и развиваются различные социальные практики¹⁶², которые требуют правовой поддержки.

В-третьих, это очень яркое историческое событие, часто ассоциирующееся с трагическими страницами прошлого. Так, например, для армян к таковым относится геноцид в годы Первой мировой войны в Османской империи, для поволжских немцев – депортация в 1941 г. в Казахстан и Сибирь¹⁶³, для россиян – «эхо сталинизма», являющееся, по оценке специалистов, «важнейшим моментом переживания

настоящего прошлого своей страны»¹⁶⁴. Трагедия может быть связана и с вынужденным или объективно обусловленным забвением¹⁶⁵, когда через определённый отрезок времени должно быть проговорено то, о чём нельзя было упоминать раньше.

В-четвёртых, это состояние кризиса, переживая который, государство и общество пытаются найти опору в прошлом, обратиться к уже апробированным методикам его преодоления. Например, С.В. Бочкарев показывал этот процесс на примере Франции, которая практически в каждую революционную эпоху XIX века обращалась к опыту Великой французской революции, перенимала часть конституционных положений¹⁶⁶.

В-пятых, это совпадение или существенные различия семейной истории¹⁶⁷ с официальной политикой памяти, реализуемой в стране.

В этом смысле важной характеристикой переживания истории является различие истории и памяти¹⁶⁸, поскольку субъективное переживание прошлого может существенно влиять на объективные исторические знания, вытеснять их. На современном этапе мы наблюдаем существенные трансформации, характеризующиеся «фрагментацией» истории и замной её «множественной памятью».

В-шестых, это история идей, связь юристов с мышлением конкретной эпохи, рациональная и иррациональная психоэмоциональная реакция человека¹⁶⁹, поскольку политико-правовые теории,

¹⁵⁹ Вершинина Ю.Е. Переживание родства и чувства родственников в «Истории франков» Григория Турского // *Vita memoriae: теория и практики исторических исследований*. Сборник статей по материалам VI Всероссийской научной конференции молодых ученых, студентов и учащихся МБОУ СОШ. – Нижний Новгород: Мининский университет, 2018. – С. 20.

¹⁶⁰ Уваров П.Б. Причинно-следственные связи в истории как проекция ситуативных переживаний новоговропейского человека: опыт теоретической репрезентации // *Традиционные общества: неизвестное прошлое*. Материалы 12 Международной научно-практической конференции. – Челябинск: Пирс, 2016. – С. 50-55.

¹⁶¹ Шенк Ф.Б. «Августовское переживание»: начало Первой мировой войны как поворотный пункт немецкой истории // *Новое литературное обозрение*. – 2012. – № 4 (116). – С. 441-454.

¹⁶² Залаутдинова С. Милосердие - как порыв души, как внутреннее переживание, как дар (социальные практики милосердия: история и современность) // *Духовно-нравственное воспитание*. – 2021. – № 3. – С. 37-42.

¹⁶³ Мартиросян К.В., Букова Д.В. Субъективное переживание трагических событий истории народа в индивидуальном хронотопе сознания армянской молодежи и потомков поволжских немцев // *Мир науки*. – 2018. – Т. 6. – № 6. – С. 99.

¹⁶⁴ Фатенков А.Н. Переживание прошлого в ситуации конца истории // *Философия и культура*. – 2014. – № 4 (76). – С. 535.

¹⁶⁵ Романова Е.Н. Образы национального прошлого и будущего в восприятии якутской эмиграции (память, забвение, идентичность) // *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. – 2016. – № 4 (17). – С. 59-65.

¹⁶⁶ Бочкарев С.В. Кризисы в праве как фактор юридической формы переживания истории: опыт Франции второй половины XIX века // *Черные дыры в Российском законодательстве*. – 2021. – № 2. – С. 23.

¹⁶⁷ Жедунова Л.Г., Королева А.А. Влияние структурной организации параметров семейной истории на субъективную семантику кризисных переживаний // *Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки*. – 2019. – № 4 (50). – С. 71-75.

¹⁶⁸ Доманова С.А. Память и история в контексте философской антропологии // *Актуальные проблемы философской антропологии и философии культуры*. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2023. – С. 66-70.

¹⁶⁹ Малюгин С.В. Политико-правовая идея как юридическая форма переживания истории в историографии истории политических и правовых учений // *Юридиче-*

составляющие прочный фундамент правовой идеологии и истории юридической научной доктрины, являются центром рациональных вопросов и психологических оценок.

Так, в российской юридической науке на протяжении нескольких десятилетий идёт процесс оценки позитивистского этапа в юриспруденции. При этом очевидно, что отношение к советскому опыту меняется от полного отрицания до попыток извлечь из него как позитивные, так и негативные уроки.

В-седьмых, это защита ценностей, которые либо подвергаются нападкам, либо начинают серьёзно трансформироваться под воздействием различных факторов. Например, как показывают современные исследования, несмотря на огромные различия в осмыслении республиками, ранее входившими в состав Советского Союза, исторического прошлого, именно в рамках семейного права наблюдается наибольшая преемственность¹⁷⁰. Не только семейные ценности, но и подходы к их юридическому выражению являются схожими.

При защите ценностей очень важно сохранять адекватность в процессе переживания прошлого, выражающегося прежде всего в отказе от практики фальсификации истории, а именно – сведения оценки объекта в целом к оценке его части¹⁷¹.

В-восьмых, характеристикой переживания истории можно назвать определённую ностальгию. «В понимании истории, как утраченного прошлого, которое тем не менее каким-то образом живо и в этой неявной жизненности действительно, – пишет В.М. Литвинский, – много правды, которая сопротивляется своему концептуальному выражению¹⁷²».

Наконец, в-девятых, протекающий в настоящее время процесс переживания истории ставит перед историко-правовой наукой но-

ские формы переживания истории: практики и пределы. коллективная монография. – СПб.: Астерион, 2020. – С. 80.

¹⁷⁰ Петрова Н.Д. Векторы развития семейного права государств постсоветского пространства: традиции и инновации // Образование и право. – 2022. – № 5. – С. 164-168.

¹⁷¹ Балахонский В.В., Припечкин В.В. Проблема адекватности переживания истории: методологический, аксиологический и юридический аспекты // Юридические формы переживания истории: практики и пределы: коллективная монография. – СПб.: Астерион, 2020. – С. 348.

¹⁷² Литвинский В.М. Несвоевременные мысли о своевременности вещей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. – 2009. – № 4. – С. 74.

вые задачи. Например, изучение официальной политики памяти современных государств, одним из проявлений которой является так называемое мемориальное законодательство, которое либо декларирует позицию государства по оценке тех или иных исторических событий, либо даже устанавливает юридическую ответственность, иногда даже уголовную, за публичное несогласие с официальной позицией относительно исторического прошлого.

Таким образом, категория «переживание истории» на современном этапе занимает прочное место в историко-правовой науке, придавая ей не только актуальность, но и возможность прогнозирования. Обращение к прошлому стало для многих народов способом самоидентификации в меняющемся мире, а также одним из факторов, способствующих формированию идентичности.

Изучение переживания истории как феномена XXI века возможно только с междисциплинарных позиций, что обогащает методологию историко-правовой науки методами других гуманитарных и общественных наук – философии, социологии, психологии и т.д.

В связи с создавшейся ситуацией «сближения» истории и памяти науке истории государства и права принадлежит важная роль в недопущении подмены научно описываемого и оцениваемого прошлого со стороны профессионального сообщества «множественной памятью», фрагментирующей исторический материал и иногда эмоционально или рационально фальсифицирующий его. Преимуществом историко-правовой науки в данном процессе является опора на нормативные правовые акты и договоры, анализ которых придаёт оценкам прошлого более объективный характер.

Переживание истории не только способствует появлению новых тем историко-правовых исследований, но и показывает определённую цикличность в подходах юристов к изучению политико-правовых проблем. В частности, можно провести параллели между идеями представителей исторической школы права и современными юристами, обращающихся к историческому прошлому.

Список литературы

1. Балахонский В.В., Припечкин В.В. Проблема адекватности переживания истории: методологический, аксиологический и юридический аспекты // Юридические формы переживания истории: практики и пределы: коллективная монография. – СПб.: Астерион, 2020. – С. 345-357.

2. Бочкарев С.В. Кризисы в праве как фактор юридической формы переживания истории: опыт Франции второй половины XIX века // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2021. – № 2. – С. 23-25.

3. Василюк Ф.Е. К истории понятия переживания // Научная школа Л.С. Выготского: традиции и инновации. Материалы международного симпозиума. – М.: БУКВЕДИ, 2016. – С. 114-122.

4. Вершинина Ю.Е. Переживание родства и чувства родственников в «Истории франков» Григория Турского // Vita memoriae: теория и практики исторических исследований. Сборник статей по материалам VI Всероссийской научной конференции молодых ученых, студентов и учащихся МБОУ СОШ. – Нижний Новгород: Мининский университет, 2018. – С. 16-20.

5. Доманова С.А. Память и история в контексте философской антропологии // Актуальные проблемы философской антропологии и философии культуры. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2023. – С. 66-70.

6. Жедунова Л.Г., Королева А.А. Влияние структурной организации параметров семейной истории на субъективную семантику кризисных переживаний // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. – 2019. – № 4 (50). – С. 71-75.

7. Журавлева Н.И. История как миф: конструирование культурной идентичности // Культурная память и культурная идентичность. Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции молодых ученых (XI Колосницынские чтения). – Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2016. – С. 76-81.

8. Залаутдинова С. Милосердие - как порыв души, как внутреннее переживание, как дар (социальные практики милосердия: история и современность) // Духовно-нравственное воспитание. – 2021. – № 3. – С. 37-42.

9. Исаев А.А. Переживание прошлого и его легитимация в истории философии // Взаимодействие традиций отечественной и западноевропейской философии. Материалы межвузовской конференции. – М.: РГГУ, 2005. – С. 51-59.

10. Литвинский В.М. Несвоевременные мысли о своевременности вещей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. – 2009. – № 4. – С. 74-80.

11. Малюгин С.В. Политико-правовая идея как юридическая форма переживания истории в историографии истории политических и правовых учений // Юридические формы переживания истории: практики и пределы. коллективная монография. – СПб.: Астерион, 2020. – С. 69-81.

12. Мартиросян К.В., Букова Д.В. Субъективное переживание трагических событий истории народа в индивидуальном хронотопе сознания армянской молодежи и потомков поволжских немцев // Мир науки. – 2018. – Т. 6. – № 6. – С. 99.

13. Петрова Н.Д. Векторы развития семейного права государств постсоветского пространства: традиции и инновации // Образование и право. – 2022. – № 5. – С. 164-168.

14. Романова Е.Н. Образы национального прошлого и будущего в восприятии якутской эмиграции (память, забвение, идентичность) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2016. – № 4 (17). – С. 59-65.

15. Сидоров А.В. Научный поиск в русле переживания истории: результаты обзора зарубежной научной литературы // Юбилейные даты в официальной политике памяти России: правовое измерение. Сборник научных статей. – СПб.: Астерион, 2022. – С. 74-81.

16. Уваров П.Б. Причинно-следственные связи в истории как проекция ситуативных переживаний новоевропейского человека: опыт теоретической репрезентации // Традиционные общества: неизвестное прошлое. Материалы 12 Международной научно-практической конференции. – Челябинск: Пирс, 2016. – С. 50-55.

17. Фатенков А.Н. Переживание прошлого в ситуации конца истории // Философия и культура. – 2014. – № 4 (76). – С. 535-545.

18. Шенк Ф.Б. «Августовское переживание»: начало Первой мировой войны как поворотный пункт немецкой истории // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 4 (116). – С. 441-454.

Модель общенародного государства как историческая альтернатива правовому государству в России

Аннотация. Статья посвящена проблеме соответствия формы правового государства исторически сложившимся культурным, духовно-нравственным и иным основаниям развития России. Автор доказывает, что в ходе истории Российского государства сформировались устойчивые тенденции, прямо противоречащие идее правового государства и даже выступающие ее антагонистами. В качестве исторической альтернативы правовому государству автор видит модель общенародного государства. В статье сделан вывод о том, что общенародное государство имеет перспективы развития в России как организация, соответствующая политико-правовым воззрениям большинства россиян, а также способствующая устойчивым и доверительным взаимоотношениям народа и государства.

Ключевые слова: общенародное государство, правовое государство, советское государство, принцип народовластия, форма государства.

The model of a nationwide state as a historical alternative to a legal state in Russia

Abstract. The article is devoted to the problem of the conformity of the form of the rule of law state with the historically established cultural, spiritual, moral, and other foundations for the development of Russia. The author proves that in the course of the history of the Russian state, stable trends have formed that directly contradict the idea of a rule of law state, and even act as its antagonists. As a historical alternative to

* ШАТКОВСКАЯ ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА (Россия, Ростов-на-Дону), заведующая кафедрой теории и истории права и государства Южно-Российского института управления филиала ФГБОУВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», доктор юридических наук, профессор; старший научный сотрудник ФГБОУВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»; SHATKOVSKAYA TATYANA VLADIMIROVNA, Head of the Department of Theory and History of Law and State of the South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Law, Professor, Senior Researcher at the Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov.

the rule of law, the author sees a model of a nationwide state. The article concludes that the nationwide state has prospects for development in Russia as an organization that corresponds to the political and legal views of most Russians, as well as contributing to a stable and trusting relationship between the people and the state.

Keywords: nationwide state, rule of law, the Soviet state, the principle of democracy, the form of the state.

Введение

Споры о необходимости принятия новой конституции в российской юридической науке ведутся без малого четверть века. Текст действующей Конституции РФ, особенно после внесенных в нее поправок, дает немало поводов для критики. Однако самым ее существенным недостатком считаем противоречие между избранной законодателями формой России как правового государства и исторически сложившимися культурными духовно-нравственными и иными основаниями ее развития.

На вопрос о том, необходим ли эталон государства, наука давно ответила положительно. Во-первых, человек существо этическое, что неизбежно приводит его к поиску лучшей жизни. Во-вторых, совместная деятельность людей связана с воплощением определенной модели властных отношений, обусловленной как уровнем политико-правового сознания, так и реальными политическими стремлениями в конкретный исторический момент. Поэтому к идеальной модели необходимо относиться без фанатизма как к ориентиру, задающему основные направления государственной деятельности.

Полагаем, что невозможность признания универсальности правового государства кроется в эмпирическом подходе к его обоснованию. Конкретно социологические и исторические исследования, лежащие в ее основе, проводились на западноевропейском материале (в основном в Англии), а сама модель государства разрабатывалась путем рационализации английской политической конструкции как наиболее приемлемого варианта построения свободного политического строя для Франции.

Об этом писали как создатели данной теории, так и отечественные государствоведы (С.И. Гессен, С.А. Котляревский, Н.И. Лазаревский, В.М. Грибовский, Н.И. Палиенко, Н.Н. Алексеев и др.), изучавшие возможности использования данной модели в России. Один из важных выводов, к которому они приходят, состо-

ит в том, что гармония правительства и представительства и парламентаризм как проявление правового верховенства складывается исторически как трудный результат роста политической свободы, а не формируется законодательным актом.

В ходе истории Российского государства сформировались устойчивые тенденции, прямо противоречащие идее правового государства и даже выступающие ее антагонистами. В их числе приоритет управленческой деятельности в государстве над законодательной, отсутствие культа закона и его подвижность в соответствии с требованиями жизни, непротивопоставление назначения и выборов как организационных способов наделения отдельных лиц властными полномочиями.

Соотношение принципов народовластия и принципов правового государства

Идея народовластия как наиболее справедливого порядка организации власти в государстве использована в модели правового государства. Однако принцип народовластия вступает в противоречие с другими принципами правового государства. В частности, основным субъектом, олицетворяющим народ в правовом государстве, со времен Г. Еллинека в юридической науке рассматривается гражданин или подданный, в зависимости от формы государства. Народ представляет собой атомарное соединение отдельных личностей, и это обстоятельство не отражает подлинного содержания народовластия.

Вполне закономерно, что такой вариант народовластия в современной западноевропейской политико-правовой мысли подвергается нападкам. Ее вырождение связывается в том числе с невозможностью определения понятия народ вне политического контекста. В попытках упрощения политической системы современных обществ понятия, не поддающиеся четкому логическому объяснению и не вписывающиеся в конкретные формы организации власти, легкомысленно отбрасывают как ненужные.

Между тем властный аппарат создает механическое единство, в то время как народное единство зиждется на идее общего отечества и нравственной ответственности перед ним. Именно народ является носителем тех духовно-нравственных признаков, именуемых национальными особенностями, а также этнокультурного достоинства государства. И для того чтобы этот вывод не казался романтическим взглядом русского правоведа, приведем высказывание Ха-

рольда Дж. Бермана. В 1991 г. в момент эйфории в России по поводу революционного поворота в сторону правового государства он писал: «Мы не являемся нацией атомизированных индивидов, скорее – относительно тесно взаимосвязанных общностей, которым присуще понимание национального интереса и общности судьбы»¹⁷³.

О том, что для россиян понятие «народ» не фикция, свидетельствует и русский язык. В толковом словаре живого великорусского языка под народом понимаются «люди, народившиеся на известном пространстве», говорящие на одном языке и состоящие под одним управлением¹⁷⁴. Данное понятие используется в фольклоре, в пословицах: «Глас народа – глас Божий», «Народ тело, царь голова», «Где народ увидит, там и Бог услышит» и др. Народ не является простой совокупностью индивидов, а состоит из семей, хозяйств, иных групп, объединенных территориальными, национальными, профессиональными связями и другими организационными началами.

Все наиболее значимые исторические события в России связаны в коллективной памяти россиян с понятием народа. Отечественная война 1812 г. по праву считается народной войной. В Великой Отечественной войне победил советский народ, что получило закрепление и в законодательстве. В современной России единение народов – носителей прав и свобод – охраняется законом. Указом Президента в России введен День единения народов, который празднуется 2 апреля.

Общенародное государство как национальная альтернатива правовому государству

История Советского государства представляет существенный научный интерес как пример воплощения принципа народовластия. Народовластие можно определить как деятельность народа по формированию его согласованной общей воли и интереса, их практической реализации в реальных властеотношениях для решения конкретных задач правовыми способами и в законных пределах.

Реализация принципа народовластия придает особую социальную значимость советскому периоду. Во-первых, политическим

¹⁷³ Берман Х. Контрреволюция или эволюция, проблема возникновения правового государства в СССР // Кентавр. – 1991. – Октябрь-декабрь. – С. 35-38.

¹⁷⁴ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 2. – М.: Цитадель, 1998. – С. 461.

и организационным фундаментом Советского государства стали советы как органы непосредственной демократии народа. Советская природа государственной власти, как представляется, способствовала ее последовательной эволюции в сторону общенародного государства и расширения организованных форм народовластия.

Полагаем, что в советский период удалось сформировать такую историческую общность, как советский народ. Советский опыт дает исторически апробированный материал, позволяющий сделать вывод о том, что государственная власть не может быть только системой организованного насилия. Равно как и урезанные формы народовластия влекут несправедливый порядок, при котором одни властвуют, а другие только подчиняются¹⁷⁵.

Во-вторых, реализация социалистических идей в Советском государстве достигалась на традиционной нравственно-идеологической основе и традиционными средствами. Примером тому может служить национализация первых лет советской власти, которая с позиций классических общеправовых принципов является незаконной. Однако национализация вполне соответствовала традиционно негативному отношению российского народа к частной собственности на землю и воплощала его идеал «черного передела».

Советское руководство в период кризисов и тяжелых для страны испытаний взывало не к гражданам, а к соотечественникам. Во всех обращениях напоминалось, что залогом всех побед России была сплоченность людей, единство, дружба народов и память о героических и трагических событиях в нашей общей истории.

Подтверждением тому, что советская власть сформировалась на идее народовластия, считаем в том числе и символику Советского государства. Так, в 1960 г. в СССР был организован Университет дружбы народов. Многие почетные профессиональные звания связывались с народным признанием («Народный артист», «Народный художник», «Народный учитель» и др.).

В целом модель общенародного государства сложилась к середине 70-х годов, что нашло закрепление в Конституции СССР 1977 г.¹⁷⁶ В отличие от Конституции СССР 1936 г., в которой народ употреблялся только в словосочетаниях «враг народа» (ст. 132) и

«народные массы» (ст. 128), в Конституции СССР 1977 вся власть принадлежит народу.

Всего в конституции слово «народ» и производные от него слова использованы 233 раза. Для сравнения в ныне действующей конституции – 23 раза. При том, что народ по Конституции РФ 1993 г. выступает носителем суверенитета и единственным источником власти. Однако средства ее непосредственной реализации ограничены референдумом и выборами.

Указание на то, что народ осуществляет власть через государственные органы, противоречит принципу народовластия, приводит к смешению понятий «народ» и «правительство» (ст. 3), не позволяет разграничить деятельность народа по решению общих дел от функционирования аппарата государства.

Помимо этого, если по Конституции СССР 1977 г. все органы власти и управления, а также КПСС существовали для народа, а служение народу было их конституционной обязанностью, то по Конституции РФ 1993 г. только Президент РФ служит народу, что следует из содержания его клятвы (ст. 82).

Народ по Конституции СССР 1977 г. устанавливал права, свободы и обязанности граждан, принципы организации и цели социалистического общенародного государства. Поэтому права и свободы гражданам СССР предоставлялись в соответствии с интересами народа и в целях укрепления и развития социалистического строя. Такой подход соответствует традиционным представлениям о производном характере прав личности, их определении в соответствии с интересами той общности, к которой эта личность относится.

Земля в Конституции СССР 1977 г. объявлена общенародным достоянием, находящимся в ведении советов народных депутатов и в пользовании граждан, предприятий, учреждений и организаций (ст. 10). Источник благосостояния человека – его труд. Результаты труда и их польза для общества выступали мерилем положения человека в обществе.

Полагаем, что модель общенародного государства, закрепленную в Конституции СССР 1977 г., следует рассматривать в качестве важной исторической формы народовластия в России, которая нуждается не в забвении, а в переосмыслении.

Выводы

Подытоживая все вышесказанное, приходим к следующим выводам:

¹⁷⁵ Шатковская Т.В., Ларина О.Г. Метод исторической критики в современных юридических исследованиях // Философия права. – 2019. – № 3 (90). – С. 14-19.

¹⁷⁶ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) // Ведомости ВС СССР. – 1977. – № 41. – Ст. 617.

– модель общенародного государства имеет перспективы развития в России не только вследствие ее гармоничности, устойчивости, соответствия политико-правовым воззрениям россиян, но и как организация, способствующая устойчивым и доверительным взаимоотношениям народа и государства в лице соответствующих органов и должностных лиц;

– модель общенародного государства должна быть динамичной, способной к адаптации к меняющейся реальности общественных отношений. Она должна базироваться на принципе народовластия, обеспечивающем естественные права и уважительное отношение к демократическим ценностям и историческим традициям наций, народностей, этнических общностей и иных объединений народа. В отличие от правового государства, модель общенародного государства включает формы и средства, создающие не механическое, а подлинное единство государственной власти, так как она предполагает согласие и доверие людей к принимаемым решениям;

– юридический термин «единый многонациональный российский народ» нуждается в сохранении и теоретическом обосновании. Рассматриваемое понятие не должно быть сведено только к совокупности граждан РФ или отдельным классам или группам населения. Народ представляет собой исторически развивающуюся общность, поэтому его изучение следует связывать с отдельными историческими формами народовластия.

Поэтому существенным пробелом Федерального закона от 20.10.2022 № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» считаем упоминание в качестве носителя этого достояния многонационального единого российского народа¹⁷⁷. Тем более что это противоречит ст. 68 Конституции РФ, где закреплено, что культура в России является уникальным наследием ее многонационального народа.

При всем многообразии этнокультурного достояния общностей, составляющих государство, оно воплощает определенный тип культуры, потребности которой в свою очередь определяют основные цели и направления государственной деятельности. Тем самым народ составляет ценностное ядро, обеспечивающее не механическое, а психологическое, культурное, нравственное единство населения. Анализ социологических опросов россиян за

¹⁷⁷ Федеральный закон от 20.10.2022 № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 24.10.2022. – № 43. – Ст. 7265.

последние пять лет показывает, что свыше 80 % гордятся своей национальностью, около 65 % считают национальность важной частью своей личности;

– необходимо перейти от декларации о народном суверенитете к разработке реального порядка осуществления народовластия в России. Тем более что в РСФСР имелся опыт разработки законодательства о механизме народовластия.

Список литературы

19. Алексеев Н.Н. Основы философии права. – СПб.: Лань, 1999. – 256 с.
20. Берман Х. Контрреволюция или эволюция, проблема возникновения правового государства в СССР // Кентавр. – 1991. – Октябрь-декабрь. – С. 35-38.
21. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 2. – М.: Цитадель, 1998. – 2030 с.
22. Шатковская Т.В. Становление публично-правовых оснований Российского государства: к юбилею юридического оформления Российской империи // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». – 2021. – № 3 (43). – С. 40-48.
23. Шатковская Т.В., Ларина О. Г. Метод исторической критики в современных юридических исследованиях // Философия права. – 2019. – № 3 (90). – С. 14-19.

*Смирнов С.Н.**

Периодизация истории правового оформления сословной системы в России: концептуальные основы и историография вопроса

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы научной периодизации государственной политики по регулированию социаль-

* СМЕРНОВ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ (Россия, Тверь), доцент кафедры теории права ФГБОУВО «Тверской государственный университет», директор Института непрерывного образования ФГБОУВО «Тверской государственный университет», кандидат юридических наук, доцент;
SMIRNOV SERGEY NIKOLAEVICH, Associate Professor at the Department of Theory of Law of Tver State University, Director of the Institute for Continuing Education of Tver State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

ной структуры в России. Основное внимание уделено периоду с середины XVII в. по начало XX в. Предложена периодизация истории правового оформления сословной системы в России, основанная на авторской концепции формирования и развития отечественной модели социальной иерархии.

Ключевые слова: Законодательство, социальная структура, Россия, сословие, субсословие, правовой статус, социальный лифт

Periodization of the history of the Russian estate system's legal formation: conceptual framework and historiography

Abstract. The article deals with the issues of scientific periodization of state policy on social structure regulation in Russia. The focus is primarily on the time period spanning from the middle of the 18th century to the beginning of the 20th century. A periodization of the history of the legal registration of the estate system in Russia has been proposed based on the author's concept of the formation and development of the domestic model of social hierarchy.

Keywords: legislation, social structure, Russia, estate, subestate, legal status, social lift (means of social mobility)

Актуальность настоящей работы обусловлена необходимостью активизации исследований вопросов государственного регулирования социальной структуры и социальной мобильности.

Целью исследования является рассмотрение концептуальных основ построения периодизации истории правового оформления сословной системы в России с учетом опыта научного исследования данного вопроса.

Исследование носит междисциплинарный характер, выполнено в рамках историко-правовой науки с использованием методов и материалов истории, социологии.

С учетом содержания темы исследования нас интересует прежде всего период с середины XVII в. по начало XX в.

Полагаем, что результаты настоящей работы можно использовать в дальнейших исследованиях социально-правовой истории России.

Какие основные проблемы в исследовании данной темы мы видим? Первая проблема заключается в том, что в научной литературе представлено минимальное количество вариантов периодизации процесса правового регулирования государством социальной

иерархии России. Мы имеем в виду самостоятельную периодизацию, «отдельную» от общей периодизации государственно-правового развития страны.

Собственно говоря, таких вариантов мы знаем два. Оба они разработаны в рамках исторической науки, причем один из них – «на стыке» истории и истории права.

Одним из направлений научных интересов В.О. Ключевского является история российских сословий. Не удивительно, что именно этот выдающийся ученый предложил проработанную периодизацию развития социальной организации России в формате истории русских сословий.

В.О. Ключевский выделяет четыре периода в истории русских сословий. Он видит глубокие корни сословной системы России. К историческому периоду, интересующему нас в наибольшей степени, автор относит третий и четвертый периоды развития сословий. Время XVI-XVII вв., согласно концепции Ключевского, составляет третий период. Особенность этого периода заключается в том, что сословные различия базировались на различии государственных повинностей, или, как пишет автор, «основанием сословного деления служило различие государственного тягла, разверстанного между классами общества». В XVIII в. начинается четвертый период, который характеризуется таким основанием сословного деления, как различие государственных и гражданских прав, причем это различие основывалось на политическом значении сословий¹⁷⁸.

На стыке историко-правовой и исторической наук разработана периодизация, основанная на критерии самостоятельности сословий по отношению к государству.

Одним из сторонников данной концепции выступает правовед и историк В.В. Леонтович. Он рассматривает российскую историю под углом зрения генезиса и развития либерализма. При этом исторический период с середины XVII в. по начало XX в. разделяется на три этапа:

1. Этап государственной политики по установлению максимального контроля над сословиями, по их закреплению. Хронологическими рамками можно считать 1649-1762 гг.

2. Этап государственной политики по раскрепощению сословий с хронологическими рамками 1762-1861 гг.

¹⁷⁸ Ключевский В.О. История сословий в России. – М.: Юрайт, 2020. – С. 33.

3. Этап государственной политики по смягчению и устранению сословных различий с хронологическими рамками 1861-1917 гг.¹⁷⁹

Нетрудно заметить, что данная периодизация хорошо согласуется с политикой российского законодателя в отношении правового положения привилегированных (боярского и дворянского) сословий. Развитие законодательства по регулированию правового статуса других сословий не вполне согласуются с данной схемой.

Столь незначительное количество вариантов периодизации процесса правового регулирования государством социальной иерархии России отчасти объясняется отрицательным отношением ряда исследователей к самой необходимости разрабатывать какую-либо периодизацию исторических или правовых процессов. В данном случае речь идет даже не о развитии социально-правовых институтов, а о периодизации процесса развития страны, ее государства и общества, в целом.

В частности, такую позицию занимает классик отечественной исторической науки С.М. Соловьев. В предисловии к своему фундаментальному труду пишет, что обязанность историка – не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их¹⁸⁰.

Не дает своего варианта периодизации и видный российский историк С.Ф. Платонов.

Вторая из обозначенных выше научных проблем имеет концептуальный характер. Она связана с позицией исследователей по вопросу о времени существования сословной системы в России.

Вплоть до начала XX в. в отечественной научной литературе доминировало мнение о том, что сословия как социально-правовой феномен и, соответственно, сословная система появились в России не ранее XVIII в. Создание сословий связывают при этом с реформами царя Петра I или императрицы Екатерины II. При этом правовое оформление сословий и сословной системы в окончательном, классической формате зачастую относится к времени правления императора Николая I.

Мы полагаем (и неоднократно обосновывали это мнение), что правовое оформление сословной системы в России в общегосудар-

ственном масштабе было осуществлено в середине XVII в. Законодатель, не используя «сословную» терминологию, тем не менее конституировал полноценную сословную модель. Данное обстоятельство необходимо учитывать при создании периодизации правового регулирования отечественной социальной иерархии.

Мы должны также учитывать и меры, предпринятые верховной государственной властью России по реорганизации социальной системы в последующие годы. Традиционно в научной историографии к таким рубежам относят события, совершившиеся в первой четверти XVIII в., в 80-е гг. XVIII в., в 30-е гг. XIX в., в 60-70-е гг. XIX в., в 1900-е гг. Подчеркнем, что после середины семнадцатого столетия речь шла не о создании, а о реорганизации сословной системы.

Например, в первой четверти XVIII в. в России была проведена реорганизация социальной структуры, связанная с закреплением четырехсословной системы, ликвидацией холопства как правового института, введением новых наименований сословий, изменением организационно-правового механизма вертикальной социальной мобильности, урегулированием правового статуса военнослужащих в связи с созданием регулярной армии. Эта реорганизация означала переход к новому этапу в социально-правовой истории Российского государства.

Полно отражен в отечественной и зарубежной научной историографии факт заимствования правящими кругами России того времени зарубежного опыта юридического закрепления социальной иерархии. При этом мы должны учитывать, что заимствование отразилось, главным образом, на внешней стороне российской социальной структуры, другими словами – на юридической технике законодателя, на используемой терминологии. Ключевые существенные характеристики отечественной сословной модели не были в XVIII-XIX вв. сколько-нибудь серьезно изменены по сравнению с XVII в.

При формулировании периодизации истории правового оформления сословной системы можно и нужно учитывать имеющиеся варианты общих периодизаций социально-правового развития России. Развитие сословной системы осуществляется в рамках развития страны. Соответственно, два указанных типа периодизаций должны непротиворечиво соотноситься между собой.

В отечественной историографии разработаны несколько вариантов общих периодизаций истории России.

¹⁷⁹ Леонтович В.В. История либерализма в России (1762-1914). – М.: Русский путь – Полиграфресурсы, 1995. – С. 177 и след.

¹⁸⁰ Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. Кн. V. Т. 9-10. История России с древнейших времен / Отв. ред.: Иванов Н.А. – М.: Голос, 1995. – С. 8.

В качестве примеров можно отметить концепции видных историков права второй половины XIX в. – начала XX в. М.Ф. Владимирского-Буданова и И.Д. Беляева.

М.Ф. Владимирский-Буданов рассматривает материал исходя из периодов развития российской государственности. По сути, акцент в плане критериев его периодизации делается на эволюцию формы государственного устройства и формы правления.

Социальный состав населения он характеризует в комплексе с «этнографическим составом» и такими феноменами государственного права, как власть, управление, законодательство. Вторая половина семнадцатого столетия, наряду с несколькими предшествующими веками, включена автором в период Московского государственного права. Следующий период М.Ф. Владимирский-Буданов называет Государственным правом империи и включает в него материал XVIII-XIX вв.¹⁸¹

И.Д. Беляев, выделяя периоды развития русского законодательства на протяжении более чем тысячи лет, относит время «от царя Алексея Михайловича» до современного ему девятнадцатого столетия к четвертому периоду русского законодательства и внутренней народной жизни. Не выделяя каких-либо этапов внутри периода, он акцентирует внимание на переменах, произошедших в период правления Петра I¹⁸².

Варианты периодизации, предложенные М.Ф. Владимирским-Будановым и И.Д. Беляевым, могут быть учтены при периодизации процесса правового регулирования государством социальной иерархии в России, но не могут заменить собой эту периодизацию.

В аспекте рассматриваемой темы ситуация мало изменилась и в советский период истории. Специалисты в области истории государства и права советского периода активно разрабатывали проблематику периодизации истории государства и права СССР, оставляя вне поля своего внимания вопросы периодизации законодательной политики Российского государства в сфере регулирования социальной структуры страны.

¹⁸¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Часть первая. История русского государственного права. – Изд. 5-е. – Киев: Лито-типография товарищества И.Н. Кушнерев и К^о, 1907. – С. 100 и след.

¹⁸² Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства / С предисл. проф. В.А. Томсинова; отв. ред. Н.Н. Бойко; сост. библиогр. указателя основных соч. и публ. И.Д. Беляева О.М. Андрианов. – М.: Родная страна, 2018. – С. 33-34.

Первую проработанную и логически обоснованную периодизацию истории отечественного государства и права, основанную на марксистском учении о формациях и использовании в качестве основного критерия характера развития производственных отношений создал С.В. Юшков.

Как отмечается в историографии, данному автору принадлежит мысль о выделении таких периодов, как сословно-представительная монархия, абсолютная монархия и др.¹⁸³. На основе марксистского учения о формациях отрезок российской истории до начала 1860-х гг. включался в период феодализма, четыре последних десятилетия XIX в. – в период капитализма, а первые годы XX в. – в период империализма.

Периодизация С.В. Юшкова получила широкое распространение и признание в советской историко-правовой науке, однако не может быть применена в настоящее время для исследования процесса развития правового оформления социальной системы России как по методологическим соображениям, так и в силу своего общего характера: изменение юридической формы организации общества в данной периодизации не учитывается в принципе.

Современная отечественная историко-правовая наука предлагает несколько вариантов периодизации. Эти варианты основаны как на формационном, так и на цивилизационном подходе.

В учебнике, подготовленном коллективом авторов под редакцией О.И. Чистякова, интересующий нас исторический период рассматривается в такой последовательности: образование и развитие абсолютной монархии в России (конец XVII-XVIII вв.); государство и право России на вершине абсолютизма (первая половина XIX в.); важный шаг к буржуазному государству (вторая половина XIX в.); кризис абсолютизма (1900-1914 гг.)¹⁸⁴.

Ю.П. Титов относит все время с середины XVII в. по начало XX в. к истории отечественного феодального государства и права. При этом период со второй половины XVII в. по XVIII в. он определяет как время образования и развития абсолютной монархии, период первой половины XIX в. – как время разложения крепостнического строя и роста капиталистических отношений, период с 1861 г. по 1905 г. – как время утверждения и развития капитализма,

¹⁸³ Кострюков П.А. Государственно-правовые воззрения Серафима Владимировича Юшкова: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2009. – С. 16-17.

¹⁸⁴ История отечественного государства и права. В 2 ч. Ч. 1: учебник для бакалавров / Под ред. О.И. Чистякова. – 5-е изд. – М.: Юрайт, 2012. – С. 291-423.

с 1905 г. по февраль 1917 г. – последний период в истории феодального государства и права – как время очередного шага к буржуазной монархии в России¹⁸⁵.

Развитие социально-экономического уклада общества и государственное развитие считает факторами периодизации И.А. Исаев. Время с середины XVII в. по начало XX в. И.А. Исаев включает в три периода: Русское (Московское) государство (XV-XVII вв.), Российская империя периода абсолютизма (XVIII в. – середина XIX в.), период перехода к конституционной монархии (середина XIX в. – начало XX вв.) и буржуазно-демократической республики (февраль-октябрь 1917 г.)¹⁸⁶.

В.Г. Графский обозначает весь период от Киевской Руси до Московского царства, включая практически весь семнадцатый век, как «Средневековая Русь». Время от рубежа XVII-XVIII вв. до большевистского переворота 1917 г. автор относит к имперскому периоду¹⁸⁷.

Опираясь на проблемно-хронологический принцип историко-правового исследования, Н.В. Михайлова полагает, что в истории России XVII в. означает начало вхождения в новое время. В течение этого столетия Россия находилась одновременно в рамках средневековой и современной цивилизаций. Абсолютная монархия в XVII в. решала задачи, свойственные средневековой цивилизации («дальнейшее развитие крепостничества, консолидация средневекового правящего класса») и современной цивилизации («развитие предпринимательства, попытки формирования социальных групп современной цивилизации»). Рассматривая последующие исторические периоды, Н.В. Михайлова пишет о периоде становления и укрепления империи (XVIII в.), о периоде нарастания цивилизационных противоречий (XIX в.)¹⁸⁸.

В учебнике под редакцией Р.С. Мулукаева предложена следующая схема периодизации (применительно к интересующему нас

историческому периоду): образование и развитие абсолютной монархии в России (вторая половина XVII-XVIII вв.); период разложения крепостнического строя и роста капиталистических отношений (первая половина XIX в.); период утверждения капитализма (вторая половина XIX в.); период первой русской революции и до начала Первой мировой войны (1900-1914)¹⁸⁹.

Предложен вариант выделения следующих периодов применительно к интересующему нас историческому времени: Московская Русь и развитие права (XV-XVII вв.), российское государство и право в период становления абсолютизма (середина XVII-XVIII вв.), российское государство и право в период кризиса абсолютизма (конец XVIII в. – середина XIX в.), российское государство и право в период осуществления либеральных реформ второй половины XIX в., государство и право Российской империи в начале XX в. (1900 г. – февраль 1917 г.)¹⁹⁰.

Можно назвать и другие варианты периодизации, предложенные современной российской историко-правовой наукой.

При этом все варианты периодизации, являясь обоснованными с учетом целей, поставленных авторами-историками права, имеют универсальный характер, не основываются (исключительно или преимущественно) на результатах государственной политики в вопросе правового оформления социальной структуры России, в вопросе конституирования организационно-правового механизма изменения правового статуса индивидами или группами лиц.

Интересным для достижения целей настоящей работы представляется анализ взглядов на рассматриваемый вопрос современных российских историков.

В коллективном труде под редакцией А.Н. Сахарова не дается периодизация как таковая. Тем не менее структурирование материала по разделам позволяет видеть подходы авторов к выделению этапов в развитии России. Раздел «Российское государство на пути к империи» охватывает материал, относящийся к семнадцатому столетию, за исключением его последних лет. Следующий раздел именуется «Эпоха Петра» и включает материал, относящийся к

¹⁸⁵ История государства и права России: учебник / В.М. Клеандрова, Р.С. Мулукаев и др.; под ред. Ю.П. Титова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Проспект, 2008. – С. 10-11.

¹⁸⁶ Исаев И.А. История государства и права России: учебное пособие для бакалавров. – М.: Проспект, 2019. – С. 6.

¹⁸⁷ Графский В.Г. Всеобщая история права и государства: учебник для вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2007. – С. 243, 558.

¹⁸⁸ Михайлова Н.В. История отечественного государства и права // Традиции и новации в постижении истории государства и права: науч. издание / Н.В. Михайлова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. – С. 140 и след.

¹⁸⁹ История отечественного государства и права: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Под ред. Р.С. Мулукаева. – 2-е изд. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 703 с.

¹⁹⁰ Згоржельская С.С. и др. История отечественного государства и права: учебное пособие для студентов факультета непрерывного образования. – М.: РАП, 2013. – С. 16-17.

времени правления Петра I. Раздел «Россия при преемниках Петра I» хронологически охватывает три последующих четверти восемнадцатого столетия. Раздел «Россия в XIX веке» содержит материал, относящийся к девятнадцатому столетию, за исключением самых последних его лет. Далее следует раздел «Россия в конце XIX – начале XX века», посвященный событиям, происходившим во время правления императора Николая II вплоть до начала Первой мировой войны. Последующие несколько лет российской истории рассматриваются в разделе «Россия в период великих потрясений»¹⁹¹.

Б.Н. Миронов пишет о таких важных событиях в истории социальной структуры России, как принятие Соборного уложения 1649 г., издание Свода законов Российской империи (1832 г.), реформы 1860-х гг., Февральская и Октябрьская революции 1917 г. Таким образом, он фактически выделяет период существования бессословного и бесклассового общества (до середины XVII в.), период формирования сословного строя (XVIII в. – первая половина XIX в.), период постепенного «изживания» сословного строя (1860-е гг. – 1917 г.)¹⁹². В целом же два столетия истории Российской империи исследователь характеризует как время рационализации (модернизации) социальных отношений, время эволюции социальных организаций от общности к обществу¹⁹³.

Российскую историю с позиций «теории смут» рассматривает А.Ю. Дворниченко. Он датирует первую в истории России смуту началом XVII в. Феномен смуты фактически объединяет весь рассматриваемый в настоящей работе период в «Новое время», которое по сути своей является временем «государственно-крепостнического строя» и временем смут¹⁹⁴.

Целесообразно учитывать также периодизацию истории государственного управления России, предложенную специалистами по теории и истории государственного управления.

¹⁹¹ История России с древнейших времен до наших дней / А.Н. Быханов, Л.Е. Морозова, М.А. Рахматуллин, А.Н. Сахаров, В.А. Шестаков; под ред. А.Н. Сахарова. – М.: АСТ, 2018. – С. 452 и след.

¹⁹² Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. Т. 1. – 3-е изд. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – С. 77-81.

¹⁹³ Там же. – С. 522-523.

¹⁹⁴ Дворниченко А.Ю. Смута как фактор российской истории // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2018. – Т. 63. – Вып. 3. – С. 677-701.

Н.А. Омельченко пишет об управлении традиционным обществом, относя этот тип общества к IX–XVII вв., о национальной модернизации в XVIII в., об эволюции государственной власти и прерванной капиталистической модернизации России в XIX в. – начале XX в.¹⁹⁵ Он указывает на семнадцатое столетие как важный и в определенном смысле «переломный» этап российской политической и социальной истории¹⁹⁶.

В известной мере с позиций исторической демографии рассматривает историю России, включая социальную и политическую историю, С.А. Нефедов. Автор пишет о сменяющихся друг друга демографических циклах, состоящих из фаз (фаза роста, внутренней колонизации; фаза сжатия; фаза экосоциального кризиса). Эти циклы влияют на структуру «государство – элита – народ»¹⁹⁷. Три столетия российской истории, от завершения Смуты до февральской революции 1917 г., С.А. Нефедов относит ко второму российскому демографическому циклу. При этом XVII–XVIII вв. автор включает в рамки фазы восстановления, XIX в. – в рамки фазы сжатия, а начало XX в. – в рамки фазы экосоциального кризиса.

Созданные в рамках историко-правовой науки, так же как и в рамках некоторых других наук, варианты периодизации истории развития государства, общества и права России необходимо учитывать при разработке периодизации законодательной политики по правовому оформлению сословной системы России.

Еще одно обстоятельство, которое следует учитывать, связано с характером системы источников права в тот или иной отрезок времени. Вплоть до середины XVII в. в системе источников права России доминировал правовой обычай. Лишь «в лице» Соборного уложения 1649 г.¹⁹⁸ нормативно-правовой акт смог составить обы-

¹⁹⁵ Омельченко Н.А. История государственного управления: учебник для бакалавров. – 2-е изд. – М.: Юрайт, 2013. – С. 87-378.

¹⁹⁶ Омельченко Н.А., Знаменский Д.Ю. «Старое» и «новое» в общественном строе и государственном управлении Московского государства накануне петровской модернизации (к историографии вопроса) // Вопросы истории. – 2020. – № 7. – С. 255-270; Омельченко Н.А., Знаменский Д.Ю. Кризис традиционной системы государственной службы в Русском государстве конца XVII в. и предпосылки реформ Петра Великого // Вопросы истории. – 2020. – № 8. – С. 52-61.

¹⁹⁷ Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века. – Екатеринбург: Изд-во УРГГУ, 2005. – С. 24 и след.

¹⁹⁸ Уложение от 29 января 1649 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 1. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. – № 1.

чаю достойную «конкуренцию». Доминирование же законодательства над обычаем в системе права России мы относим к первой четверти XVIII в.

Еще одно немаловажное обстоятельство заключается в необходимости рассмотрения эволюции организационно-правового механизма изменения индивидуального правового статуса подданных. Значение этого механизма не просто велико. Особенности функционирования данного механизма соотносятся с характеристиками социальной иерархии; любое серьезное изменение сословной системы влекло изменение и системы социальной мобильности.

Исходя из вышеизложенного, предлагаем следующую периодизацию процесса правового оформления российской модели социальной стратификации с учетом особенностей функционирования правового механизма социальной мобильности.

1. Период формирования и функционирования сословной модели в общегосударственном масштабе. Среди ключевых характеристик данного периода – широкое распространение практики понижения государством правового статуса групп населения и отсутствие каналов групповой вертикальной социальной мобильности по частной инициативе.

Хронологическими рамками периода являются середина XVII в. – рубеж XVIII-XIX вв. Если говорить о конкретных датах, то это 1649-1800 гг.

Внутри данного периода можно выделить два этапа: 1649-1710-е гг. и 1710-е гг. – 1800 г.; с известной долей условности – 1649-1714 гг. и 1714-1800 гг.

В хронологических рамках второго этапа функционировала реорганизованная верховной государственной властью сословная модель, отличающаяся, в частности, четким законодательным регулированием механизма вертикальной социальной мобильности. В формате крупного нормативно-правового акта это регулирование было произведено впервые в истории страны.

2. Период формирования и функционирования новой сословной модели. Законодательная политика была направлена на санкционирование существования отдельной сословной системы на территории Финляндии, на формирование новых каналов вертикальной и горизонтальной социальной мобильности, на прекращение практики понижения правового статуса отдельных групп населения по инициативе государства, на реализацию вначале весьма

ограниченной, а в 1861 г. – общегосударственной практики по ликвидации крепостной зависимости.

Хронологическими рамками периода являются начало XIX в. – начало XX в.; с определенной долей условности – 1801-1905 гг.

Внутри данного периода также можно выделить два этапа: 1801-1860 гг. и 1861-1905 гг.

Именно начало XIX в. мы полагаем одним из ключевых событий в социально-правовой истории страны. В эти годы верховная власть России внесла серьезные коррективы в своей внутренней политике в вопросе оформления социальной структуры по нескольким направлениям. Была прекращена практика принудительного понижения государством правового статуса групп населения (задача государственных крестьян частным владельцам-помещикам), создан организационно-правовой механизм групповой вертикальной социальной мобильности крепостных крестьян (по соглашению с владельцами и по решению верховной власти).

3. Период проведения законодательной политики по всесторонней модернизации модели социальной стратификации в стране с главенством конституционно-правового статуса личности, утратой сословным статусом доминирующего положения и превращением его в один из видов родового статуса человека, коренной перестройкой правового механизма вертикальной и горизонтальной социальной мобильности подданных.

Период начался с издания Манифеста 17 октября 1905 г.,¹⁹⁹ принятия новой редакции Свода основных государственных законов в апреле 1906 г.²⁰⁰ и издания в 1906 г. ряда ключевых законов; его можно датировать 1905-1917 гг.

В рамках данного периода (1905-1917 гг.) можно выделить два этапа. Первый этап с октября 1905 г. по сентябрь 1906 г. с немалой долей условности мы можем назвать конституционно-декларативным, а второй этап – с октября 1906 г. по февраль 1917 г. – конституционно-практическим.

Краткость конституционно-практического этапа вызвала ранее и вызывает в настоящее время определенные сложности с рассмот-

¹⁹⁹ Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXV. – СПб.: Гос. тип., 1908. – № 26 803

²⁰⁰ Высочайше утвержденные Основные государственные законы от 23 апреля 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXVI. – СПб.: Гос. тип., 1909. – № 27 805.

рением проблематики по ряду вопросов. Тем не менее этот период внес немало новшеств в социально-правовое развитие страны.

Полагаем, что предложенная выше периодизация истории правового оформления сословной системы России достаточно адекватно отражает развитие законодательной политики в данной сфере.

Характеризуя государственную политику по развитию сословной системы страны, можно констатировать, что она была направлена на решение встававших в разное время задач развития страны, на преодоление социальных и политических проблем. При этом мы наблюдаем постепенное повышение значения правовых факторов в обеспечении консолидации российского общества.

Список литературы

1. Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства / с предисл. проф. В.А. Томсинова; отв. ред. Н.Н. Бойко; сост. библиогр. указателя основных соч. и публ. И.Д. Бедяева О.М. Андрианов. – М.: Родная страна, 2018. – 920 с.
2. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Часть первая. История русского государственного права. – Изд. 5-е. – Киев: Лито-типография товарищества И.Н. Кушнерев и КО, 1907. – 714 с.
3. Графский В.Г. Всеобщая история права и государства: учебник для вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2007. – 752 с.
4. Дворниченко А.Ю. Смута как фактор российской истории // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2018. – Т. 63. – Вып. 3. – С. 677-701.
5. Згоржельская С.С. и др. История отечественного государства и права: учебное пособие для студентов факультета непрерывного образования. – М.: РАП, 2013. – 316 с.
6. Исаев И.А. История государства и права России: учебное пособие для бакалавров. – М.: Проспект, 2019. – 336 с.
7. История государства и права России: учебник / В.М. Клеандрова, Р.С. Мулукаев и др.; под ред. Ю.П. Титова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Проспект, 2008. – 576 с.
8. История отечественного государства и права. В 2 ч. Ч. 1: учебник для бакалавров / Под ред. О.И. Чистякова. – 5-е изд. – М.: Юрайт, 2012. – 477 с.

9. История отечественного государства и права: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Под ред. Р.С. Мулукаева. – 2-е изд. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 703 с.

10. История России с древнейших времен до наших дней / А.Н. Боханов, Л.Е. Морозова, М.А. Рахматуллин, А.Н. Сахаров, В.А. Шестаков: под ред. А.Н. Сахарова. – М.: АСТ, 2018. – 1264 с.

11. Ключевский В.О. История сословий в России. – М.: Юрайт, 2020. – 217 с.

12. Кострюков П.А. Государственно-правовые воззрения Серафима Владимировича Юшкова: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2009. – 25 с.

13. Леонтович В.В. История либерализма в России (1762-1914). – М.: Русский путь – Полиграфресурсы, 1995. – 550 с.

14. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. Т. 1. – 3-е изд. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 548 с.

15. Михайлова Н.В. История отечественного государства и права // Традиции и новации в постижении истории государства и права: науч. издание / Н.В. Михайлова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. – С. 94-96.

16. Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века. – Екатеринбург: Изд-во УРГГУ, 2005. – 543 с.

17. Омельченко Н.А. История государственного управления: учебник для бакалавров. – 2-е изд. – М.: Юрайт, 2013. – 575 с.

18. Омельченко Н.А., Знаменский Д.Ю. «Старое» и «новое» в общественном строе и государственном управлении Московского государства накануне петровской модернизации (к историографии вопроса) // Вопросы истории. – 2020. – № 7. – С. 255-270.

19. Омельченко Н.А., Знаменский Д.Ю. Кризис традиционной системы государственной службы в Русском государстве конца XVII в. и предпосылки реформ Петра Великого // Вопросы истории. – 2020. – № 8. – С. 52-61.

20. Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. Кн. V. Т. 9-10. История России с древнейших времен / Отв. ред.: Иванов Н.А. – М.: Голос, 1995. – 748 с.

Современные тенденции изучения судебной реформы 1864 г. в России в историко-правовой науке

Аннотация. В статье дан историографический обзор современных научных публикаций по теме судебной реформы 1864 г. с 2012 по 2022 гг., при этом обозначаются как направления исследований, возникшие до рассматриваемого периода, так и наличие или отсутствие этих тенденций на современном этапе. Кроме того, автором сформулированы методологические проблемы историко-правовой науки на примере изучения судебной реформы 1864 г. в России и обозначены перспективы развития научных исследований по теме.

Ключевые слова: судебная реформа 1864 г., историко-правовые науки, историко-правовые исследования, методология историко-правовых исследований.

Modern trends in the study of the judicial reform of 1864 in Russia in historical and legal science

Abstract. The article provides a historiographical review of modern scientific publications on the topic (2012-2022), formulates the methodological problems of historical and legal science on the example of studying the judicial reform of 1864 in Russia, and outlines the prospects for the development of scientific research on the topic.

Keywords: judicial reform of 1864, historical and legal sciences, historical and legal research, methodology of historical and legal research.

Судебная реформа 1864 г. являлась важнейшей реформой в середине XIX в. и оказала влияние не только на формирование судебной системы Российской империи, органов способствующих осуществле-

* ДЕРЕВСКОВА ВАЛЕНТИНА МИХАЙЛОВНА (Россия, Иркутск), заведующая кафедрой теории и истории государства и права Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

DEREVSKOVA VALENTINA MIKHAILOVNA, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Profes-

нию правосудия, но и на трансформацию российского общества и государственного строя. В последующем принципы, идеи, институты, судебные процедуры были использованы в российском государстве. В связи с этим интерес к изучению возник сразу после принятия Судебных уставов, а в последующем и использованию опыта этой реформы еще в большей степени в современной российской науке, поэтому нет ничего удивительного в том, что исследованию этих вопросов посвящены сотни книг и тысячи статей. Среди этих публикаций можно выделить не только публикации общего характера, как подготовка принятия Судебных уставов, кадровый состав, но и исследования, раскрывающие региональные особенности реализации судебной реформы 1864 г., посвященные отдельным институтам реформируемой судебной системы или институтам, созданным в ходе реформы (адвокатура, нотариат, судебные приставы, судебные следователи) или существовавшим ранее, но реформированным (прокуратура, полиция) либо процессуальным вопросам, предусмотренным уставами уголовного и гражданского судопроизводства.

В любом диссертационном и монографическом исследовании определяется степень разработки темы и дается историографический обзор. Вместе с тем необходимо осмысление и определение научной тематики, перспектив историко-правовых исследований.

В связи с этим необходимо отметить, что такая работа проводилась, например, А.А. Демичевым. В ней автор не делает историографического обзора. Он обращает внимание на набирающие популярность междисциплинарные исследования, указывая, что, с одной стороны, «глубина и ценность исследования определяются не только предметом, степенью его проработки, знанием историографии, но и научной методологией, с помощью которой получены результаты. Работая на стыке различных дисциплин, необходимо иметь целостное представление об их методологии, а также понимать общие закономерности типа и логики мышления представителей соответствующей науки», а с другой стороны, без указанных условий происходит использование историками то, что наработано историками права и может быть представлено как новое знание или, наоборот, когда историки права заимствуют то, что было наработано историками. Нередко происходит механическое перенесение, и это не способствует развитию ни исторической, ни историко-правовой науки²⁰¹.

²⁰¹ Демичев А.А. О тенденциях в изучении судебной реформы 1864 г. // История государства и права. – 2012. – № 5. – С. 2.

В 2014 г. к 150-летию судебной реформы были опубликованы историографические обзоры двух авторов К.П. Краковского и В.Н. Казарина.

К.П. Краковским были опубликованы три статьи, посвященные изучению судебной реформы 1864 г. на различных этапах. В первых двух рассмотрены подходы к изучению проблематики темы в дореволюционный и советский период²⁰², а третья посвящена российской историографии с 1993 до 2013 года²⁰³. В последней статье К.П. Краковский отмечает, что в современной российской исторической и историко-правовой науке в связи с изменением исследовательских парадигм меняются подходы изучения и оценки судебной реформы 1864 г., наблюдается методологический плюрализм и используются разные подходы к исследованию, используются новые теории, как например, теория модернизации. Кроме того, разрабатывались новые методы исследования, как, например, метод хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения, разработанного А.А. Демичевым²⁰⁴ и использованного исследованиях А.Д. Поповой²⁰⁵. К.П. Краковским отмечается, что на этом этапе развития историко-правовой науки были подготовлены работы, содержащие сравнение судебных реформ второй половины XIX в. и конца XX в. как отдельных институтов, так и их совокупности.

В качестве проблемы К.П. Краковским обозначена тематика исследований, связанная с проведением судебной реформы в отдельных регионах, которые либо не имели особенностей как таковых, например Северный Кавказ, Башкирия, Юг России, Поволжье, Центрально-Черноземный район, либо исследования проводились на примере одного и тоже региона (Ярославской, Владимирской

²⁰² Краковский К.П. Советская историография судебной реформы 1864 г. и истории пореформенного суда в России // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. Электронный журнал. – 2014. – № 9-2. – С. 43-67.

²⁰³ Краковский К.П. Современная российская историография судебной реформы 1864 года и пореформенной истории российского суда // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2014. – № 9-1. – С. 32-56.

²⁰⁴ Демичев А.А. Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение как направление современной юридической науки // История государства и права. – 2010. – № 16. – С. 2-7.

²⁰⁵ Попова А.Д. Судебные реформы как механизм формирования гражданского общества в России (на материалах судебных реформ второй половины XIX века и рубежа XX–XXI веков). Дисс. ... докт. ист. наук. – М., 2012. – 672 с.

губерний)²⁰⁶. В данном случае речь идет предмете исследования и разграничения его в рамках исторической и историко-правовой науки.

Кроме того, автор историографического обзора указывает на исследования по тематике, связанной с мировым судом, окружными судами, прокуратурой, историей органов предварительного следствия, адвокатуры, политической полиции. При этом работ, посвященных высшим судам империи по политическим делам, вопросам статуса судей, уголовно-процессуальному и гражданско-процессуальному праву, немного. Отмечается Краковским и появление нового направления в изучении темы, в качестве примера можно привести тему правосознания в период проведения судебной реформы 1864 г. Наблюдалось также повторное обращение к ранее изученным темам, но с иных походов и оценок, в частности, речь идет о контрреформе²⁰⁷.

Статья В.Н. Казарина посвящена анализу статей, опубликованных в журналах в разные периоды, в которых подробно рассматривается эволюция походов к рассмотрению судебной реформы и изменению оценок ее результативности. По мнению автора, это связано как с изменениями методологических подходов, как было отмечено и у К.П. Краковского, так и с обращением к тем темам, которые ранее не интересовали исследователей, в частности, речь идет о проблемах реализации судебной реформы на территории Российской империи²⁰⁸.

В последнее десятилетие, с 2013 до 2023 года, в целом продолжают те тенденции, которые были обозначены А.А. Демичевым, К.П. Краковским и В.Н. Казариным, однако появились и новые.

Так, диссертаций, связанных с рассмотрением проблем реализации судебной реформы на различных территориях империи, стало в разы меньше. Среди них можно отметить, работы А.В. Каля-

²⁰⁶ Краковский К.П. Современная российская историография судебной реформы 1864 года и пореформенной истории российского суда // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2014. – № 9-1. – С. 37.

²⁰⁷ Краковский К.П. Современная российская историография судебной реформы 1864 года и пореформенной истории российского суда // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2014. – № 9-1. – С. 39-48.

²⁰⁸ Казарин В.Н. Судебная реформа 1864 г.: эволюция подходов и оценок на страницах научных журналов (пятьдесят, двадцать пять лет назад и сегодня) // Сибирский юридический вестник. – 2014. – № 4. – С. 29-38.

киной²⁰⁹, Т.В. Хутько²¹⁰, М.В. Черник²¹¹, Н.В. Паршиной²¹², А.В. Сердюк²¹³. Однако возникают те же проблемы с необходимостью рассмотрения ситуации на отдельных территориях. Например, судебная реформа 1864 г. в Астраханской губернии имела схожие черты с Оренбургской и Уфимской, а Северный Кавказ с Закавказьем. Рассмотрение вопроса у Н.В. Паршиной о проведении судебной реформы на территории кубанского казачьего войска во второй половине XIX века сводится к анализу работы судов, созданных на территории Кубанской области, в отношении не только казаков, но и других социальных групп (податные сословия, горцы). Вместе с тем появились обобщающие работы, связанные с реализацией судебной реформы на всей территории Российской империи, с выявлением причин разных подходов к отдельным территориям²¹⁴.

Также продолжают сравнительно-правовые исследования²¹⁵, появляются работы, посвященные отдельным органам, в частности судебным палатам, которые в обобщенном виде ранее не рассмат-

²⁰⁹ Калякина А.В. Судебная реформа во второй половине XIX века в Бессарабии. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2019. – 26 с.

²¹⁰ Хутько Т.В. Реализация судебной реформы 1864 года в Таврической губернии // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). – № 1. – С. 87-98.

²¹¹ Черник М.В. Особенности реализации судебной реформы 1864 г. в Астраханской губернии. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. – Астрахань, 2015. – 18 с.

²¹² Паршина Н.В. К вопросу о проведении судебной реформы на территории кубанского казачьего войска во второй половине XIX века. Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2023. – № 1. – С. 27-35.

²¹³ Сердюк А. В. Судебная реформа 1864 г.: особенности реализации на Северном Кавказе (вторая половина XIX – начало XX вв.). Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2015. – 34 с.

²¹⁴ Нестеренко Л.С. Реализация судебной реформы 1864 г. на пространстве Российской империи. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2012. – 19 с.; Краковский К.П. Проведение судебной реформы в России (посвящается 150-летию судебной реформы 1864 г.). Ч. 1 // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2014. – № 3. – С. 20-25; Краковский К.П. Проведение судебной реформы в России (посвящается 150-летию судебной реформы 1864 г.). Ч. 2 // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2014. – № 4. – С. 18-30; Деревскова В.М. Пространственно-временные проблемы реализации судебной реформы 1864 г. // Сибирский юридический вестник. – 2014. – № 4. – С. 21-28; Деревскова В.М. Проблемы реализации судебной реформы 1864 г. и вопросы типологии судебной системы Российской империи // Сибирский юридический вестник. – 2021. – № 4. – С. 20-32.

²¹⁵ Черепанов С.И. Сравнительно-правовое исследование института присяжных поверенных в Российской империи по судебной реформе 1864 года и института адвокатуры в Российской Федерации. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2018. – 26 с.

ривались²¹⁶, процессуальным вопросам²¹⁷. Отдельно разрабатываются новые темы, в частности судебное правотворчество в процессе применения норм обычного права на примере крестьян²¹⁸, хотя обычное право применялось и у инородцев.

Также на современном этапе продолжают исследования в рамках хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения, в частности, В.М. Большаковой опубликован целый ряд работ. В статье «Характер и сущность судебных реформ 1864 г. и конца XX – начала XXI в.» автор анализируется характер и сущность судебных реформ 1864 г. и конца XX – начала XXI в. и приходит к выводу, что характер обеих изучаемых судебных реформ был радикальным и демократическим. Сущность судебных преобразований в дореволюционной и современной России, по мнению автора, заключается в кардинальном реформировании старой, ранее существовавшей судебной системы, отказе от нее, построении новой судебной системы, основанной на иных принципах (состязательности, демократичности, гласности и пр.) и сопровождающейся введением (в Российской империи) или возрождением (в Российской Федерации) различных институтов (суда присяжных, мирового суда, апелляции, судебных приставов и др.)²¹⁹. И если такой подход вполне оправдан при рассмотрении указанных вопросов, то применение этого метода во второй статье «Судебная реформа 1864 г. в Российской империи и судебная реформа конца XX – начала XXI в. в Российской Федерации (проблема реализации в пространстве и во времени)» вызывает определенные сомнения. В самой статье рассматриваются отдельно реализация судебной реформы 1864 г. на территории всей Российской империи и определяются хронологические рамки распространения Судебных уставов, а затем рассматриваются судебные преобразования в Российской Федерации конца XX – начала XXI в. В.М. Большакова указывает на

²¹⁶ Сапунков А.А. Судебные палаты в судебной системе Российской империи: вторая половина XIX – начало XX вв. Дисс. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2018. – 297 с.

²¹⁷ Тарасов В.Н. Преемственность и традиции в российском гражданском судопроизводстве в 1864-1923 гг.: историко-правовое исследование. Дисс. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2015. – 200 с.

²¹⁸ Игнатьева Е.Ю. Судебное правотворчество в Российской империи второй половины XIX - начала XX веков в процессе применения норм обычного права. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. – Калининград, 2020. – 24 с.

²¹⁹ Большакова В.М. Характер и сущность судебных реформ 1864 г. и конца XX – начала XXI в. // Вопросы российского и международного права. – 2018. – Том 8. – № 11А. – С. 13-19.

то, что разница в подходах при реализации судебной реформы существовала везде, но касалась она не всех институтов (сначала мировые суды, потом окружные и т. д.), при этом автор не объясняет с чем была связана разница в подходах и рассматривает реализацию судебной реформы в Российской Федерации без объяснения причин разновременности, причем только в отношении суда присяжных. Схожесть заключается в том, что реформы вводились на всей территории не одновременно²²⁰, однако с точки зрения науки требуется объяснение того, почему так происходило. В отсутствие решения этих вопросов возникают сомнения о возможности и целесообразности такого сравнения. В первом случае такая проблема действительно существовала, поскольку на территории Российской империи население отличалось в экономическом, социальном, культурном, религиозном развитии и территории по-разному входили в состав Российской империи. В Российской Федерации ничего подобного не было и нет, а распространенность отдельных институтов обусловлено отношением к ним со стороны властей, поскольку именно они создают и реформируют эти институты, в частности речь идет о суде присяжных. В связи с этим стоит согласиться с мнением К.П. Краковского, который по поводу применения хронодискретного моногеографического сравнительного метода написал следующее: «Есть определенные сомнения в том, что реформы XIX в. и рубежа XX–XXI в. полностью сопоставимы. Сравнение следовало вести и объяснять не в деталях, а на уровне принципов, общих положений, показывая общее и частное, исходя из особенностей социально-экономического, политического и культурного развития»²²¹.

Необходимо отметить использование теории модернизации на современном этапе, но уже применительно к отдельным территориям, в которых проводились судебные преобразования, в том числе и судебная реформа 1864 г.²²²

²²⁰ Большакова В.М. Судебная реформа 1864 г. в Российской империи и судебная реформа конца XX – начала XXI в. в Российской Федерации (проблема реализации в пространстве и во времени) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2017. – № 9-1. – С. 32-56.

²²¹ Краковский К.П. Современная российская историография судебной реформы 1864 года и пореформенной истории российского суда // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2014. – № 9-1. – С. 35.

²²² Воропанов В.А. Органы юстиции в политике фронтальной модернизации восточной и юго-восточной периферии Российской империи (1775–1864). Автореферат дисс. ... докт. ист. наук. – Оренбург, 2022. – 66 с.

В целом необходимо отметить, что ученые продолжают работать по тем направлениям, которые были обозначены в рамках предыдущего периода. Вместе с тем необходимо разрабатывать и новые подходы к исследованиям, а также новые научные направления. Так, например, актуальными представляются исследования по историографии судебной реформы 1864 г., в рамках которых происходит обобщение работ как российских, так и зарубежных ученых²²³, анализируется влияние западной правовой мысли и западноевропейского законодательства на судебные преобразования 1864 г., взаимосвязь судебной реформы с другими реформами (крестьянской, земской, полицейской и другими), специфика взаимодействия различных министерств (Министерства юстиции, Министерства внутренних дел) как между собой, так и с общественными организациями, институтами гражданского общества и т. д.

Список литературы

1. Большакова В.М. Судебная реформа 1864 г. в Российской империи и судебная реформа конца XX – начала XXI в. в Российской Федерации (проблема реализации в пространстве и во времени) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2017. – № 9-1. – С. 32-56.
2. Большакова В.М. Характер и сущность судебных реформ 1864 г. и конца XX – начала XXI в. // Вопросы российского и международного права. – 2018. – Том 8. – № 11А. – С. 13-19.
3. Большакова О.В. Власть и политика в России XIX – начала XX века: американская историография. – М.: Наука, 2008. – 263 с.
4. Воропанов В.А. Органы юстиции в политике фронтальной модернизации восточной и юго-восточной периферии Российской империи (1775-1864). Автореферат дисс. ... докт. ист. наук. – Оренбург, 2022. – 66 с.
5. Демичев А.А. О тенденциях в изучении судебной реформы 1864 г. // История государства и права. – 2012. – № 5. – С. 2-5.
6. Демичев А.А. Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение как направление современной юриди-

²²³ Работы зарубежных исследователей рассмотрены в работах: Краковский К.П. Зарубежная историография судебной реформы // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2014. – № 8. – С. 115-142; Большакова О.В. Власть и политика в России XIX – начала XX века: американская историография. – М.: Наука, 2008. – 263 с.

ческой науки // История государства и права. – 2010. – № 16. – С. 2-7.

7. Деревскова В.М. Проблемы реализации судебной реформы 1864 г. и вопросы типологии судебной системы Российской империи // Сибирский юридический вестник. – 2021. – № 4. – С. 20-32.

8. Деревскова В.М. Пространственно-временные проблемы реализации судебной реформы 1864 г. // Сибирский юридический вестник. – 2014. – № 4. – С. 21-28.

9. Игнатъева Е.Ю. Судебное правотворчество в Российской империи второй половины XIX – начала XX веков в процессе применения норм обычного права. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. – Калининград, 2020. – 24 с.

10. Казарин В.Н. Судебная реформа 1864 г.: эволюция подходов и оценок на страницах научных журналов (пятьдесят, двадцать пять лет назад и сегодня) // Сибирский юридический вестник. – 2014. – № 4. – С. 29-38.

11. Калякина А.В. Судебная реформа во второй половине XIX века в Бессарабии. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2019. – 26 с.

12. Краковский К.П. Зарубежная историография судебной реформы // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2014. – № 8. – С. 115-142.

13. Краковский К.П. Проведение судебной реформы в России (посвящается 150-летию судебной реформы 1864 г.). Ч. 1 // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2014. – № 3. – С. 20-25.

14. Краковский К.П. Проведение судебной реформы в России (посвящается 150-летию судебной реформы 1864 г.). Ч. 2 // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2014. – № 4. – С. 18-30.

15. Краковский К.П. Советская историография судебной реформы 1864 г. и истории пореформенного суда в России // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2014. – № 9-2. – С. 43-67.

16. Краковский К.П. Современная российская историография судебной реформы 1864 года и пореформенной истории российского суда // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2014. – № 9-1. – С. 32-56

17. Нестеренко Л.С. Реализация судебной реформы 1864 г. на пространстве Российской империи. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2012. – 19 с.

18. Паршина Н.В. К вопросу о проведении судебной реформы на территории кубанского казачьего войска во второй половине

XIX века. Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2023. – № 1. – С. 27-35.

19. Попова А.Д. Судебные реформы как механизм формирования гражданского общества в России (на материалах судебных реформ второй половины XIX века и рубежа XX-XXI веков). Дисс. ... докт. ист. наук. – М., 2012. – 672 с.

20. Сапунков А.А. Судебные палаты в судебной системе Российской империи: вторая половина XIX – начало XX вв. Дисс. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2018. – 297 с.

21. Сердюк А.В. Судебная реформа 1864 г.: особенности реализации на Северном Кавказе (вторая половина XIX – начало XX вв.). Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2015. – 34 с.

22. Тарасов В.Н. Преемственность и традиции в российском гражданском судопроизводстве в 1864-1923 гг.: историко-правовое исследование. Дисс. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2015. – 200 с.

23. Хутько Т.В. Реализация судебной реформы 1864 года в Таврической губернии // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). – № 1. – С. 87-98.

24. Черепанов С.И. Сравнительно-правовое исследование института присяжных поверенных в Российской империи по судебной реформе 1864 года и института адвокатуры в Российской Федерации. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2018. – 26 с.

25. Черник М.В. Особенности реализации судебной реформы 1864 г. в Астраханской губернии. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. – Астрахань, 2015. – 18 с.

Первая кодификация советского права и ее роль в формировании системы источников социалистического права

Аннотация. Статья посвящена определению роли первой кодификации советского права в формировании системы источников социалистического права. Автор доказывает, что полностью отказаться от источников буржуазного права составителям первых советских кодексов не удалось, но ими были заложены принципиальные новеллы как в системное построение источников права, так и в содержание советского права.

Ключевые слова: советское право, первая кодификация советского права, источники права, источники социалистического права, советское государство.

The first codification of Soviet law and its contribution to the establishment of the system of socialist law sources

Abstract. The article is devoted to determining the role of the first codification of Soviet law in the formation of a system of sources of socialist law. The author proves that the compilers of the first Soviet codes failed to completely abandon the sources of bourgeois law, but they laid down fundamental novelties both in the systematic construction of sources of law and in the content of Soviet law.

Keywords: Soviet law, the first codification of Soviet law, sources of law, sources of socialist law, the Soviet state.

Первая кодификация советского права как целостное историческое событие остается одной из малоизученных тем в истории Советского государства. И в момент проведения, и в последующие годы предметом научного исследования становились отдельные кодексы.

* ДИДЕНКО МАРИНА СЕРГЕЕВНА (Россия, Ростов-на-Дону), старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства Южно-Российского института управления – филиала ФГБОУВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»; DIDENKO MARINA SERGEEVNA, Senior Lecturer at the Department of Theory and History of Law and State of the South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Возможно, поэтому исследователи не обратились внимания на то, что это была действительно первая кодификация, причем не только советского, но и российского права. В отличие от систематического обобщения действовавшего российского законодательства в первой половине XIX в., проведенного М.М. Сперанским, советским кодификаторам пришлось составлять кодексы практически с нуля.

С момента принятия решения о составлении советских кодексов (лето 1918 г.) советские руководители, прежде всего В.И. Ленин, выступали против использования как действовавшего в Российской империи нормативного материала, так и классической правовой доктрины, признанной советской властью буржуазной.

Однако, несмотря на то, что полностью отказаться от источников буржуазного права составителям кодексов не удалось, ими были заложены принципиальные новеллы и в системное построение советского законодательства и иных источников права, и в содержание советского права.

Нормативно-правовые акты как источники советского права 20-х годов получили наибольшее рассмотрение как юристами современниками данных исторических событий, так и современными юристами. В числе представителей первой группы исследователей выделим труды Н.Н. Алексеева²²⁴, К.А. Архиппова²²⁵, Я.М. Магазинера, Э.Э. Понтович²²⁶, Л. Успенского.

Современные исследователи, как правило, ограничиваются констатацией приоритетности нормативно-правовых актов над иными источниками права в рассматриваемый период, при этом отмечается особая роль революционного правосознания при реализации советского законодательства, а также использование правовых обычаев как субсидиарных источников права²²⁷. Полагаем, что пробелом современных исследований является отсутствие глубоко-

²²⁴ Алексеев Н.Н., Тимашев Н.С. Источники права // Право Советской России. Вып. 1. – Прага: Пламя, 1925. – С. 7-29.

²²⁵ Архиппов К.А. Основные моменты эволюции понятия советского закона // Советское право. – М.; Л., 1925. – № 5. – С. 17-33; Архиппов К.А. Опубликование и вступление в силу советских законов // Советское право. – М.; Л., 1926. – № 1. – С. 13-29; Архиппов К.А. Закон в советском государстве. – М.; Л.: Государственное издательство, 1926. – 157 с.

²²⁶ Понтович Э.Э. Понятие и значение закона в советском государстве // Советское строительство. – М., 1928. – № 7 (Июль). – С. 43-57.

²²⁷ Источники российского права: вопросы теории и истории / Отв. ред. М.Н. Марченко. – М.: Норма, 2005. – С. 27, 48.

го анализа специфики советского законодательства. Этот вопрос более основательно проработан в исследовании К.А. Архипова. Кроме того, в работах современных юристов недооценена роль первой кодификации советского права в становлении социалистического законодательства.

Согласимся с Т.Ф. Ящук в том, что заимствование современной классификации НПА и их подразделение на законы и подзаконные акты для советского законодательства 20-х г. XX в. приведет к нарушению принципа научной объективности²²⁸, так как в этот период отказались от классических научных подходов.

Классическое понимание закона, сложившееся в юридической науке как акта суверенной воли верховной государственной власти, приводит к необходимости обособления законодательной власти и, соответственно, закреплению принципа разделения власти. При построении социалистического государства от буржуазных принципов сознательно отказались. Поэтому советским юристам приходилось разрабатывать новое понимание закона.

В 20-е годы в советской науке преобладало широкое понимание закона как общего юридического правила, исходящего от органов советской власти²²⁹. И если в Конституции 1918 г. перечень таких органов четко не был сформулирован, то в общесоюзной Конституции 1924 г. (ст. 8, 29) в качестве таковых определены Съезд Советов СССР, ЦИК СССР и его Президиум, СНК СССР (ст. 38).

Законодательными полномочиями обладали аналогичные органы на уровне союзной республики. Формально такое распределение на уровне РСФСР было осуществлено еще в 1921 г.²³⁰. Поэтому в соответствии с Конституцией законами можно было считать только НПА, принятые вышеназванными органами. При этом сборники советского законодательства включали и акты принятые СТО и Малым СНК, а также некоторых наркоматов.

Особенностями советских законов рассматриваемого периода можно признать отсутствие их четких признаков и свойств. Собственно, законами эти акты не назывались. Чаще всего их оформляли в виде декретов, использовались и такие формы, как постановления, положения, указы, резолюции, инструкции, декларации,

²²⁸ Ящук Т.Ф. Организация местной власти в РСФСР. 1921-1929 гг. – Омск, Изд-во ОмГУ, 2007. – С. 87.

²²⁹ Архипов К.А. Закон в советском государстве. – С. 23.

²³⁰ Резолюции VIII Всероссийского съезда Советов // СУ РСФСР. – 1921. – № 1. – Ст. 1.

распоряжения и др. Попытки разграничить данные формы, по меткому выражению Н.Н. Алексеева, лишены юридического содержания и смысла²³¹.

Такое многообразие, сочетаемое со смешением компетенций, выражаемым в принятии совместных законов верховными и исполнительно-распорядительными органами (к примеру, ВЦИК И СНК РСФСР), делало невозможной не только классификацию законов по юридической силе, но и их разграничение с подзаконными актами. Поэтому все законодательство и общее, и специальное имело вспомогательное техническое значение и низкий политический авторитет.

Содержание законов носило декларативный ненормативный характер. Их положения формулировались не на юридическом языке, а скорее на политическом лексиконе, затруднявшем уяснение смысла законов. Поэтому применение законов требовало принятия дополнительных ведомственных инструкций. Более того, даже в системе судебных органов сложилась практика непроведения в жизнь закона без получения соответствующих инструкций от Наркомюста. В итоге Наркомюст вынужден был издать циркуляр о недопустимости такой ситуации²³².

Низкий уровень юридической техники их составления был постоянным предметом критики со стороны специалистов²³³. Игнорирование правил юридической техники не только затрудняло поиск и использование законов, но и приводило к многочисленным коллизиям, причем не только между законами, но и в тексте одного закона.

В этих условиях кодификация была призвана решить целый комплекс задач, а именно: упорядочить и обобщить, накопленный нормативно-правовой материал; провести его ревизию на предмет изъятия и отмены устаревших декретов; выстроить единую систему советского законодательства и повысить его качество. В связи с этим можно выделить два направления кодификации: системное правотворческое обновление законодательства и его юридико-техническую систематизацию.

²³¹ Алексеев Н.Н., Тимашев Н.С. Источники права. – С. 14.

²³² Циркуляр Наркомюста РСФСР от 11.10.1923 № 212 «О проведении в жизнь законов вне зависимости от издания к ним инструкций» // Сборник циркуляров Наркомюста РСФСР за 1922-1925 гг. – М., 1926.

²³³ Перетерский И. «Примечания» в законе // Советское право. – 1928. – № 2. – С. 69-71.

Первое направление связано с принятием отраслевых кодексов. Формирование отраслей советского законодательства началось еще в годы Гражданской войны с принятием Кодекса законов об актах гражданского состояния 1918 г. (далее – КЗАГС)²³⁴, Кодекса законов о труде 1918 г. (далее – КЗОТ РСФСР 1918 г.)²³⁵. В первые годы НЭПа (1922-1923 гг.) было принято еще восемь кодексов. В результате были кодифицированы (с принятием кодексов) такие отрасли, как уголовное, гражданское, семейное, земельное, трудовое, лесное, уголовно-процессуальное, гражданско-процессуальное законодательство.

После образования СССР основным вопросом, который решался при разработке кодифицированных актов, стал вопрос о соотношении общесоюзного и республиканского законодательства. Двадцатые годы можно считать началом не разрешенного до сегодняшнего дня спора о статусе, содержании и соотношении кодифицированных актов в двухуровневой системе законодательства.

Широкие законодательные полномочия союзных республик по Конституции СССР 1924 г. предполагали ограничение содержания общесоюзных основ главнейшими, исходными положениями, предоставляя законодательным органам союзных республик известную свободу в детализации общих положений, применительно к местным условиям. Однако практика первых лет советской власти показала, что чрезмерная децентрализация правового регулирования могла привести к недопустимым несоответствиям, расхождениям в общесоюзном законодательстве и законодательстве союзных республик.

Кодификация, с одной стороны, привела к появлению такой формы советского права, как кодекс. Его отличие от закона состояло в особом порядке принятия (по ст. 17 Конституции СССР 1924 г. только ЦИК СССР). Кроме того, для кодексов предусматривался специальный порядок внесения в них изменений, принятый ВЦИК РСФСР и устанавливающий обязательную процедуру согласования этих изменений с Наркомюстом²³⁶. Интересно, что данное поста-

²³⁴ Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (принят ВЦИК 16.09.1918) // СУ РСФСР. – 1918. – № 76-77. – Ст. 818.

²³⁵ Кодекс законов о труде (принят ВЦИК) // СУ РСФСР. – 1918. – № 87-88. – Ст. 905.

²³⁶ Постановление ВЦИК от 07.07.1923 «О порядке изменения Кодексов, утвержденных Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом» // СУ РСФСР. – 1923. – № 54. – Ст. 530.

новление действовало в течение всего советского периода и не отменено до сих пор.

Необходимость регламентации особого порядка принятия и изменения кодексов была вызвана отсутствием в Советском государстве законодательного процесса. Вследствие установления этого порядка законная сила кодексов не вызывала сомнений, в отличие от иных советских актов, принимавшихся без соблюдения формальных процедур, но имевших смысл закона. Однако впоследствии СНК РСФСР при составлении кодифицированного права республики нарушал данное правило и включал в Собрание кодексов РСФСР акты, не поименованные кодексами и принятые в ином порядке, чем предусмотрено Конституцией.

Подведение итогов кодификации в деле построения системы советского законодательства показывает, что в полном объеме поставленные задачи не были выполнены. Вместе с тем кодификация стала важным этапом на данном пути. Во-первых, удалось сформировать основные отрасли советского законодательства и осуществить их кодификацию.

Во-вторых, была преодолена сложившаяся в первые годы советской власти негативная практика издания законов и самовольной правотворческой деятельности на местах²³⁷, а также закреплен приоритет законодательства высших и центральных органов советской власти и управления и обязательность их исполнения на местном уровне.

В-третьих, проведена комплексная работа по систематическому упорядочению принимаемого советского законодательства. В этой связи стоит выделить Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства, Собрание законов СССР, Систематическое собрание действующих законов РСФСР и др. В этих сборниках законодательство размещалось по хронологическому принципу, их системное построение определялось конституционным статусом принявшего их органа. Данные сборники не только давали представление о состоянии действующего законодательства, но и устанавливали иерархию законов, облегчали их последующее совершенствование.

²³⁷ Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 28.06.1926 «Об утверждении Положения об издании местными исполнительными комитетами и городскими советами обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке» // СУ РСФСР. – 1926. – № 39. – Ст. 304.

Список литературы

1. Алексеев Н. Н., Тимашев Н. С. Источники права // Право Советской России. Вып. 1. – Прага: Пламя, 1925. – С. 7-29.
2. Архиппов К.А. Закон в советском государстве. – М.; Л.: Государственное издательство, 1926. – 157 с.
3. Архиппов К.А. Опубликование и вступление в силу советских законов // Советское право. – М.; Л., 1926. – № 1. – С. 13-29.
4. Архиппов К.А. Основные моменты эволюции понятия советского закона // Советское право. – М.; Л., 1925. – № 5. – С. 17-33.
5. Источники российского права: вопросы теории и истории / Отв. ред. М.Н. Марченко. – М.: Норма, 2005. – 336 с.
6. Перетерский И. «Примечания» в законе // Советское право. – 1928. – № 2. – С. 69-71.
7. Понтович Э.Э. Понятие и значение закона в советском государстве // Советское строительство. – М., 1928. – № 7 (Июль). – С. 43-57.
8. Шатковская Т.В., Бурмистров С.В. Теория и практика правового нигилизма в России: опыт научной экспликации // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2019. – № 4. – С. 15-24.
9. Ящук Т.Ф. Организация местной власти в РСФСР. 1921-1929 гг. – Омск, Изд-во ОмГУ, 2007. – 592 с.

*Литичевский Б.В.**

Союзный договор как основа государственного строительства

Аннотация. В статье автор ставит перед собой задачу изучить, какую роль сыграл Союзный договор в государственном строительстве в 1922 г., а затем в 1988 – 1991 гг. Автор делает вывод о том, что в 1922 г. благодаря разработанному Союзному договору было создано новое государство, однако повторное обращение к данному документу в период перестройки привело к разрушению

* ЛИТИЧЕВСКИЙ БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ (Россия, Санкт-Петербург), ведущий специалист ОИС Смольнинского районного суда города Санкт-Петербурга; LITYSCHEVSKY BORIS VLADIMIROVICH, Leading Specialist at the Information Systems Department of the Smolninsky District Court of St. Petersburg.

СССР, так как республики осуществили денонсацию данного документа, а новый союзный договор не стали подписывать.

Ключевые слова: Рене Давид, социалистическая семья, В.И. Ленин, И.В. Сталин, М.С. Горбачев, Союзный договор.

Union Treaty as the basis of state building

Abstract. In the article, the author sets himself the task of studying the role played by the Union Treaty in state building in 1922, and then in 1988-1991. The author came to the conclusion that in 1922, thanks to the developed Union Treaty, a new state was created, but the repeated appeal to this document during the period of Perestroika led to the destruction of the USSR, since the republics denounced this document, and the new Union Treaty was not signed.

Keywords: René David, socialist family, V.I. Lenin, I.V. Stalin, M.S. Gorbachev, Union Treaty.

Знаменитый французский правовед Рене Давид создал целостную классификацию правовых семей современного мира. Он выделил такие правовые семьи, как романо-германская (континентальная), англо-американская (система общего права), социалистическая, религиозная. Советское право по всем признакам относится к социалистической правовой семье.

Для социалистической правовой семьи характерны следующие особенности: ей присущи отдельные черты континентальной правовой семьи, например, правовая методология, процессуальные начала, однако социалистическая правовая семья отличается от других правовых семей важной ролью идеологии и идеологизированностью правовых норм, сращиванием государства и коммунистической партии, с учетом верховенства партийного аппарата над аппаратом государственной власти, отрицанием частной собственности на средства производства, отсутствием деления права на частное и публичное при существовании только публичного права, градацией по степени юридической силы нормативных актов, издаваемых государственными органами, которая зависела от положения этих органов в советской системе власти.

Система источников советского права состояла из нормативно-правовых актов (нормативные акты советской власти, например, декреты, кодексы, конституции, нормативные акты КПСС, положение которых было закреплено Конституцией СССР 1936 г. и Кон-

ституцией СССР 1977 г.), а до 1922 г. к ней также относилось революционное правосознание.

Форма государства – это модель внутреннего устройства государства, которое призвано обеспечить его стабильность и нормальное функционирование, включающее форму государственного устройства, форму правления и методы осуществления политической власти.

Форма государства имеет три составляющие, а именно форму правления, форму государственного устройства и тип политического режима.

Форма государственного устройства – это способ административно-территориальной организации государства. Существует три основные формы государственного устройства: унитарное государство, федерация и конфедерация.

Федерация – это форма государственного устройства, при котором его субъекты являются государственными образованиями, которые обладают ограниченным государственным суверенитетом, данная форма государственного устройства строится на распределении полномочий между федеральным центром и субъектами федерации.

Федерацию классифицируют по различным признакам, например, по правовому статусу субъектов федерации выделяют симметричные и ассиметричные, а по способу организации – конституционные и договорные.

Сложным вопросом является отнесение СССР к договорной или конституционной федерации, так как с 1936 г. Союзный договор 1922 г. не упоминался. Фактически до периода перестройки СССР можно было назвать конституционной федерацией.

Российская империя была унитарным государством, которое просуществовало до сентября 1917 г. Всесторонний кризис российского государства привел к краху российской монархии в ходе Февральской революции и переходу власти в руки Временного правительства, однако вплоть до сентября 1917 г. Россия все же де-юре была унитарной монархией. 14 сентября 1917 г. была провозглашена Российская Республика, тем самым монархия была окончательно ликвидирована. Форма государственного устройства не была определена. Вопрос об автономии Украины был поставлен еще в мае 1917 г., к осени 1917 г. центральная власть уже не контролировала провинции. Октябрьская революция 1917 г. свергла Временное правительство, в 1918 г. Россия была провозглашена

федерацией. Свержение Временного правительства и меры Совета народных комиссаров привели к гражданской войне.

Еще в 1919 г. ВЦИК РСФСР при участии представителей республик издал декрет «Об объединении Советских Республик: России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии для борьбы с мировым империализмом», тем самым началось объединение республик в хозяйственном и военном вопросах.

К 1920 г. ситуация изменилась, советская власть пала в Латвии, Литве и Эстонии, однако движение к объединению государств продолжилось, между РСФСР и другими республиками были заключены договоры о военно-хозяйственном союзе. Победа В.И. Ленина и РКП(б) в гражданской войне привела к установлению на территории бывших провинций Российской империи советской власти и дальнейшей их интеграции. В марте 1922 г. была создана Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика (ЗСФСР), в состав которой вошли Грузия, Армения и Азербайджан. В августе 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) учредило специальную комиссию для проработки вопроса о взаимоотношениях РСФСР и независимых национальных советских республик к очередному Пленуму ЦК РКП(б), ее возглавил И.В. Сталин. В комиссии вошли В.В. Куйбышев, Г.К. Орджоникидзе, Х.Г. Раковский, Г.Я. Сокольников и представители национальных республик. Комиссия разработала план автономизации, то есть вхождения республик в состав РСФСР как автономных республик. ВЦИК и СНК РСФСР должны были стать высшими органами государственной власти в новом государстве, а большинство наркоматов республик подчинялось соответствующим наркоматам РСФСР²³⁸. Против выступили руководители Грузии, Белоруссии и Украины. На заседании комиссии 23 и 24 сентября 1922 г. был принят план автономизации. Материалы были направлены В.И. Ленину для ознакомления перед Пленумом ЦК РКП(б), который был назначен на 5 октября 1922 г.

По требованию В.И. Ленина вместо плана автономизации был разработан Союзный договор, то есть документ, который должен был объединить республики в единое государство. Вместо вхождения республик в состав РСФСР было решено объединить республики в Союз Советских Социалистических Республик (СССР), что и было сделано 30 декабря 1922 г., в этот день был

²³⁸ Лукашевич Д.А. Правовая природа Договора об образовании СССР 1922 г. // Вестник Московского университета. Серия. 11. Право. – 2011. – № 4. – С. 95-100.

подписан Союзный договор и Декларация о создании СССР руководством УССР, БССР, РСФСР, ЗСФСР. В ведении союзного центра были переданы внешняя политика, внешняя торговля, финансы, оборона, пути сообщения, связь²³⁹. Высшим органом власти должен был стать Съезд Советов, в перерывах между его сессиями должен был работать Центральный исполнительный комитет СССР, испытательная власть передавалась Совету народных комиссаров СССР.

К 1985 г. СССР находился в состоянии системного кризиса, вызванного отсутствием ротации кадров, спадом экономического роста. Пришедший к власти М.С. Горбачев заявил о необходимости преобразований в стране. Однако реально они начались только в 1987 г., до этого происходил курс, направленный на ускорение социально-экономических процессов.

Долгие годы после подписания Союзного договора об этом документе не вспоминали. В 1988 г. на XIX партийной конференции была принята резолюция «О межнациональных отношениях», которая содержала следующее предложение: расширение прав союзных республик и автономных образований путем разграничения компетенции Союза ССР и советских республик, децентрализация, передача на места ряда управленческих функций, усиления самостоятельности и ответственности в сфере экономики, социального и культурного развития, охраны природы. После принятия данной резолюции стал вопрос о методах ее реализации.

Впервые идея создания нового Союзного договора была высказана руководством Эстонии в 1988 г. после провозглашения суверенитета.

В 1989 г. был созван Съезд народных депутатов СССР, прошли выборы, одним из депутатов стал А.Д. Сахаров. На I Съезде народных депутатов СССР он выступил с декретом власти, в котором он предложил заключить новый Союзный договор с республиками. Тогда к идее не прислушались, однако парад суверенитетов только набирал обороты. Робкие попытки остановить распад СССР силой не давал результатов, как это было в Тбилиси в 1989 г. В 1990 г. Верховный Совет Грузинской ССР фактически денонсировал Союзный договор 1922 г.

17 марта 1991 г. руководство СССР провело референдум о сохранении СССР, в ходе которого 76 % голосовавших высказались

²³⁹ Там же.

за сохранение СССР²⁴⁰. В апреле 1991 г. начался Новоогаревский процесс, который привел к переговорам в формате девять плюс один, то есть девять республик и союзный центр²⁴¹. Переговоры шли очень тяжело, но все же было решено создать мягкую федерацию – Союз Советских Суверенных Республик, сохранив единую армию, внешнюю и кредитно-денежную политику, республики расширили свои права, получив, например, право на свою часть в золотом запасе страны, природные ресурсы передавались в собственность республик²⁴². Однако сам Новоогаревский процесс привел к вопросу о легитимности союзного государства, конституционное право перестало действовать, Союз Советских Социалистических Республик должен был исчезнуть после подписания нового Союзного договора.

Руководству СССР и союзных республик все же удалось договориться о подписании нового Союзного договора. 20 августа 1991 г. новый союзный договор должны были подписать РСФСР, Казахская ССР и Узбекская ССР, 3 сентября 1991 г. Белорусская ССР, 17 сентября 1991 г. Азербайджанская ССР и Таджикская ССР, 1 октября 1991 г. Туркменская ССР и Киргизская ССР, 22 октября 1991 г. Украинская ССР, предположительно в октябре 1991 г. к нему могли присоединиться Армянская ССР и Молдавская ССР.

Однако Августовский путч, организованный ГКЧП СССР, который произошел с 19 по 22 августа 1991 г., сорвал подписание нового союзного договора²⁴³. После августовского путча были упразднены кабинет министров СССР, Съезд народных депутатов СССР, КГБ СССР²⁴⁴. Несмотря на крах союзного центра, М.С. Горбачевым была осуществлена попытка создать конфедерацию – Союз Суверенных Государств (ССГ), но подписание главными республиками Беловежского и Алма-Атинского соглашений привело к распаду СССР²⁴⁵.

²⁴⁰ Сообщение Центральной комиссии референдума СССР об итогах референдума СССР, состоявшегося 17 марта 1991 г. // Правда. – 27.03.1991.

²⁴¹ Шахназаров Г.Х. Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. – М.: Зевс, 1993. – С. 304.

²⁴² Лукьянова Е.А. Российская государственность и конституционное законодательство в России (1917-1993). – М.: МГУ, 2000. – С. 176.

²⁴³ Лукьянов А.И. В водовороте российской смуты. – М.: Книга и бизнес, 1999. – С. 74.

²⁴⁴ Там же.

²⁴⁵ Согрин В.В. Политическая история современной России, 1985-1994: от Горбачева до Ельцина. – М.: Прогресс-Академия, 1994. – С. 150.

Таким образом, идея создания Союзного договора привела в 1922 г. к созданию нового государства, однако кризис, в котором оказался СССР к 1985 г., вновь поднял вопрос о необходимости обращения к Союзному договору 1922 г. в части его денонсации союзными республиками и заключения нового союзного договора. Однако союзные республики отказались его подписать, заключив Беловежское и Алма-Атинское соглашения, упразднившие союзный центр и СССР.

Список литературы

1. Лукашевич Д.А. Правовая природа Договора об образовании СССР 1922 г. // Вестник Московского университета. Серия. 11. Право. –2011. – № 4. – С. 95-104.
2. Лукьянов А.И. В водовороте российской смуты. – М.: Книга и бизнес, 1999. – 432 с.
3. Лукьянова Е.А. Российская государственность и конституционное законодательство в России (1917-1993). – М.: МГУ, 2000. – 192 с.
4. Согрин В.В. Политическая история современной России, 1985-1994: от Горбачева до Ельцина. – М.: Прогресс-Академия, 1994. –192 с.
5. Шахназаров Г.Х. Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. – М.: Зевс, 1993. – 623 с.

*Мун В.А.**

Роль игрофикации в историко-правовом образовании

Аннотация. В статье рассматриваются особенности внедрения игровых элементов в научно-методические основы преподавания историко-правовых дисциплин, а также специфика включения историко-правовых знаний в контекст компьютерных игр. Обосновывается, что эффективность игровых механик обусловлена высо-

кой степенью визуализации контента, возможностью воспроизведения полномасштабных реконструкций разного рода глобальных процессов и явлений, исторических событий, погружения в мультимедийное путешествие. Среди инструментов, используемых в игровом процессе, особое внимание обращено на такие аспекты, как: эффективная система оценки опыта, учет достижений и штрафов за нарушение правил, система награждений за активность; работа в команде; визуализация материала, использование в репрезентативном материале изображений, видеоряда, аудиоматериала и динамичных объектов; персонализация игроков. Органичное внедрение указанных элементов способно привнести соревновательный элемент, перманентное желание быть включенным в процесс обучения, что в конечном счете, позволит успешнее изучать сложные и объемные источники, будет способствовать обеспечению укрепления и поддержания интереса к предмету, а также более устойчивому усвоению материала.

Ключевые слова: игрофикация, историко-правовое образование, цифровые технологии, компьютерные игры, онлайн-проекты, Big Data, образовательный ландшафт, браунфилд, гринфилд, цифровая революция, зумеры, технологизация общества.

The role of gamification in historical and legal education

Abstract. The article discusses the features of the introduction of game elements into the scientific and methodological foundations of teaching historical and legal disciplines, as well as the specifics of the inclusion of historical and legal knowledge in the context of computer games. It is proved that the effectiveness of game mechanics is due to a high degree of visualization of content, the ability to reproduce full-scale reconstructions of various global processes and phenomena, historical events, immersion in a multimedia journey. Among the tools used in the gameplay, special attention is paid to such aspects as: an effective experience assessment system, accounting for achievements and penalties for violating the rules, a system of rewards for activity; teamwork; visualization of material, the use of images, video, audio material and dynamic objects in representative material; personalization of players. The organic introduction of these elements can bring a competitive element, a permanent desire to be included in the learning process, which ultimately will allow you to study complex and voluminous sources more successfully,

* МУН ВИКТОРИЯ АНАТОЛЬЕВНА (Россия, Москва), старший преподаватель кафедры истории государства и права ФГБОУВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», кандидат юридических наук;

MUN VICTORIA ANATOLYEVNA, Senior Lecturer at the Department of History of State and Law of Kutafin Moscow State Law University, Candidate of Legal Sciences.

will help to strengthen and maintain interest in the subject, as well as more sustainable assimilation of the material.

Keywords: gamification, historical and legal education, digital technologies, computer games, online projects, Big Data, educational landscape, brownfield, greenfield, digital revolution, zoomers, technologization of society.

Можно с уверенностью утверждать, что в XXI в. все сферы человеческой жизнедеятельности пронизаны информационными технологиями. Это влияние оказывает содержательные и структурные изменения, обновляя как организацию процесса, так и качественное содержание. Наблюдается стремительное повсеместное развитие цифровых технологий: компьютерного оборудования, программного обеспечения, мультимедийных средств, Интернета. Так, в рамках концепции четвертой промышленной революции передовые промышленные предприятия внедряют в производство технологии «Индустрии 4.0», оптимизируя и масштабируя различные способы достижения результатов. Происходят кардинальные изменения в социальной сфере. Появление и широкое распространение социальных сетей (ВКонтакте, Telegram, RUTUBE и др.) в корне меняет привычные форматы общения и взаимодействия, ускоряет темп и расширяет географию коммуникации.

Волна инноваций «цифровой революции» может серьезно изменить и «образовательный ландшафт». Так, вызывает интерес исследование, проведенное Центром образовательных разработок Московской школы управления Сколково «Эпоха "Гринфилда" в образовании», в котором представлен подробный анализ новых образовательных технологических проектов. Стремительные изменения в мире привели к тому, что наряду с традиционными образовательными учреждениями («браунфилд») стали появляться новые образовательные стартапы («гринфилд») на новых технологических основаниях²⁴⁶. Речь идет об EdTech-компаниях (Skyeng, Нетология-групп, MAXIMUM Education и др.). Появляются современные онлайн-проекты, например, национальная платформа «Открытое образование», которая предлагает онлайн курсы по базовым дисциплинам, изучаемым в российских университетах, и объединяет 24 университета-разработчика, более 2,3 млн слушателей по всему

²⁴⁶ Эпоха «Гринфилда» в образовании // Сколково. – URL: https://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/education_10_10_13.pdf (Дата обращения 04.07.2023 г.).

миру²⁴⁷. Современное образование подвержено глобальным трансформационным процессам под воздействием технологических инноваций. Новая технологическая реальность, сопряженная с введением в отношении России мер санкционного характера, актуализируют вопросы как перехода к «новому технологическому укладу», так и «обеспечения технологического суверенитета страны»²⁴⁸.

Настоящая реальность такова, что цифровизация общества происходит вместе со сменой поколений. Особенностью этого процесса является то, что, представители первого поколения Z («зумеры»), «цифровые аборигены») активно используют планшеты, интересуются технологиями, робототехникой, инженерно-техническими вопросами, биомедициной. Это первое поколение, родившееся в цифровом мире²⁴⁹. Одновременно меняются требования к человеку относительно его технических навыков. Данные процессы усугубляют вечную проблему «отцов и детей», то есть отрицания молодым поколением опыта предыдущего поколения своих отцов, но и усиливают разрыв между поколениями, которые на фоне смены языка общения, постоянного ускорения темпа коммуникации перестают понимать друг друга. В этом заключается определенный риск в условиях грядущего цифрового будущего – это «растерянность человека и общества, обусловленная изменением способов коммуникации и связанной с этим постмодернистской атомизацией общества»²⁵⁰.

Другая особенность технологизации общества связана с появлением большого объема неструктурированной информации – Big Data (метаданные или «новая нефть») – технология, которая позволяет собирать данные о людях из открытых источников (GPS-навигаторов, онлайн-платежей, записей из камер наблюдения и т. д.). С точки зрения образовательного процесса Big Data позволяют автоматизировать и расширить анализ процесса обучения,

²⁴⁷ О проекте Национальная платформа «Открытое образование» // Платформа «Открытое образование». – URL: <https://npoed.ru/about> (Дата обращения 04.07.2023 г.).

²⁴⁸ Залоило М.В. История права и государства в фокусе парадигмы технологического развития // Историко-правовой ежегодник – 2022 / Ред. кол. Д.А. Пашенцев, А.А. Дорская, М.В. Залоило и др. – М.: Инфотропик Медиа, 2023. – С. 10-21.

²⁴⁹ Schmidt L., Hawkins P. Children of the tech revolution // Sydney Morning Herald. 2008. – URL: <https://www.smh.com.au/lifestyle/children-of-the-tech-revolution-20080715-gdsma9.html> (Дата обращения 04.07.2023 г.).

²⁵⁰ Зорькин В.Д. Providentia или о праве будущего в эпоху цифровизации // Государство и право. – 2020. – № 6. – С. 7-19.

настроить таргетированную образовательную траекторию. В перспективе это может стать задачей искусственного интеллекта. Например, в 2013 г. английский Университет Ноттингем Трент внедрил интерактивную систему дескриптивной аналитики показателей студенческой успеваемости и активности в виде панели мониторинга. Данные позволили отследить процесс вовлеченности студентов в учебный процесс. Для снижения показателей отчисления студентов, улучшения посещаемости ими занятий, увеличения вовлеченности в образовательный процесс анализировались различные показатели: частота работы с библиотекой, сведения об изучаемых курсах, посещаемость и т. д. Полученные данные позволили как самим студентам отследить свои данные и сделать вывод о своей учебной активности, сравнить свои показатели, а также позволили тьюторам быстро и эффективно реагировать в случаях, если студент в течение двух недель не проявлял признаков активности в университете. В последнем случае со студентом связывались, поддерживали, оказывали помощь к возобновлению процесса обучения. Через три года внедрения системы работы с большими данными выяснилось, что 72 % первокурсников использовали Big Data и она вдохновила их увеличить количество времени на учебу²⁵¹.

Внедрение технологий в образовательный процесс позволяет применять новые методики и подходы к обучению в разных науках и дисциплинах. Например, искусственный интеллект помогает успешно и эффективно изучать иностранные языки, практиковать разговорную речь, общаться с виртуальным мультипликационным персонажем, так же как ребенок общался бы с репетитором (российский стартап MyBuddy.ai). Российский проект NOE-VR предлагает первый в мире офтальмологический образовательный VR-симулятор с использованием технологий искусственного интеллекта. Симулятор позволяет создавать анатомически точную модель глазного яблока в виртуальной реальности, на которую можно накладывать любые болезни глаз, учиться их диагностировать и лечить²⁵². Успешные кейсы внедрения новых технологий в образова-

²⁵¹ Case Study I: Predictive analytics at Nottingham Trent University // Jisc. – URL: <https://analytics.jiscinvolve.org/wp/files/2016/04/CASE-STUDY-I-Nottingham-Trent-University.pdf> (Дата обращения 04.07.2023 г.).

²⁵² Аксенова М.Д. Как технологии меняют образование // Нетология. – URL: <https://netology.ru/blog/08-2020-hitech-v-obrazovanii?ysclid=Iji8udua1q424248552> (Дата обращения 04.07.2023 г.).

тельный процесс можно продолжать и далее, однако подробнее хотелось бы остановиться на инновационных методах и новых подходах в историко-правовом образовании.

Историко-правовые исследования словно «подлинное зеркало научного прогресса» позволяют отразить прорыв в науке и образовании, осмыслить глубину и масштабы научно-технического прогресса, накопить опыт, проанализировать вызовы и актуальные дискуссии и в конечном счете предвидеть будущее²⁵³. В условиях турбулентности в современной мировой политике особенно важное значение приобретает выработка оптимальных способов сохранения памяти предков, преемственности в развитии государства, защиты исторической правды, поддержания историко-культурного наследия страны. В конечном счете любые попытки государств или международных организаций оказать воздействие или искоренить «складывавшиеся веками национальные правовые традиции» являются «заведомо обреченными на провал»²⁵⁴. В то же время бережное отношение к национальным традиционным ценностям является бесспорной и важной задачей современного государства²⁵⁵. Обозначенная идея отражена в Конституции Российской Федерации, дополненной в 2020 г. ст. 67.1, а также различных документах стратегического планирования.

В настоящее время приобретает популярность феномен игрофикации (геймификации) в условиях развития современного образования. Применение игровых механик в областях, не связанных с игрой, может служить важным методологическим инструментом в образовательном процессе. Эффективность такого подхода, как игрофикация, обусловлена высокой степенью визуализации контента, возможностью воспроизведения полномасштабных реконструкций разного рода глобальных процессов и явлений, исторических событий, погружения в увлекательное

²⁵³ Исаев И.А., Румянцева В.Г. Историко-правовая научная школа: макроистория и юридическое познание // Российское право онлайн. – 2022. – № 3. – С. 5-14.

²⁵⁴ Дорская А.А. Правовые традиции России и развитие права международных организаций: проблемы взаимовлияния: монография. – СПб.: Астерион, 2016. – С. 7.

²⁵⁵ Ворошилова С.В., Мун В.А. Государственная защита семьи, материнства, отцовства и детства: возвращение к традиционным семейным ценностям // Советское и российское государство и право: преемственность и новизна (к 100-летию образования СССР): материалы IX Международной научной конференции / Отв. ред. М.В. Заднепровская; Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, 15 декабря 2022 года. – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2023. – С. 103-111.

мультимедийное путешествие. Другим несомненным преимуществом применения механизмов симуляции исторического процесса является развитие «мягких навыков», позволяющих анализировать разнообразные события как на внутрисударственном, так и международном уровнях.

Ярким примером успешной реализации современных технологий в историческом контексте является система мультимедийных исторических парков «Россия – моя история», в которых панорамно представлена вся история России с древнейших времен до наших дней. Экспозиции включают в себя сотни метров «живой ленты» истории, мультимедийные карты, интерактивные панорамы и декорации. Привлекают к себе внимание различные интерактивные решения: исторические игры, сенсорные экраны, многочисленные проекторы, применение трехмерного моделирования, цифровые реконструкции.

Стоит отметить и существующие серии компьютерных игр, ставших «культовыми» по масштабу охвата действий, правдоподобности имитации многих аспектов жизни определенного периода. Подобные игры позволяют погружаться в изучаемую эпоху, моделировать альтернативные процессы, а воспроизводимые в них имена, события, даты основаны на реальных событиях и представляют собой не только буквы и цифры, но и вызывают конкретные ощущения и впечатления в ходе игры. Например, видеоигра «Фараон» (Pharaoh), посвященная древнеегипетской цивилизации, представляет собой историческую, экономическую, градостроительную стратегию в реальном времени. Игра соответствует этапам развития Египта как государства в период с 3200 г. до н. э. по 38 г. н. э. В учебных целях может использоваться обширный справочный и обучающий материал. Другая серия глобальных стратегических игр «Крестовосцы» (Crusader Kings) моделирует систему феодальных отношений в средневековой Европе и на Ближнем Востоке, включая войны (в том числе крестовые походы), личные взаимоотношения между тысячами персонажей, историческими личностями.

Еще одной популярной серией игр является Цивилизация (Civilization), в которой моделируется вся история человечества – от зарождения цивилизации до современности и будущего. Примечательно, что в 2000 г. в Москве рассматривался проект «игровых вселенных» в процессе преподавания предметов гуманитарного цикла, в том числе истории, а в 2016 г. была анонсирована специ-

альная учебная версия Civilization EDU²⁵⁶, которая в игровой форме способствует развитию критического мышления и принятию решений, позволяя параллельно исследовать экономику, дипломатию, военные действия, культуру и, собственно, саму историю на примере реальных эпох и личностей.

Можно выделить следующие основные игровые механики, позволяющие добиться успешных результатов в образовательном процессе: 1) система оценки опыта, учет достижений и штрафов за нарушение правил, а также система награждений за активность или определенные действия – привносит соревновательный элемент, перманентное желание быть включенным в игровой процесс; 2) работа в команде – может представлять собой геймификацию деятельности группы, что, с одной стороны, способствует сплочению участников команды, а с другой стороны, также имеет соревновательную природу; 3) визуализация преподносимого материала, использование в репрезентативном материале изображений, видеоряда, аудиоматериала и динамичных элементов – позволит успешнее усваивать сложный материал, обеспечит укрепление и поддержание интереса к предмету, а также будет способствовать более устойчивому усвоению ключевых элементов; 4) персонализация игроков – позволяет оценивать условия и последствия в конкретных обстоятельствах и брать ответственность за принимаемые решения.

Игровые инструменты имеют конкретные методики, которые могут быть полезными в образовательном процессе. Введение элементов игрофикации в историко-правовое образование позволит сопоставить историю, право и технологические уклады, сориентировать на поиски эффективных методологических подходов, характерных для познания историко-правовых процессов²⁵⁷.

Современная действительность актуализировала поиск новых подходов в историко-правовом образовании. В условиях многочисленных проблем новой самоидентичности, вызванных социальной турбулентностью, кардинальными трансформационными политическими процессами, становятся неустойчивыми представления о

²⁵⁶ Овчинников В.М. Геймификация и визуализированный контент на уроках истории // Научно-методический электронный журнал «Калининградский вестник образования». – 2021. – № 2 (10). – С. 29-40.

²⁵⁷ Пашенцев Д.А. Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография / Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, А.А. Дорская. – М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2022. – С. 9.

нормах, традициях, ценностях, которые ранее казались незыблемыми. В таких обстоятельствах особенно важно сохранение исторического и культурного наследия, защита национальных интересов и традиционных духовно-нравственных ценностей. Вместе с тем необходимо учитывать и существующие реалии, трансформацию общества, социокультурные изменения.

Игрофикация историко-правового образования – возможность уйти от рутинного и монотонного изложения материала. Методы игрового обучения открывают широкие возможности для наиболее эффективного усвоения информации, успешного формирования аналитических, соревновательных и аргументационных навыков. Представляется, что элементы игрофикации могут быть включены как в аудиторную работу, так и в дистанционный формат обучения. Введение игровых методик зависит от творческого подхода преподавателя, его стремления и готовности к совместной исследовательской деятельности, наблюдению за поведенческими реакциями и успехами участников игрового процесса. Успешной реализации игрофикации в историко-правовом образовании способствует и соответствующая государственная поддержка инновационных, технологичных проектов.

Список литературы

1. Ворошилова С.В., Мун В.А. Государственная защита семьи, материнства, отцовства и детства: возвращение к традиционным семейным ценностям // Советское и российское государство и право: преемственность и новизна (к 100-летию образования СССР): материалы IX Международной научной конференции / Отв. ред. М.В. Заднепровская; Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, 15 декабря 2022 года. – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2023. – С. 103-111.
2. Дорская А.А. Правовые традиции России и развитие права международных организаций: проблемы взаимовлияния: монография. – СПб.: Астерион, 2016. – 244 с.
3. Залоило М.В. История права и государства в фокусе парадигмы технологического развития // Историко-правовой ежегодник – 2022 / Ред. кол. Д.А. Пашенцев, А.А. Дорская, М.В. Залоило и др. – М.: Инфотропик Медиа, 2023. – С. 10-21.
4. Зорькин В.Д. Providentia или о праве будущего в эпоху цифровизации // Государство и право. – 2020. – № 6. – С. 7-19.

5. Исаев И.А., Румянцева В.Г. Историко-правовая научная школа: макроистория и юридическое познание // Российское право онлайн. – 2022. – № 3. – С. 5-14.

6. Овчинников В.М. Геймификация и визуализированный контент на уроках истории // Научно-методический электронный журнал «Калининградский вестник образования». – 2021. – № 2 (10). – С. 29-40.

7. Пашенцев Д.А. Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография / Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, А.А. Дорская. – М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2022. – 184 с.

РАЗДЕЛ III. ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Тянь Д.-Е.Ц.*

Профессор С.В. Юшков и историки об общественно-политических взглядах А.С. Пушкина

Аннотация. Статья посвящена анализу ряда работ профессора С.В. Юшкова и других советских историков об общественно-политических взглядах А.С. Пушкина, их влиянию на творчество поэта. Автор исследует научные и исторические источники, связанные с указанной темой. Новизна и уникальность работы заключаются в научном описании и систематизации мнений известных ученых о гражданской позиции Пушкина, раскрывающей многогранную личность писателя. Актуальность научной статьи выражается в возможности использования полученных в ходе исследования данных для понимания существующих в советский период тенденций развития историографии, не теряющих своего значения в настоящее время.

Ключевые слова: Серафим Владимирович Юшков, Александр Сергеевич Пушкин, литература, общественно-политические взгляды, историки.

Sociopolitical views of A.S. Pushkin from the perspective of Professor S.V. Yushkov and other historians

Abstract. The article centers around examining various works by Professor S.V. Yushkov and other Soviet historians, pertaining to the sociopolitical perspectives of A.S. Pushkin, and their influence on his literary works. The author delves into scientific and historical sources in relation to this topic. The distinctiveness and novelty of the work are

* ТЯНЬ ДИАНА-ЕНМЕЙ ЦЗИДУНОВНА (Россия, Санкт-Петербург), студентка 3 курса КГА ПОУ «Приморский политехнический колледж» (научный руководитель – Потапов Ю.А., доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент); TYAN DIANA-ENMEI JIDONOVNA, 3rd year student of the Primorsky Polytechnic College (academic advisor – Potapov Yu.A., Associate Professor at the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the Northwestern Branch of the Russian State University of Justice, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor).

based on the scientific portrayal and organization of the ideas of esteemed scientists regarding Pushkin's civic position, thereby uncovering the writer's diverse character. The article's relevance is apparent in the possibility of using the data obtained during the study to comprehend the trends in the development of Soviet historiography that remain significant at present.

Keywords: Serafim Vladimirovich Yushkov, Alexander Sergeevich Pushkin, literature, sociopolitical views, historians.

Преувеличить значение А.С. Пушкина для русской литературы, пожалуй, невозможно: его гений predetermined развитие отечественной словесности, написанные им произведения навсегда вошли в состав фонда «золотой» классической литературы всего мира. Исходя из этого, справедливо отметить, что личность Пушкина как творца проанализирована глубоко и масштабно, целыми поколениями пушкинистов проделана основательная работа по самому тщательному изучению произведений автора. Тем не менее, исследователи зачастую выпускают из своего внимания немаловажный факт: Пушкин был не только выдающимся поэтом и писателем, но и одним из крупнейших историков своего времени, значимым общественно-политическим деятелем, чьи идеи и взгляды оказали большое влияние на современников. Разумеется, общественно-политические воззрения поэта представляли значительный интерес не только для филологов и лингвистов, но и для историков. Изучение взглядов столь выдающейся личности служило не просто инструментом анализа быта и нравов общества XIX века, но также средством для понимания тенденций развития российской культуры, ее влияния на политическую и социальные сферы жизни общества.

Необходимо отметить, что цензура в тот период была достаточно сильна: указом Павла I в 1796 г. к употреблению запрещались такие слова, как «граждане», «отечество», «общество», преследовались прогрессивные идеи²⁵⁸. Рассмотрение же мнений советских ученых-историков о Пушкине как о гениальном историке помогает сформировать представление о советской биографике, путях развития историографии того времени, актуальных для обозначенной эпохи дискуссий, сложившихся внутри научной парадигмы.

²⁵⁸ Потапов Ю.А. Российское законодательство о цензуре. XVIII – начало XX века. – М.: Юрайт, 2023. – С. 21.

Не имея возможности уделить должное внимание всем исследователям исторического наследия Пушкина, мы остановимся на тех из них, кто в значительной мере обращался к указанному вопросу и с чьими работами мы имеем возможность ознакомиться сегодня.

Анализ работ профессора С.В. Юшкова, посвященных общественно-политическим взглядам А.С. Пушкина, интересен уже потому, что отзыв одного значительного историка о трудах другого не может не иметь научной ценности. Не менее любопытным представляется тот факт, что в первом же абзаце статьи «Пушкин-историк» Юшков отмечает недостаточную изученность темы и оппонировать М.Н. Покровскому и его одноименной критической статье, вошедшей в полное собрание сочинений А.С. Пушкина 1933 года²⁵⁹. При этом замечая, что научный оппонент несправедливо обвиняет поэта в историографической неосведомленности и поддержке буржуазно-империалистических историков. Так, пишет Юшков, «дальнейший анализ исторических взглядов А.С. Пушкина покажет, насколько не прав был М.Н. Покровский»²⁶⁰. Профессор акцентирует внимание на том, что Пушкин, работая в архивах, не мог быть не знаком с самыми значительными историками своего времени. Поэтому заявление о его незнании основных течений историографической науки представляется неверным.

Во второй главе указанной работы С.В. Юшков освещает мнения Пушкина о соотношении феодализма и аристократического строя, зарождении парламента. Подчеркивает влияние французских историков на формирование убеждений Пушкина, в некоторой степени возвращаясь к главе первой, в которой опровергал убеждение М.Н. Покровского в том, что с работами братьев Тьерри Пушкин познакомился лишь в 1834 г.

Важно, что Юшков дает понять читателю: исторический путь России, каким он виделся Пушкину, уникален, а отождествление его с европейским – некорректно, и сам поэт в результате своих исследований приходит к этой мысли. Юшков также говорит о том, что уровень понимания Пушкиным исторических процессов был не просто высок, но во многом превосходил не только западных исследователей, но и соотечественников автора.

²⁵⁹ Покровский М.Н. Пушкин – историк // Полное собрание сочинений А.С. Пушкина. – М.: изд. ГИХЛ, 1933. Т. V, кн. 1. – С. 9-29.

²⁶⁰ Юшков С.В. Пушкин – историк // Ученые записки Свердловского государственного педагогического института. – Свердловск, 1938. – Вып. 1. – С. 88.

Третья глава работы посвящена народам, населявшим Советский Союз, а именно – интересу А.С. Пушкина, который он проявлял по отношению к истории развития различных народностей, проживавших на территории Российской империи. Особым предметом исследования для поэта, подчеркивает С.В. Юшков, стала Украина. Пушкин посвятил значительное время изучению процесса ее становления, начиная от первых племен, заселявших названную территорию, и заканчивая актуальным для Пушкина временем. В конечном счете, подчеркивает профессор, исключительное отношение Пушкина к народностям России противоречило создававшейся в тот период теории официальной народности, которая, по словам Юшкова, являлась «квинтэссенцией великодержавного шовинизма и мракобесия»²⁶¹.

Разумеется, С.В. Юшков не выпускает из внимания и проблематику крестьянских войн, к которой Пушкин обращался на протяжении практически всего творческого и жизненного пути. Профессор отмечает, что «Истории пугачевского бунта» совершенно неправильно не уделяется практически никакого внимания, хотя эта работа стала результатом длительного изучения Пушкиным соответствующей темы и, более того, служит подтверждением роли Пушкина как исключительного историка российской государственности: несмотря на то, что поэт не мог не понимать всех трудностей, которые наверняка должны были возникнуть с проведением подобного труда через цензуру, он все равно не отказался от своей идеи. Конечно, не может советский автор не сказать о сочувствии Пушкина по отношению к казакам и самому Пугачеву, которые стали, в частности, причиной возмущения графа Уварова и «николаевских жандармов»²⁶².

В заключение Юшков еще раз отмечает необыкновенную глубину и широту взглядов А.С. Пушкина, его исключительный уровень исторической образованности и превосходство его позиции над мнениями всех остальных историков-современников.

Таким образом, профессор проводит тщательный и необходимый для всей советской и российской науки анализ общественно-политических взглядов А.С. Пушкина, заставляет читателя обратить свой взор на исторические работы Пушкина, которые зачастую незаслуженно выпускаются из внимания широкой публики.

²⁶¹ Там же. – С. 99.

²⁶² Там же. – С. 101.

Изучением, однако, мнений А.С. Пушкина занимался не только профессор С.В. Юшков. Большая работа была проделана Д.Д. Благим, в результате которой вышел сборник этюдов «Социология творчества Пушкина», в котором академик определяет классовое самосознание поэта с точки зрения социологии, при этом еще во введении отмечая, что «ни один из наших писателей не переживал так остро своей принадлежности к определенному классу... как величайшая слава нашей русской литературы – Пушкин»²⁶³. Особенное внимание Д.Д. Благой уделял взаимоотношениям Пушкина и декабристов, указывая, что, с одной стороны, поэт считал восстание 1825 года безумием – с интеллектуальной точки зрения, но с другой, Пушкин не мог не сочувствовать декабристам, понимания и во многом разделяя их мотивы, что подтверждается соответствующими лирическими произведениями. Как отмечает Ю.А. Потапов, узнав о событиях, произошедших на Сенатской площади, поэт, «опасаясь обыска, уничтожил автобиографические записки»²⁶⁴, которые, очевидно, содержали сведения о лояльности декабристам некоторых представителей дворянской интеллигенции.

В монографии Д.Д. Благого дается схема хронологического развития общественно-политических взглядов писателя, характеризуется каждый из этапов творческой биографии. По мнению профессора, Пушкин прошел путь от либерализма до «просвещенного консерватизма», на что, очевидно, повлияла и социополитическая среда и взаимоотношения с представителями власти – в том числе, и императором Николаем I, с которым, несмотря на политические разногласия, поэту удавалось взаимодействовать практически без открытых конфликтов. Примечательно, что Д.Д. Благой не стремится революционизировать идеологию Пушкина, напротив, полагая, что в 1830-е годы тот приходит к пониманию закономерностей исторического развития общества и фактически отказывается от революционных идей.

К общественно-политическим взглядам Пушкина обращался и профессор В.В. Пугачев в работе «К вопросу о политиче-

²⁶³ Благой Д.Д. Социология творчества Пушкина. Этюды. – 2-е изд. – М.: Мир, 1931. – С. 5.

²⁶⁴ Потапов Ю.А. Выпускник Императорского Царскосельского лицея А.С. Пушкин и его взаимоотношения с цензурным ведомством Российской империи // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Юридическое образование и юридическая наука в России: современные тенденции и перспективы развития» (к 15-летию юридического факультета Курского государственного университета). – Курск: КГУ, 2019. – С. 73.

ских взглядах А.С. Пушкина до восстания декабристов»²⁶⁵. Ученый дает анализ истории написания оды «Вольность», с которой начался путь Пушкина как политического поэта, однако пишет, что «все же вопрос о времени создания оды остается спорным»²⁶⁶. В.В. Пугачев размышляет над тем, что ода «Вольность» – следствие явного влияния декабристов на Пушкина, так как она отражает основные программные идеи «Союза Благоденствия», которого в 1817 году (именно к этому году многие пушкинисты относят время создания оды) еще не существовало, «Союз Спасения» же уже распался.

Таким образом, из приведенного выше мы видим, что общественно-политические взгляды А.С. Пушкина волновали многих деятелей исторической науки периода Советского Союза, при этом каждый исследователь подходил к вопросу с собственной точки зрения и в соответствии со своими личными убеждениями, а также – нельзя не отметить – учитывая идеологию советского периода, которая, конечно, находила свое отражение во взглядах отечественных ученых. Нередко мнение одного историка противоречило другому, однако работы, посвященные указанной проблематике, помогают разносторонне проанализировать взгляды Пушкина и составить собственное представление об идеологии великого поэта.

Список литературы

1. Благой Д.Д. Социология творчества Пушкина. Этюды. – 2-е изд. – М.: Мир, 1931. – 320 с.
2. Покровский М.Н. Пушкин – историк // Полное собрание сочинений А.С. Пушкина. – М.: изд. ГИХЛ, 1933. Т. V, кн. 1. – С. 9-29.
3. Потапов Ю.А. Выпускник Императорского Царскосельского лицея А.С. Пушкин и его взаимоотношения с цензурным ведомством Российской империи // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Юридическое образование и юридическая наука в России: современные тенденции и перспективы развития» (к 15-летию юридического факультета Курского государственного университета). – Курск: КГУ, 2019. – С. 71-75.

²⁶⁵ Пугачев В.В. К вопросу о политических взглядах А.С. Пушкина до восстания декабристов // Ученые записки. Вып. 18. – Саратов: Саратовский юридический институт им. Д. Курского, 1969. – С. 201-227.

²⁶⁶ Там же. – С. 210.

4. Потапов Ю.А. Российское законодательство о цензуре. XVIII – начало XX века. – М.: Юрайт, 2023. – 168 с.

5. Пугачев В.В. К вопросу о политических взглядах А.С. Пушкина до восстания декабристов // Ученые записки. Вып. 18. – Саратов: Саратовский юридический институт им. Д. Курского, 1969. – С. 201-227.

6. Юшков С.В. Пушкин – историк // Ученые записки Свердловского государственного педагогического института. – Свердловск, 1938. – Вып. 1. – С. 87-109.

*Пашенцева Д.Д.**

Методология исследования системы источников права Российской империи

Аннотация. В статье раскрываются основные методы, позволяющие исследовать систему источников права Российской империи. Показано, какие конкретные методологические подходы представляют интерес в этом отношении. Обоснована возможность использования как классической, так и постклассической научной методологии. Сделан вывод, что сочетание классических и постклассических методов научного исследования позволяет получать новые результаты при исследовании системы источников права в Российской империи.

Ключевые слова: источник права, система источников права, методология, научный метод, Российская империя.

* ПАШЕНЦЕВА ДАРЬЯ ДМИТРИЕВНА (Россия, Москва), аспирант отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации» (научный руководитель – Путило Н.В., заведующая отделом социального законодательства ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации»), кандидат юридических наук;

PASHENTSEVA DARYA DMITRIEVNA, Postgraduate student of the Department of Theory of Law and Interdisciplinary Studies of Legislation at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Supervisor – Putilo N.V., Head of the Department of Social Legislation at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences.

Methodology of research of the system of sources of law of the Russian Empire

Abstract. The article reveals the main methods that allow to investigate the system of sources of law of the Russian Empire. It is shown which specific methodological approaches are of interest in this regard. The possibility of using both classical and postclassical scientific methodology is substantiated. It is concluded that the combination of classical and postclassical methods of scientific research allows us to obtain new results in the study of the system of sources of law in the Russian Empire.

Keywords: source of law; system of sources of law; methodology; scientific method; Russian Empire

Вопросы, связанные с источниками права и их ролью в отечественной правовой системе, представляются актуальными в связи с современными процессами правовой трансформации, с цифровизацией правотворчества и правоприменения²⁶⁷. Активное внедрение новых технологий не только инициирует появление новых сфер общественных отношений, требующих правового регулирования, но и меняет соотношение различных источников права, заставляет пересматривать устоявшиеся подходы к их пониманию. В связи с этим, опыт российских правовых традиций, сформировавшихся в период империи, может послужить основой для новых выводов, применимых в современных условиях. Его изучение с помощью актуальной научной методологии будет способствовать выявлению ранее не известных закономерностей, характеризующих роль тех или иных источников в формировании эффективной модели правового регулирования.

Система источников права представляет собой структурированную их совокупность, выстроенную на основе определенных устойчивых взаимосвязей. Ее исследование требует использования комплекса методов, как общенаучных, так и специальных. В связи с тем, что любая система состоит из определенных элементов, важным представляется использовать такой общенаучный метод, как анализ. С его помощью представляется возможным вычленить отдельные элементы системы источников права, то есть конкретные

²⁶⁷ 2. Д. А. Пашенцев, М. В. Залоило, Дорская А. А. и др. Цифровизация правоприменения: поиск новых решений: монография / Под ред. Д.А. Пашенцева. – М.: ООО «Инфотропик Медиа», 2022. – С. 6-7.

виды источников, существовавших в Российской империи, и исследовать их по отдельности. Стоит отметить, что именно такой подход исторически преобладает в отечественной юридической науке. Правоведы дореволюционной России исследовали отдельные виды источников права. Например, Н.М. Коркунов посвятил специальное монографическое исследование проблеме соотношения указа и закона²⁶⁸, так как в Российской империи вопрос о разделении их в качестве отдельных форм права решен не был.

В связи с тем, что система источников права – это именно система, к ее изучению вполне применим системный подход, предполагающий вычленение тех взаимосвязей, которые неизбежно присутствуют между отдельными элементами. В современных условиях вполне может быть использован потенциал синергетики, которая также изучает сложные системы открытого типа, а система источников права, как и право в целом, относится именно к таким системам.

Очень важное значение имеет применение исторического метода. Система источников права – живое, развивающееся явление, у нее есть этапы зарождения и развития. Исследование эволюции как системы в целом, так и составляющих ее отдельных источников позволяет лучше понять общие закономерности формирования отечественного права и даже построить прогноз на будущее. Исторический метод может быть дополнен историко-сравнительным, так как на разных этапах у системы источников права мог быть и разный элементный состав и разное соотношение между отдельными источниками, и разные закономерности развития. В этом отношении для исследователя открываются богатые перспективы, позволяющие получить новое историко-правовое и теоретико-правовое знание.

Еще один немаловажный методологический подход связан с возможностью провести компаративное исследование, сопоставить источники права Российской империи с источниками права зарубежных государств. В данном случае речь может идти как о синхронном, так и о диахронном сравнении. Кроме того, можно сравнивать и отдельные источники, и целые системы таких источников. Например, можно сравнить систему источников права, существовавшую в Российской империи начала девятнадцатого столетия с системой источников права Франции в этот же период. В этом слу-

чае станет более понятно, почему России пошла по пути систематизации законодательства, какой опыт она имела возможность использовать и в каких пределах.

Классические подходы к методологии позволяют также использовать формально-юридический метод, так как рассмотрение особенностей системы источников права не представляется возможным без обращения к отдельным конкретным источникам. Например, исследование системы источников права Российской империи XIX века невозможно без обращения к нормам Свода законов Российской империи, без анализа тех актов, которые в него вошли.

В современных условиях наука переходит к новой, постнеклассической парадигме²⁶⁹. В рамках юриспруденции начинает формироваться постклассическая теория права, представленная такими учеными, как И.Л. Честнов, В.И. Павлов, Е.М. Крупеня и другие²⁷⁰. Новая научная рациональность предполагает обращение к новой методологии, которая обладает богатым познавательным потенциалом, в том числе и в отношении исследования системы источников права. Как справедливо отмечает И.Л. Честнов, «Одним из важнейших положений постклассической методологии является междисциплинарность как реализация принципа дополнительности в организации научных исследований. Умение увидеть старые проблемы под новым углом зрения, с позиций метауровня научного знания обеспечивает достижение научной новизны теоретического, концептуального уровня»²⁷¹.

По мнению сторонников постклассической юриспруденции, исследование источников права целесообразно начинать с лингвистического аспекта. Социальная реальность определяется речью, знаково-символическими формами. Исходя из этого, предлагается понимать источник права как то, откуда оно происходит, то есть фактически как механизм правообразования²⁷². По мнению И.Л.

²⁶⁹ Пашенцев Д.А. Методологические проблемы современной историко-правовой науки // Право и образование. – 2013. – № 1. – С. 4.

²⁷⁰ Честнов И.Л. Политическая юриспруденция как междисциплинарное направление в постклассической юридической науке // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». – 2023. – № 2. – С. 81.

²⁷¹ Честнов И.Л. Постклассическая методология юридических исследований // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2020. – № 2. – С. 15.

²⁷² Честнов И.Л., Сидоренкова М.К. Источник права как механизм правообразования (на примере института *reine forte et dure* в средневековой Ан-

²⁶⁸ Коркунов Н.М. Указ и закон. – СПб.: 1894. – 408 с.

Честнова, «источник права представляет собой правовую инновацию, разрабатываемую и вносимую в правовую систему данного социума»²⁷³. Такой подход также представляется весьма перспективным. Он позволяет конструировать понимание системы источников права в контексте ее социальной обусловленности, во взаимосвязи ее развития с социально-психологическими факторами. При таком подходе можно понять, за счет каких скрытых социальных механизмов происходит формирование источников права с присущими ей специфическими характеристиками.

В целом, использование как классических, так и постклассических методов научного исследования позволяет надеяться на получение новых результатов при исследовании системы источников права в Российской империи.

Список литературы

1. Коркунов Н.М. Указ и закон. – СПб., 1894. – 408 с.
2. Д. А. Пашенцев, М. В. Залоило, Дорская А. А. и др. Цифровизация правоприменения: поиск новых решений: монография / Под ред. Д.А. Пашенцева. – М.: ООО «Инфотропик Медиа», 2022. – 140 с.
3. Честнов И.Л. Политическая юриспруденция как междисциплинарное направление в постклассической юридической науке // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». – 2023. – № 2. – С. 80-87.
4. Честнов И.Л. Постклассическая методология юридических исследований // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2020. – № 2. – С. 14-21.
5. Честнов И.Л., Сидоренкова М.К. Источник права как механизм правообразования (на примере института *reine forte et dure* в средневековой Англии) (продолжение следует) // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». – 2011. – № 1. – С. 36-43.

глии) (продолжение следует) // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». – 2011. – № 1. – С. 37.

²⁷³ Там же. – С. 38.

Учение С.А. Муромцева как основоположника социологической юриспруденции в России

Аннотация. В статье исследуется социологический подход к праву выдающегося отечественного правоведа С.А. Муромцева, который внес существенный вклад в разработку теоретико-методологического инструментария, необходимого для изучения права как социального явления. В свою очередь это способствовало новому этапу развития социологической теории права и отечественной юриспруденции в целом.

Ключевые слова: С.А. Муромцев, социологическая юриспруденция, теоретико-методологический инструментарий, право-понимание, теория права, социология права

The teaching of S.A. Muromtsev as the founder of sociological jurisprudence in Russia

Abstract. The article examines the sociological approach to law of the outstanding Russian jurist S.A. Muromtsev, who made a significant contribution to the development of theoretical and methodological tools necessary for the study of law as a social phenomenon. In turn, this contributed to a new stage in the development of the sociological theory of law and domestic jurisprudence in general.

Keywords: S.A. Muromtsev, sociological jurisprudence, theoretical and methodological tools, legal understanding, theory of law, sociology of law.

Вторая половина XIX века ознаменована необходимостью в изучении права как социального явления. Это связано с имеющейся потребностью в регулировании социально-правовых

* МОТОВА ЕКАТЕРИНА АНДРЕЕВНА (Россия, Москва), младший научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации»;

MOTOVA EKATERINA ANDREEVNA, Junior Researcher of the Department of Theory of Law and Interdisciplinary Studies of Legislation at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

механизмов общественных отношений²⁷⁴, однако отсутствие методологии исследований социально-правовых явлений не позволяло в полной мере выполнить эту задачу.

В плеяде философов и теоретиков права, работавших на юридическом факультете Московского университета особым образом знаменателен профессор Муромцев Сергей Андреевич. Во время научной стажировки в Германии он изучал право в Лейпцигском университете²⁷⁵, был слушателем лекций Рудольфа фон Иеринга и познакомился с его идеями, которые впоследствии развивал в своих трудах, став идейным учеником немецкого профессора²⁷⁶. Успешно совмещал преподавательскую и научную деятельность с общественно-политической работой – являлся признанным главой конституционного движения в России, членом и одним из лидеров кадетской партии, председателем Первой Государственной Думы²⁷⁷.

Критически усвоив учение Р. Иеринга, С.А. Муромцев выдвинул свою версию социологической теории права. Но для того, чтобы исследовать право, как социальное явление, С.А. Муромцеву пришлось разработать теоретико-методологический инструментарий, который был необходим для такой работы.

При разработке своей теории, учитывая всю сложность и разнородность правовых явлений, С.А. Муромцев придавал особое значение вопросам, связанным с предметом и методами социологии права. Это способствовало созданию основы для основательного и всестороннего изучения всего многообразия правовых явлений и их взаимосвязи со всеми сферами социальной жизни²⁷⁸.

²⁷⁴ Черногор Н.Н., Пашенцев Д.А. Правовой порядок: доктринальные подходы, методы и актуальные направления исследования // Журнал российского права. – 2017. – №8 (248). – С. 5-16; Власенко Н.А., Залоило М.В. М. Н. Гернет и основные вехи развития социологической школы права // Журнал российского права. – 2015. – № 6 (222). – С. 161-162.

²⁷⁵ Бочкарева В. И. Становление и развитие социологии права в России (вторая половина XIX начало XX веков) // Социология науки и технологий. – 2014. – Том 5. – № 2. – С 44; 12; Попова А.В. Неолиберальный тип правопонимания в России (вторая половина XIX - начало XX В.) // Журнал российского права. – 2013. – № 1. – С. 111.

²⁷⁶ Горбань В.С. Критика концепции борьбы за право Иеринга в досоветской философско-правовой и юридической литературе // Теория и практика общественного развития. – 2017. – № 4. – С. 86.

²⁷⁷ Медушевский А.Н. Диалог со временем. Российские конституционалисты конца XIX-XX века / Медушевский А.Н. – М.: Новый хронограф, 2010.– С. 20.

²⁷⁸ Бочкарева В.И. Разработка теоретико-методологических оснований социологии права в России // ЖССА. – 2010. – № 1. – С. 39, 42-43.

С.А. Муромцев в своей монографии «Определение и основное разделение права» дает полное представление о праве и его элементах. Это позволило ему сформулировать важную для социологии права методологическую задачу, которая заключается в подчеркивании и противопоставлении права как совокупности установленных государством правовых норм и права как социального явления²⁷⁹.

Интерпретируя право как социальное явление С.А. Муромцев утверждал, что оно (право) напрямую связано с обществом и общественной жизнью. Хотя это утверждения и так было общепризнано в юридической литературе, однако С.А. Муромцев считал, что традиционная юриспруденция не дает той методологической базы, которая необходима для подобного рода исследований²⁸⁰.

С.А. Муромцев полагал, что философия права не может стать методологической основой социологической теории права ведь в таком случае правовые явления будут «растворяться» в разных философских системах, но это абсолютно не значило, что С.А. Муромцев исключал возможность использования философии права в теоретико-правовых исследованиях. Для него было крайне важно среди всего имеющегося методологического многообразия выявить именно те методы, которые способны были бы дать характеристику юриспруденции в качестве социального явления.

Изучая право в объективном и субъективном смыслах (с точки зрения методологии), С.А. Муромцев признавал преимущества субъективного права над объективным. Это позволило ему выявить проблему, связанную с изучением права как социального явления. Основным, но не единственным признаком субъективного права С.А. Муромцев признавал его связь не только с индивидами (личностями, физическими лицами), но и с коллективами, организованными личностями, формальными, юридическими лицами. Субъективное право представляет собой определенную степень (меру) свободы субъекта права (как физического, так и формального лица) в его самостоятельной деятельности, взаимодействии с другими индивидами, социальными группами, структурами, институтами общества. Такая мера обуславливается нормативно-правовыми рамками, то есть объективным правом во всех формах его проявле-

²⁷⁹ Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. –М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1879. – С. 15, 38.

²⁸⁰ Бочкарева В.И. Разработка теоретико-методологических оснований социологии права в России // ЖССА. – 2010. – №1. – С. 43.

ния. Как физические, так и юридические лица (группы, союзы, сообщества, корпорации) будучи в рамках этой нормативной базы имеют права и обязанности по отношению к другим. Они уполномочены определять сферу своей деятельности, а также свое имущество, которым вправе владеть, пользоваться, распоряжаться, а также защищать его (заключать соглашения, предъявлять претензии, иски и отвечать по ним)²⁸¹. Таким образом, С.А. Муромцев первый пришел к выводу о том, что при изучении социальной природы права приоритет имеет субъективное право.

В других своих работах С.А. Муромцев пытался выяснить роль судьи в разработке права и дал точное разделение догмы права, истории и политики права. Этот подход нашел свое выражение в противоречивом труде «Что такое догма права?», ставший манифестом нового в то время направления в русской теоретической юриспруденции – социологической школы права. Придавая перво-степенное значение правовым отношениям, основанным на личных интересах, общественным группам и общественным союзам, С.А. Муромцев отмечал, что под последними следует понимать субъекты цели или так называемые целевые центры, о которых писал Р. Иеринг в сочинении «Цель в праве»²⁸². В основе теории С.А. Муромцева лежат общественные интересы, возникающие в различных отношениях, регулирование которых осуществляется посредством различных санкций: правовых, нравственных, религиозных и других. При этом он считал, что на каждое отношение могут быть применены несколько санкций одновременно²⁸³.

По мнению ученого, отношения, соблюдаемые по привычке, имеют особую силу, и именно по этой причине не нуждаются в юридической санкции. Важность правовой защиты должна придаваться только тем отношениям, которые еще недостаточно прочны и требуют дополнительных гарантий со стороны государства²⁸⁴.

²⁸¹ Бочкарева В.И. Разработка теоретико-методологических оснований социологии права в России // ЖССА. – 2010. – №1. – С. 44-45.

²⁸² Горбань В.С. Правовое учение Иеринга и его интерпретации: дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. – М., 2019. – С. 400; Мотова Е.А. Влияние идей Рудольфа фон Иеринга на становление русской правовой мысли XIX века // Теория государства и права. – 2021. – № 3 (24). – С. 112.

²⁸³ Горбань В.С. Правовое учение Иеринга и его интерпретации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. – М., 2019. – С. 338.

²⁸⁴ Рассолов М.М. История политических и правовых учений: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / М.М. Рассолов. – 2-е изд., перераб. И доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. – С. 338.

Однако форма правового существования также не является неотъемлемой частью отношений. Первоначально правовая защита должна быть обеспечена только в том случае, если отношения содержат элемент случайности, однако впоследствии, возможно, они станут крепкой и привычной нормой в обществе и не потребуют государственного вмешательства. По мнению С. А. Муромцева, юридические санкции предусматривают лишь те части публичных отношений, которые признаются более важными для интересов личности и государства и не может быть обеспечена иначе, как силой государственного принуждения²⁸⁵.

С. А. Муромцев писал, что содержание правопорядка затрагивает интересы и отношения социальных групп, которые состоят из союзов разной степени общности (дружеские кружки, семья, сословие, партия, государство). Форма их защиты зависит от характера отношений внутри этих общественных групп. Защита интересов любой группы населения осуществляется способом, который не является заранее определенным, а определяется в каждом конкретном случае в соответствии с обстоятельствами.

Такую форму защиты С. А. Муромцев назвал «неорганизованной защитой», а сами отношения, гарантированные таким образом от нарушений – «правовыми». Правовые отношения он характеризовал как те, что обязательны для определенного общества интересов отдельных лиц и их объединений. Если эти отношения и интересы признаются обществом, то они получают «неорганизованную защиту» со стороны общества и социальных групп. Однако когда сталкиваются несколько различных интересов, то «неорганизованной защиты» уже недостаточно для защиты нарушенных прав и в этом случае нужно обращаться за защитой нарушенного права к государственным органам, т.е. к «организованной защите». Ее действия жестче и потому убедительнее, чем у неорганизованной формы. Она «вручается» общественным властям, должностным лицам, судьям, государственным органам. Их действия должны быть точны, обозначены четкие формы и границы их компетенции, должен быть определен порядок принятия решений. Организованную форму защиты С.А. Муромцев называл юридической²⁸⁶.

Сергей Андреевич различал «юридические» и «правовые» формы защиты, утверждая, что между ними нет четкого предела, особенно в период развитого гражданского общества. В этом слу-

²⁸⁵ Рассолов М.М. Указ. соч. – С. 338-339.

²⁸⁶ Рассолов М.М. Указ. соч. – С. 339.

чае в обществе действует и получает государственное закрепление особый, частный и групповой, не зависимый от государства интерес. Юридические нормы, создаваемые государством, заявляя ученым, не всегда соответствуют правовому порядку, существующему в данном обществе. Бывают случаи, когда положения норм и правопорядок противоречат друг другу, но бывают также случаи, когда правопорядок противоречит правовым нормам. В результате не защищается то, «что предписано в норме, но напротив, будет защищаться нечто, совершенно тому враждебное»²⁸⁷. Тем не менее, С.А. Муромцев отмечал, что государственная власть не является абсолютной. В обществе есть другие силы, влияющие на правовой порядок, к примеру, настроения в обществе и внешние условия. Деятельности власти при установлении юридического характера отношений ограничивается установленными фактами притязаний у субъекта права по отношению к правонарушителям. Следовательно, именно в форме притязаний устанавливаются юридические отношения.

Сергей Андреевич возлагал большие надежды на преодоление противоречий между юридическими нормами и правовым порядком на правосудье и другие правоприменительные органы. По его мнению, у этих органов всегда должна быть возможность приводить действующий правопорядок в соответствие с принципом справедливости. По утверждению С.А. Муромцева законодательная реформа – единственный реальный способ отстоять справедливость, однако всецело полагаться на нее тоже не следует, так как они (законодательные реформы) могут быть приняты с опозданием²⁸⁸.

Из правоведов своего времени С.А. Муромцев первым отметил необходимость теоретического исследования права с социологической точки зрения, предложив теоретико-методологический инструментальный необходимый для изучения права как социального явления.

Особенность концепции С.А. Муромцева заключается в том, что он отстаивал право как систему правовых отношений, основанных на конкретных интересах людей в рамках гражданского общества. По его глубокому убеждению, право создается не только государственными органами, «сверху», но и в процессе развития общественных отношений, т.е. «снизу». Право, создаваемое подоб-

ным образом, нуждается в государственных гарантиях от нарушений с помощью «организованной защиты». Главную роль в этом процессе С. А. Муромцев отводил судам, организованным на современной цивилизованной основе. Его основной задачей является юридическая охрана правовых интересов²⁸⁹.

Как верно отмечает В.В. Лапаева: «...социологический подход к праву сыграл важную роль в развитии отечественной юриспруденции, обогатив ее идеями и методами бурно развивающейся социологической науки. Не менее важным является тот факт, что разработанные в рамках данного подхода концепции права как социального явления, обусловленного реальным состоянием общественных отношений и объективными потребностями развития общества, способствовали либерализации общественно-политической жизни страны»²⁹⁰.

Именно поэтому социологическая школа права сосредоточилась на постановке правовых вопросов в широком социальном контексте. На основе материалов историко-социологических исследований правоведы пытаются определить закономерности развития общественной жизни, выявить повторяемость правовых явлений и их причинно-следственные связи с другими явлениями окружающей действительности. Современные правоведы, как и классики XIX в., продолжают исследовать правовое государство не изолированно, а в рамках систем общественных отношений, которые изменяются на каждом новом этапе развития общества и государства²⁹¹.

Список литературы

1. Бочкарева В. И. Становление и развитие социологии права в России (вторая половина XIX начало XX веков) // Социология науки и технологий. – 2014. – Том 5. – № 2. – С. 39-48.
2. Бочкарева В.И. Разработка теоретико-методологических оснований социологии права в России // ЖССА. – 2010. – №1. – С. 34-49.

²⁸⁹ Попова А.В. Неолиберальный тип правопонимания в России (вторая половина XIX - начало XX в.) // Журнал российского права. – 2013. – №1. – С. 106.

²⁹⁰ Лапаева В.В. Социология права в современной России: основные направления исследований // Современная социология права. – 2013. – № 2013. – С.12.

²⁹¹ См.: Черногор Н.Н., Пашенцев Д.А. Правовой порядок: доктринальные подходы, методы и актуальные направления исследования // Журнал российского права. – 2017. – №8 (248). – С. 5-16; Власенко Н.А., Залоило М.В. М. Н. Гернет и основные вехи развития социологической школы права // Журнал российского права. – 2015. – №6 (222). – С. 166-170 и др.

²⁸⁷ Рассолов М.М. Указ. соч. – С. 339.

²⁸⁸ Рассолов М.М. Указ. соч. – С. 339-340.

**Роль историко-правового подхода в изучении
организационно-правовых форм развития физической
культуры и спорта в Российской империи**

3. Власенко Н.А., Залоило М.В. М. Н. Гернет и основные вехи развития социологической школы права // Журнал российского права. – 2015. – №6 (222). – С. 166-170.
4. Горбань В.С. Правовое учение Иеринга и его интерпретации: дис. ... доктора юридических наук: 12.00.01. – М., 2019. – 578 с.
5. Горбань В.С. Критика концепции борьбы за право Иеринга в досоветской философско-правовой и юридической литературе // Теория и практика общественного развития. – 2017. – №4. – С. 84-88.
6. Лапаева В.В. Социология права в современной России: основные направления исследований // Современная социология права. – 2013. – № 2013. – С. 10-30.
7. Медушевский А.Н. Диалог со временем. Российские конституционалисты конца XIX-XX века / Медушевский А.Н. – М.: Новый хронограф, 2010. – 488 с.
8. Муромцев С.А. Что такое догма права? – М., 1885. – 35 с.
9. Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. – М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1879. – 250 с.
10. Мотова Е.А. Влияние идей Рудольфа фон Иеринга на становление русской правовой мысли XIX века // Теория государства и права. – 2021. – № 3 (24). – С. 110-115.
11. Попова А.В. Неолиберальный тип правопонимания в России (вторая половина XIX - начало XX в.) // Журнал российского права. – 2013. – №1. – С. 103-108.
12. Рассолов М.М. История политических и правовых учений: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / М.М. Рассолов. – 2-е изд., перераб. И доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 431 с.
13. Черногор Н.Н., Пашенцев Д.А. Правовой порядок: доктринальные подходы, методы и актуальные направления исследования // Журнал российского права. – 2017. – №8 (248). – С. 5-16.

Аннотация. В статье рассматриваются гносеологические и методологические аспекты историко-правового подхода применительно к исследованию организационно-правовых форм развития физической культуры и спорта в Российской империи. Актуальность работы предопределена назревшей необходимостью проведения научных исследований, направленных на создание обновленной модели организационно-правового развития отечественной сферы физической культуры и спорта в условиях усилившихся акцентов на социокультурную идентичность российского государства и общества. Подтверждение гипотезы о востребованности принципа историзма обосновывается философско-правовыми взглядами ведущих ученых в области юриспруденции дореволюционного, советского и современного периодов. Особый интерес к дореволюционному этапу развития физкультурно-спортивных отношений объясняется фактологическим рядом, доказывающим, что реформаторская деятельность, проведенная в Российской империи, обусловила возникновение и правовую институционализацию государственной системы физической культуры и спорта. На основании изложенного предлагается перспективное видение дальнейших научно-практических задач, обладающих собирательным целеполаганием и подтверждающих стратегически важную роль применения историко-правового подхода в контексте продолжения заявленного исследования.

* САМОЙЛОВА АЛИНА АНДРЕЕВНА (Россия, Санкт-Петербург), аспирант кафедры теории права и гражданско-правового образования ФГБОУВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена» (научный руководитель – Дорская А.А., профессор кафедры международного права ФГБОУВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», доктор юридических наук, профессор); SAMOILOVA ALINA ANDREEVNA, Postgraduate Student at the Department of Theory of Law and Civil Law Education of Herzen University (academic advisor – Dorskaya A.A., Professor at the Department of International Law of Herzen University, Doctor of Law, Professor).

Ключевые слова: дореволюционный период, методология, историко-правовой подход, спорт, физическая культура, физическое воспитание.

The role of the historical and legal approach in the research of organizational and legal forms of physical culture and sports development in the Russian Empire

Abstract. The article deals with epistemological and methodological aspects of the historical and legal approach in relation to the research of organizational and legal forms of physical culture and sports development in the Russian Empire. The relevance of this work is predetermined by the urgent necessity to conduct scientific research aimed at creating an updated model of the organizational and legal development of the domestic sphere of physical culture and sports in the context of increased emphasis on the sociocultural identity of the Russian state and society. Confirmation of the hypothesis about the demand for the principle of historicism is substantiated by the philosophical and legal views of leading scientists in the field of jurisprudence of the pre-revolutionary, soviet and modern periods. Particular interest in the pre-revolutionary stage of physical culture and sports relations development is explained by a series of facts proving that the reform activities carried out in the Russian Empire led to the emergence and legal institutionalization of the physical culture and sports state system. Based on the foregoing, a perspective vision of further scientific and practical tasks is proposed, which have a collective goal setting and confirm the strategically important role of applying the historical and legal approach in the context of continuing the stated research.

Keywords: pre-revolutionary period, methodology, historical and legal approach, sports, physical culture, physical education.

В текущих реалиях, сопряженных с остросоциальными вызовами современности и, как следствие, динамично меняющимися тенденциями развития всех областей общественной жизни, государственно-правовые институты призваны своевременно стабилизировать возникающие диссонансы посредством законодательного, правоприменительного и иного легального инструментария. Так, например, предназначение закона состоит в «прояснении направлений общественного движения для придания людям уверенности

при решении конкретных проблем»²⁹². Очевидно, что эффективность подобных мероприятий в различных сферах может варьироваться. К сожалению, обозначая объектом исследования общественные отношения в области физической культуры и спорта, на сегодняшний день приходится констатировать выраженные негативные аспекты, связанные с отсутствием свойств актуализированности и когерентности в положениях «профильного» законодательного массива и государственной политики по вопросам регулирования физкультурно-спортивных отношений на различном уровне²⁹³.

Как представляется, создание обновленной модели организационно-правового развития отечественной сферы физической культуры и спорта должно быть основано на научных исследованиях, целеполагание проведения которых обусловлено необходимостью поиска новых путей развития в условиях усилившихся акцентов на социокультурную идентичность российского государства и общества²⁹⁴. При этом, как следует из заявленной темы статьи, автором настоящей работы преследуется искренняя убежденность в том, что юридическое исследование в указанной области можно и нужно проводить с использованием историко-правовой методологии. Данную гипотезу видится уместным обосновать следующими суждениями.

С гносеологической точки зрения формирование нового знания традиционно базируется на изучении предшествующего опыта (как положительного, так и негативного)²⁹⁵. С методологического ракурса историко-правовой подход также признавался неотъемле-

²⁹² Шатковская Т.В. Применение исторического метода как неперемное условие действительности современного законодательства // Историко-правовая наука в условиях современных социальных трансформаций: сборник научных статей по итогам Всероссийского форума историков права, Санкт-Петербург, 10-11 июня 2022 г. / Под ред. А.А. Дорской и Д.А. Пашенцева. – Саратов: Саратовский источник, 2022. – С. 97.

²⁹³ Самойлова А.А. Профессиональный спорт в Российской Федерации: о пробелах и перспективах правового регулирования // Российское право онлайн. – 2020. – № 4. – С. 17-21.

²⁹⁴ Лидерство и массовость. Совет при президенте обсудил спортивные цели России до 2030 года // Информационное агентство ТАСС. – URL: <https://tass.ru/sport/9642545> (Дата обращения: 15.05.2023 г.).

²⁹⁵ Камалова Г.Т., Егорова О.А. Роль исторического подхода в юридическом познании в контексте современной философии и методологии науки // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2022. – Т. 22. – № 2. – С. 95.

мым на всех этапах развития российской государственности. Так, авторитетный представитель юридической науки дореволюционной эпохи Г.Ф. Шершеневич подходил к вопросу изучения цивилистических категорий и институтов с рассмотрения исторических основ, которые, по его мнению, «составляют необходимое, предварительное условие для систематического исследования права»²⁹⁶. В советский период о принципе историзма как методе анализа правовых явлений и процессов положительно отзывался, например, А.Б. Венгеров²⁹⁷. На современном этапе представителем постклассической теории права И.Л. Честновым также отмечается, что «право обусловлено историческим и социокультурным контекстом»²⁹⁸, что подтверждает текущую актуальность историко-правового подхода в юридической науке.

Возвращаясь к физкультурно-спортивным общественным отношениям как объекту научного исследования, также отметим, что смену парадигм в данной области можно классифицировать по традиционным хронологическим этапам – дореволюционному, советскому и современному²⁹⁹. При этом особый интерес вызывает именно дореволюционный период, поскольку реформаторская деятельность, проведенная в Российской империи, обусловила возникновение и правовую институционализацию государственной системы физической культуры и спорта³⁰⁰. В данном свете историко-правовой метод может помочь в проведении факторного анализа в пространственно-временном разрезе с целью выявления причин и условий, обусловивших закономерности развития отдельных организационно-правовых форм в сложившейся системе.

В подтверждение можно обратиться к историческому экскурсу, связанному с политической обстановкой в мире во второй половине XIX – начале XX веков. Следует отметить, что толчком к усилению государственного влияния на сферу физической культуры и спорта в данный период явилась необходимость укрепления уровня

²⁹⁶ Шершеневич Г.Ф. Наука гражданского права в России. – М.: Изд. МГУ, 2003. – С. 18.

²⁹⁷ Венгеров А.Б. Теория государства и права: часть II. Теория права. Том I. – М.: Юрист, 1996. – С. 22.

²⁹⁸ Честнов И.Л. Правовая реальность как предмет постклассической философии права // Российский журнал правовых исследований. – 2019. – Т. 6. – № 2 (19). – С. 30.

²⁹⁹ Чесноков А.Н. Российское законодательство о физической культуре и спорте: история и современность: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – 157 с.

³⁰⁰ Там же. – С. 112.

военно-физической подготовки армии и флота, силами которых ведущие страны мира проводили военные кампании либо обороняли свою территорию. Безусловно, одним из участников этой геополитической борьбы являлась и Российская империя. Таким образом, предпосылкой к институционализации государственной системы регулирования физкультурно-спортивных отношений выступили военные кампании с участием России.

Кроме того, следует акцентировать взгляд на социально-экономических предпосылках развития локального нормативного регулирования физкультурно-спортивных отношений, представленных такими тенденциями, как: промышленная революция, улучшение транспортной логистики и средств связи, возросшее внимание к правам человека. Новый уровень жизни, как правило, сопровождался образовательными реформами, при реализации которых стала постепенно формироваться тенденция к развитию массового физического воспитания и спорта. В исследовании, проведенном Дж. Лукасом, совокупность военно-политических и социально-экономических предпосылок позволяет установить их связь с повсеместным развитием множества видов спорта, в числе которых были: легкая атлетика, гимнастика, футбол, езда на велосипеде, гребля, ходьба, борьба и другие³⁰¹. Приведем убедительные статистические данные: больше половины из ста ведущих современных видов спорта получили бурное развитие в XIX веке³⁰². В 1880-х – 1890-х гг. в России из местных инициатив стали создаваться национальные спортивные клубы и общества, проводиться спортивные соревнования, усложняться правила и регламенты³⁰³, как следствие, складывалось локальное нормативное регулирование в рассматриваемой сфере.

Не оставляет сомнений и тот факт, что масштабирование эмпирических сведений в нашем исследовании организационно-правовых форм развития физической культуры и спорта в Российской империи в дальнейшем потребует мероприятий по систематизации нормативно-правового массива, регулирующего данную об-

³⁰¹ Lucas J.A. Baron Pierre de Coubertin and the formative years of the modern international Olympic movement (1883-1896). Dr. ed. sci. diss. – Maryland, 1962. – P. 58-61.

³⁰² Eyler M.H. Origins of Some Modern Sports. Dr. ph. sci. diss. – Illinois, 1956. – P. 205.

³⁰³ Чистяков А.Л. Возникновение и пути становления спортивных обществ и клубов в Российской империи: социально-педагогический аспект: дис. ... канд. пед. наук. – Малаховка, 1999. – 157 с.

ласть общественных отношений. В историко-правовом ракурсе, рассмотренном в монографии А.А. Дорской, проведение систематизации законодательства как самостоятельного исследовательского вектора следует рассматривать в качестве способа преодоления кризисных явлений в праве³⁰⁴. В качестве теоретико-правового ориентира здесь следует отметить диссертацию А.А. Соловьева, в которой представлены отечественные и зарубежные модели систематизации законодательства о спорте³⁰⁵.

Дополняя перечень перспективных задач заявленного автором исследования, видится возможным также опираться на ориентиры в использовании историко-правового метода, сформулированные В. Г. Графским, а именно:

- анализ общих и частных аспектов в эволюции правового регулирования общественных отношений;
- детерминация родовых связей между отдельными структурными элементами, составляющими изучаемые правовые явления и процессы;
- выявление свойств преемственности («генетических связей») в развитии рассматриваемых правовых институтов, принципов и доктрин³⁰⁶.

Таким образом, представляется справедливым заключить, что историко-правовой подход заслуженно входит в число основополагающих методологических начал в правовой доктрине и переживает ренессанс востребованности в современной юриспруденции³⁰⁷.

В контексте заявленного исследования организационно-правовых форм развития физической культуры и спорта в Российской империи роль историко-правового подхода характеризуется

многоаспектными перспективами, в числе которых, например: 1) содействие осмыслению роли физической культуры и спорта как значимого социального явления, требующего эффективного правового регулирования; 2) определение этапов возникновения и правовой институционализации государственной системы физической культуры и спорта в России; 3) выявление пространственно-временных, причинно-следственных, факторных и иных закономерностей развития и взаимодействия отдельных организационно-правовых форм указанных институтов; 4) проведение систематизации нормативно-правовых актов, составляющих основу для регулирования физкультурно-спортивных отношений в указанный период; 5) определение теоретико-эмпирического базиса для укрепления процесса преемственности в правовом развитии российского государства в целом и области регулирования физической культуры и спорта в частности. Последняя из указанных в данном перечне возможностей видится собирательным целеполаганием, подтверждающим стратегически важную роль применения историко-правового подхода в нашем исследовании, поскольку ее реализация предопределяет способность обеспечить правовую «органичность» в регулировании симметричных общественных отношений на современном этапе развития российской государственности, где под «органичностью» как неким достижением совместной теоретико-практической мысли можно будет понимать системную организованность и одновременно аутентичность правового регулирования отечественной сферы физической культуры и спорта, построенного на началах преемственности предшествующих эпох и неповторимого национального менталитета.

Список литературы

1. Венгеров А.Б. Теория государства и права: часть II. Теория права. Том I. – М.: Юристъ, 1996. – 166 с.
2. Графский В.Г. Сравнительная философия права: актуальные аспекты изучения ее истории и методологии // Методология сравнительно-правовых исследований. Жидковские чтения: материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 30 марта 2012 г. / Под ред. Г.И. Муромцева, М.В. Немьиной. – М.: РУДН, 2013. – С. 35-42.
3. Дорская А.А. Кризисные явления в праве и пути их преодоления: теоретический и историко-правовой анализ: монография. – СПб.: Астерион, 2021. – 160 с.

³⁰⁴ Дорская А. А. Кризисные явления в праве и пути их преодоления: теоретический и историко-правовой анализ: монография. – СПб.: Астерион, – 2021. – С. 105-120.

³⁰⁵ Соловьев А.А. Систематизация законодательства о спорте: российский и зарубежный опыт: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2011. – 440 с.

³⁰⁶ Графский В.Г. Сравнительная философия права: актуальные аспекты изучения ее истории и методологии // Методология сравнительно-правовых исследований. Жидковские чтения: материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 30 марта 2012 г. / Под ред. Г.И. Муромцева, М.В. Немьиной. – М.: РУДН, 2013. – С. 35-37.

³⁰⁷ Пашенцев Д.А. Историко-правовая наука в условиях новой научной рациональности // Историко-правовая наука в условиях современных социальных трансформаций: сборник научных статей по итогам Всероссийского форума историков права, Санкт-Петербург, 10-11 июня 2022 г. / Под ред. А.А. Дорской и Д.А. Пашенцева. – Саратов: Саратовский источник, 2022. – С. 22.

4. Камалова Г.Т., Егорова О.А. Роль исторического подхода в юридическом познании в контексте современной философии и методологии науки // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2022. – Т. 22. – № 2. – С. 91-103.

5. Пашенцев Д. А. Историко-правовая наука в условиях новой научной рациональности // Историко-правовая наука в условиях современных социальных трансформаций: сборник научных статей по итогам Всероссийского форума историков права, Санкт-Петербург, 10-11 июня 2022 г. / Под ред. А.А. Дорской и Д.А. Пашенцева. – Саратов: Саратовский источник, 2022. – С. 22-27.

6. Самойлова А.А. Профессиональный спорт в Российской Федерации: о пробелах и перспективах правового регулирования // Российское право онлайн. – 2020. – № 4. – С. 17-21.

7. Соловьев А.А. Систематизация законодательства о спорте: российский и зарубежный опыт: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2011. – 440 с.

8. Чесноков А.Н. Российское законодательство о физической культуре и спорте: история и современность: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – 157 с.

9. Честнов И. Л. Правовая реальность как предмет постклассической философии права // Российский журнал правовых исследований. – 2019. – Т. 6. – № 2 (19). – С. 28-34.

10. Чистяков А.Л. Возникновение и пути становления спортивных обществ и клубов в Российской империи: социально-педагогический аспект: дис. ... канд. пед. наук. – Малаховка, 1999. – 157 с.

11. Шатковская Т.В. Применение исторического метода как непереносимое условие действительности современного законотворчества // Историко-правовая наука в условиях современных социальных трансформаций: сборник научных статей по итогам Всероссийского форума историков права, Санкт-Петербург, 10-11 июня 2022 г. / Под ред. А.А. Дорской и Д.А. Пашенцева. – Саратов: Саратовский источник, 2022. – С. 96-105.

12. Шершеневич Г.Ф. Наука гражданского права в России. – М.: Изд. МГУ, 2003. – 247 с.

13. Eyler M.H. Origins of Some Modern Sports. Dr. ph. sci. diss. – Illinois, 1956. – 214 p.

14. Lucas J.A. Baron Pierre de Coubertin and the formative years of the modern international Olympic movement (1883-1896). Dr. ed. sci. diss. – Maryland, 1962. – 327 p.

*Школьный А.М.**

Защита экономических прав человека в Европейском суде по правам человека: исторический анализ

Аннотация. В статье устанавливается роль решений Европейского суда по правам человека для правовой системы Российской Федерации, а также проводится анализ одного из прецедентных судебных решений Европейского суда по правам человека, касающихся защиты экономических прав человека.

Ключевые слова: международное правосудие, права человека, экономические права, право собственности.

Protecting economic human rights in the European Court of Human Rights: historical analysis

Abstract. This study establishes the role of the decisions of the European Court of Human Rights for the legal system of the Russian Federation, and also analyzes one of the precedent court decisions concerning the protection of economic human rights.

Keywords: international justice, human rights, economic rights, right of property.

* ШКОЛЬНЫЙ АНДРЕЙ МАКСИМОВИЧ, специалист по обработке научной информации 1 категории отдела по организации научной и редакционно-издательской деятельности Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», студент 1 курса магистратуры факультета подготовки специалистов для судебной системы (юридического факультета) Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»;

SHKOLNYI ANDREY MAKSIMOVICH, Specialist in the processing of scientific information of the 1st category at the Department for the Organization of Scientific, Editorial and Publishing Activities of the Northwestern Branch of the Russian State University of Justice, 1st year Master's student of the Faculty of Training Specialists for the Judicial System (Law Faculty) of the Northwestern Branch of the Russian State University of Justice.

Анализ судебной практики Европейского суда по правам человека (далее также – Суд, ЕСПЧ), несмотря на то, что Российская Федерация более не является членом Совета Европы, позволяет обратить внимание государства на различные проблемные аспекты защиты прав человека, в том числе и экономических. Кроме того, возможным представляется, проведя анализ соответствующей судебной практики, перенять опыт по защите прав человека с учетом сложившихся особенностей развития российского общества. Интерес к теме исследования обусловлен, в частности, тем, что субъектами обращения в ЕСПЧ, главным образом, являются частные лица, права которых были нарушены государством. Таким образом, по существу наблюдается конфликт частных и государственных интересов. Разрешение таких споров позволяет выработать наиболее оптимальные решения, связанные с защитой прав человека.

Следует обратить внимание на то, что экономические права человека, как и социальные³⁰⁸, относятся ко второму поколению прав человека согласно классификации Карела Васака, которая была выдвинута им в 1977 г. в одной из своих статей³⁰⁹. Согласно позиции современных ученых, например, Ю.М. Прусакова и Д.Н. Дружинина, реализация прав данного поколения и включение соответствующих положений во внутригосударственное право нередко вызывает осложнения. Это обусловлено тем, что для реализации рассматриваемых прав от государства требуется предпринять активные действия в виде принятия нормативных правовых актов, а также мер по их дальнейшей реализации. В некоторых случаях это может навредить интересам государства³¹⁰. Таким образом, выявление проблемных аспектов защиты прав человека, в том числе экономических, позволит выработать механизмы по исправлению текущего положения, а также найти компромисс между интересами государства и защитой прав и свобод человека³¹¹.

³⁰⁸ Экономические и социальные права рассматриваются большей частью научного сообщества как неразрывно связанные.

³⁰⁹ Vasak K. A 30-year struggle. The sustained efforts to give force of law to the Universal Declaration of Human Rights // The UNESCO Courier: a window open on the world. Southern Africa at grips with racism. – 1977. – P. 29.

³¹⁰ Прусаков Ю. М., Дружинин Д. Н. Вопросы реализации и защиты экономических прав и свобод личности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2004. – № 1-2. – С. 61-62.

³¹¹ Пашенцев Д.А. Преамбула в структуре конституции: нормы права или политические декларации? // Вестник Академии права и управления. – 2013. – № 33. – С. 23.

Основным источником для проведения исследования является база данных Европейского суда по правам человека HUDOC, содержащая, в частности, сведения обо всех рассмотренных и рассматриваемых в суде спорах. Кроме того, фильтры, действующие в базе данных, позволяют упростить поиск необходимых дел по целому ряду критериев.

Таким образом, был осуществлен анализ некоторых дел, связанных с нарушением ст. 1 (защита собственности) Протокола № 1 к Европейской конвенции прав человека (далее – Протокол № 1).

Для более глубокого понимания темы исследования следует раскрыть содержание данной статьи, которая состоит из двух абзацев:

1) первый абзац рассматриваемой статьи устанавливает, что каждое физическое и юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности и не может быть лишено его кроме как в интересах общества на условиях закона страны, в которой имело место отчуждение, а также опираясь на принципы международного права;

2) второй абзац закрепляет за государствами право на принятие и реализацию законов, которые необходимы для осуществления контроля над использованием собственности в соответствии с интересами общества, а также в целях обеспечения уплаты налогов, других сборов или штрафов.

По результатам проведенного анализа следует обратить внимание на дело Спорронг (Sporrong) и Леннрот (Lönnroth) против Швеции, представляющее широкий интерес с точки зрения противопоставления интересов государства и частных лиц. Таким образом, в данном исследовании будет представлен анализ решения Европейского суда по правам человека от 23 сентября 1982 г. (по существу спора)³¹², а также упомянуто решение ЕСПЧ от 18 декабря 1984 г. (в части определения размера выплачиваемой компенсации)³¹³.

³¹² Case of Sporrong And Lönnroth v. Sweden (Judgment of September 23, 1982) // HUDOC. – URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57580> (Дата обращения: 12.07.2023 г.)

³¹³ Case of Sporrong And Lönnroth v. Sweden (Judgment of December 18, 1984) // HUDOC. – URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57579> (Дата обращения: 12.07.2023 г.).

В рассматриваемом деле заявители указывают на нарушение в их отношении ряда статей Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее также – Конвенция):

- 1) ст. 1 Протокола № 1 (защита собственности);
- 2) п. 1 ст. 6 (право на справедливое судебное разбирательство);
- 3) ст. 13 (право на эффективное средство правовой защиты);
- 4) ст. 14 (запрещение дискриминации);
- 5) ст. 17 (запрещение злоупотреблений правами);
- 6) ст. 18 (пределы использования ограничений в отношении прав).

Обстоятельства дела таковы: правительство Швеции (далее также – правительство) в 1956 г. выдало муниципалитету соответствующего района разрешение на отчуждение имущества в зоне, где были расположены 164 земельных участка, в связи с принятием плана по строительству и расширению Стокгольма. Среди этих участков оказалось два, которые принадлежали заявителям, что и повлекло за собой возникновение спора. Для определения суммы компенсации правительство в соответствии с местным законодательством установило для муниципалитета срок – 5 лет, который впоследствии был несколько раз продлен, вплоть до 1979 года. По мнению заявителей, вышеописанные обстоятельства привели к тому, что они де-факто утратили право распоряжения своим имуществом, что ущемило право собственности, которым они обладали. Как они указывали, это нарушило положения ст. 1 Протокола № 1. Следует также отметить, что с 1954 г. по 1979 г. действовал запрет строительства на упомянутых участках. Кроме того, заявители ссылались на то, что им так и не удалось в судебном порядке определить размер компенсации, поскольку сроки отчуждения неоднократно продлевались. Осуществить продажу участков заявителям также не удалось, поскольку, как они утверждали, участки могли быть изъяты из собственности в любой момент, что существенно снизило как их цену, так и спрос на них. Заявители также потребовали возмещения убытков, которые они понесли в результате невозможности пользования своим имуществом. Наконец, ЕСПЧ указал на то, что законодательство в 1972 году претерпело изменения, но не содержало положений, которые бы позволяли получить возмещение за убытки, причиненные ограничением в праве собственности, а сократить сроки действия запретов на строительство, которые было предусмотре-

но данным законом, в их случае не представлялось возможным (поскольку до этого сроки уже были продлены).

В первую очередь, Суд указал на обстоятельства дела и передал суть жалобы заявителей.

Правительство, в свою очередь, не отрицало факта, что принятые меры затруднили продажу, а также что запрет на строительство ограничил право собственности заявителей. В противовес оно утверждало, что эти обстоятельства являются закономерными мерами при городском планировании и не отразились на праве собственников на беспрепятственное пользование имуществом в контексте рассматриваемой статьи Конвенции.

ЕСПЧ с доводами правительства не согласился и, скорее, поддержал заявителей, указав на то, что в результате предоставления муниципалитету права на отчуждение упомянутых участков, права заявителей на это имущество стали «условными». Они могли быть отменены в любой момент, а также существенно ограничили возможность осуществления права собственности. Вместе с тем действовал и запрет на какое-либо строительство, преодолеть который можно было, лишь получив разрешение от властей.

В то же время, Суд признал, что между предпринятыми ограничениями (в отношении заявителей) и разрешениями (выданными муниципалитету) существовала тесная юридическая связь, поскольку они представляли собой комплекс мер, дополняли друг друга и служили одной цели – развитию города, то есть общественно-полезной цели.

Далее ЕСПЧ установил, какие нормы ст. 1 Протокола № 1 подлежат применению в данном деле:

1) Суд отвергнул применение второго предложения первого абзаца статьи (в части отчуждения имущества), поскольку фактически в данном случае экспроприации не произошло, хотя и де-факто право собственности было в существенной степени ограничено. Тем не менее, владельцы земельных участков могли осуществлять действия, направленные на их продажу, сдачу в аренду, пользоваться ими, наследовать их и осуществлять иные правомочия собственников;

2) ЕСПЧ также отвергнул применение второго абзаца рассматриваемой статьи, отметив: несмотря на то, что запрет строительства можно приравнять к контролю над имуществом в контексте данной статьи, они являлись лишь одним из шагов для осуществления отчуждения имущества, а потому более целесообраз-

ным полагается рассмотрение применимости первого предложения первого абзаца;

3) наконец, Суд признал, что в данном случае применимо лишь первое предложение первого абзаца. Проанализировав некоторые положения закона 1917 года Швеции об отчуждении имущества, Европейский суд по правам человека выявил разногласия между сторонами по вопросу законности действующего разрешения на отчуждение и по вопросу сроков судебного разбирательства о выплате компенсации. Он также напомнил сторонам, что не обязан и не считает необходимым принимать решение о толковании шведского законодательства. Далее в решении ЕСПЧ определил, что было нарушено равновесие между интересами личности и государства в пользу последнего. Представитель правительства соглашается с доводом Суда о необходимости соблюдения равновесия и указывает на некоторые положения упомянутого закона, которые, в частности, предусматривают невозможность отчуждения имущества в случае, если общественно-полезная цель может быть достигнута иными способами (т. е. без отчуждения). В подтверждение своей позиции Суд указал на то, что рассматриваемый закон, главным образом, направлен на защиту интересов государства и не содержит положений, которые бы могли облегчить бремя владельцев земельных участков, которые, в силу данного закона, в ряде случаев подлежат экспроприации. ЕСПЧ указал на продолжительность сроков действующих разрешений на отчуждение, которые составили 23 и 8 лет. В течение всего этого срока, как утверждал Суд, собственники земельных участков находились в состоянии полной неопределенности, поскольку в любой момент их имущество могло быть подвержено экспроприации. На попытки одного из заявителей разрешить возникшую ситуацию путем обращения в компетентные органы, был получен отрицательный ответ от муниципалитета со ссылкой на то, что планы перепланировки города не предусматривают отмены разрешения на отчуждения, а от правительства – о том, что разрешение на отчуждение не может быть отозвано без разрешения муниципалитета. Таким образом, правительство разработало план строительства города и выдало разрешение муниципалитету на отчуждение имущества, требуемого для реализации плана, муниципалитет, в свою очередь, ссылаясь на планы, утверждал, что отмена разрешения не предусмотрена, а правительство указало на то, что без разрешения муниципалитета такое разрешение не может быть отозвано. Суд констатирует, что планы в течение всего

срока действия разрешения менялись несколько раз, тогда как шведское законодательство исключало возможность какого-либо облегчения положения заявителей. В 1972 году, когда в Швеции был принят новый закон об отчуждении имущества, частично данное несовершенство шведского законодательства было устранено, ведь в нем было предусмотрено право собственника на сокращение срока действия на разрешение по отчуждению. Однако в данном деле этот закон не применялся и не мог поспособствовать в разрешении спора. Во вновь принятом законе также не содержалось положений, которые бы позволили заявителям получить возмещение за убытки, причиненные им на протяжении всего срока действующих ограничений. Кроме того, как указывает Суд, на протяжении всего срока действия разрешения на отчуждение, действовали и запреты на строительство, что еще больше усугубляло ситуацию заявителей. В подтверждение своей позиции, помимо прочего, ЕСПЧ привел слова парламентского омбудсмана Швеции, который утверждал, что в правовом государстве подобная длительность сроков действующих ограничений не должна существовать вовсе. С учетом вышеуказанного, Суд пришел к выводу, что совокупность принятых Швецией в отношении имущества заявителей мер (разрешение на отчуждение и запрет на строительство), существенно нарушила равновесие интересов личности и государства, тогда как у заявителей даже не было законной возможности каким-либо образом облегчить свое положение (сократив срок действия разрешений и запретов или получением возмещения убытков).

Таким образом, Европейский суд по правам человека в принятом решении указал на то, что имело место нарушение ст. 1 Протокола № 1, а также п. 1 ст. 6 Конвенции. Суд не счел необходимым рассматривать вопрос о нарушении Швецией ст. 13, 17 и 18 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, поскольку содержание статей, указанных в предыдущем предложении, поглощает их. Касательно ст. 14 ЕСПЧ указал на то, что заявителями не были представлены какие-либо доказательства, указывающие на факты дискриминации, а потому не может рассмотреть по существу данный вопрос или согласиться с доводами заявителей.

Следует, однако, отметить, что решение по ст. 1 Протокола № 1 было принято Судом десятью голосами против девяти (52,6 % против 47,3 %), что свидетельствует о явной неоднозначности обстоятельств данного дела, в силу чего оно и вызывает повышенный интерес для исследования. В деле также присутствуют несколько

особых мнений, часть которых касается права собственности (ст. 1 Протокола № 1), а другая часть – права на справедливое судебное разбирательство (п. 1 ст. 6). Последнее, следует упомянуть, было также неоднозначным и принято двенадцатью голосов против семи (63,1 % против 37,3 %).

Представляется необходимым кратко рассмотреть особые мнения судей ЕСПЧ, касающиеся ст. 1 Протокола № 1, для формирования более полного представления об обстоятельствах дела:

1. Совместное особое мнение судей Зекиа, Кремона, Тора Вильямсона, Лагергрена Винсента Эванса, Макдональда Бернхардта и Герсинга.

Суть их позиции состоит в том, что Суд некорректно истолковал положения ст. 1 Протокола № 1, поскольку исключил при принятии решения положения абз. 2. По мнению судей, запреты, введенные в отношении заявителей, действительно ограничили их право на беспрепятственное использование имущества, однако ЕСПЧ не был учтен тот факт, что меры, принятые Швецией, не были направлены исключительно на то, чтобы лишить граждан имущества. Это была комплексная процедура, направленная на улучшение инфраструктуры города в соответствии с ранее принятым планом. Процедура предполагала, во-первых, ограничение права на дальнейшее строительство, во-вторых, определение размера компенсации для граждан в шведском суде, и, наконец, экспроприацию имущества.

В части доводов о том, что ограничение на строительство действовало с 1954 г. по 1979 г., судьи привели аргументы, что городское строительство, в особенности крупных городов (таких как Стокгольм), требует планирования невообразимых масштабов. Кроме того, судьи указали на то, что Судом не были учтены обстоятельства, свидетельствующие о многократном изменении планов на улучшение инфраструктуры города. Эти изменения были связаны с существенным изменением концепции застройки Стокгольма (вместо создания широких транспортных магистралей в центре города в планах появились идеи о создании пешеходных зон, а также об улучшении функционирования общественного транспорта). В силу данных обстоятельств, действующие столько лет ограничения кажутся разумными, хотя и, безусловно, существенно влияющими на права собственников. По мнению автора исследования, в рамках данного замечания судей, Судом также не был учтен фактор скачка технологического прогресса, который, как известно, пришелся на

период 1960-х – 1990-х гг., что могло также кардинально повлиять на подходы к городскому строительству.

Помимо прочего, судьи обратили внимание на то, что экспроприация так и не имела место, что также опровергает аргумент о том, что Швеция хотела лишить граждан их имущества. Кроме того, в этой части, как утверждали судьи, за собственниками все же сохранилось право распоряжения имуществом, ведь, как следует из материалов дела, в 1970 г. они обращались в соответствующий орган за разрешением на реконструкцию и улучшение собственности, и благополучно получили его.

Таким образом, с учетом вышерассмотренного, судьи пришли к выводу о том, что статья 1 Протокола № 1 в данном случае не была нарушена, а Суд ошибочно пренебрег важными положениями, содержащимися во втором абзаце.

2. Особое мнение судьи Уолша

Судья Уолш обратил внимание на тот факт, что право собственности, предусмотренное ст. 1 Протокола № 1, не является абсолютным, и предусматривает ряд уже упомянутых в исследовании случаев, когда такое ограничение возможно.

Так, например, судья указал на то, что снижение рыночной стоимости недвижимости, которое имело место быть в данном случае после принятия плана о перепланировке – естественное и разумное следствие владения недвижимостью в такой зоне. Кроме того, судья указал на то, что во многих странах планы о застройке публикуются за много лет до того, как будут предприниматься шаги по приобретению участков.

Судья также констатировал, что законность принятого плана застройки Стокгольма заявителями не оспаривалась, а сами ограничения, которые были вызваны у владельцев, были проведены в рамках шведского законодательства и не нарушали его.

Таким образом, судья Уолш пришел к выводу, что оба абзаца ст. 1 Протокола № 1 в данном случае подлежали применению, однако ни один из них не был нарушен.

Автор исследования в части вопроса о наличии нарушения ст. 1 Протокола № 1, придерживается позиции, высказанной в особом мнении коллектива судей. Как уже было отмечено, ЕСПЧ необоснованно отказался от применения абз. 2 рассматриваемой статьи, из-за чего не было учтено право государства на использование инструментов для ограничения права собственности, направленное на благо общества.

Следует отметить, что в решении 1984 г., где определялся размер компенсации, Суд указывает на некоторые положения, которые были озвучены ранее в особом мнении коллектива судей. Так, например, при определении составляющих признаков ущерба, ЕСПЧ обозначает то обстоятельство, что снижение стоимости имущества, которое подлежит экспроприации – естественный фактор, который следует учитывать в данной ситуации.

Что же касается размера выплаченной компенсации, в своем решении от 1984 г. ЕСПЧ двенадцатью голосами против пяти (70,5 % против 29,5 %) постановил выплатить 800 000 шведских крон семье Спорронг, и 200 000 – госпоже Леннрот за допущенные нарушения. Кроме того, тринадцатью голосами против четырех (76,4 % против 23,4 %) Судом было принято решение о выплате общей компенсации в размере 723 865 шведских крон (за вычетом 24 103 французских франка) за судебные издержки и расходы заявителей.

Таким образом, проанализировав данное решение Европейского суда по правам человека, можно наглядно пронаблюдать наличие явного противоречия между интересами личности и государства в части, касающейся защиты экономических прав человека. Действительно, как утверждают ученые, реализация данных прав вызывает наибольшие затруднения при их реализации, поскольку лежат на стыке интересов общества и отдельных лиц. Тем не менее, права и свободы человека как высшая ценность, в том числе, должны уважаться государством, а при их нарушении – создаваться эффективные средства правовой защиты нарушенных прав.

Как следует из положений ст. 2 Конституции Российской Федерации, права и свободы человека также являются «высшей ценностью», а их признание, соблюдение и защита – «обязанность государства»³¹⁴. Одним из упомянутых прав, как закреплено в ст. 35 Конституции Российской Федерации, является и право частной собственности³¹⁵. Кроме того, право собственности защищается и ст. 17 Всеобщей декларации прав человека Организации Объеди-

ненных Наций³¹⁶ – документа, который считается основополагающим в области защиты прав и свобод человека.

Список литературы

1. Пашенцев Д.А. Преамбула в структуре конституции: нормы права или политические декларации? // Вестник Академии права и управления. – 2013. – № 33. – С. 22-26.
2. Прусаков Ю. М., Дружинин Д. Н. Вопросы реализации и защиты экономических прав и свобод личности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2004. – № 1-2. – С. 60-78.
3. Panke D. The European Court of Human Rights under scrutiny: explaining variation in non-compliance judgments // Comparative European Politics. – 2020. – № 18. – P. 151-170.
4. Vasak K. A 30-year struggle. The sustained efforts to give force of law to the Universal Declaration of Human Rights // The UNESCO Courier: a window open on the world. Southern Africa at grips with racism. – 1977. – P. 28-29, 32.
5. Von Staden A. Strategies of Compliance with the European Court of Human Rights: Rational Choice Within Normative Constraints. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2018. – 352 p.

³¹⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.).

СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ec8354bcf00aac2d2899fbf033c3ef963e91411e/ (Дата обращения: 12.07.2023 г.).

³¹⁵ Там же.

³¹⁶ Всеобщая декларация прав человека // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (Дата обращения: 12.07.2023 г.).

РЕЗОЛЮЦИЯ

II Всероссийского форума историков права

(10 июня 2023 года, г. Санкт-Петербург)

Принимая во внимание насущную потребность в проведении фундаментальных историко-правовых исследований и популяризации их результатов в современном социокультурном пространстве, в сохранении правового наследия и защите исторической правды, духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти, в повышении авторитета науки истории права и государства,

учитывая риски пренебрежительного отношения к историческому прошлому, которое негативно отражается на настоящем и будущем,

руководствуясь необходимостью модернизации подходов историко-правовой науки к получению и систематизации новых знаний, исходя из тех возможностей, которые появились в ходе происходящей цифровой трансформации общественной жизни и преодоления негативных последствий кризиса исторической памяти в информационном обществе,

отмечая необходимость укрепления связей в рамках национального и международного сообщества историков и правоведов, а также объединения ученых, специализирующихся в области академической историко-правовой науки с представителями иных общественных наук,

осознавая возрастающую роль междисциплинарной методологии в историко-правовых научных исследованиях,

выражая уверенность в важности историко-правовых знаний в эффективной реализации государственной научно-образовательной политики и патриотического воспитания граждан,

опираясь на положительный опыт работы Ассоциации историков права,

участники Всероссийского форума историков права совместно с Ассоциацией историков права отмечают:

— изучение истории права и государства дает богатый материал для формирования общеправовой культуры и широкого кругозора, правового и патриотического воспитания и просвещения, основы для активного включения молодежи в деятельность гражданского общества,

— в современных условиях приращение знаний об истории права и государства, о ретроспективной динамике общественных

процессов имеет важное значение не только для формирования научной картины развития социума, но и для эволюции государственно-правовых институтов, укрепления народовластия, взаимного доверия общества и государства,

— одним из стратегических направлений ценностного наполнения результатов проводимых исследований историко-правового прошлого является сохранение и приумножение богатых традиций российских социума, государства и научного сообщества,

— осуществление совместной работы отечественных экспертов и ученых в области исторического и правового знания, научно-исторического сообщества и институтов гражданского общества позволит решить многие современные проблемы социально-гуманитарного знания, связанные с интерпретацией историко-правового прошлого,

— научно-методологический аппарат юридической науки претерпевает серьезные изменения на основе синтеза устоявшихся классических методов научного познания с новой методологией, характерной для постнеклассической научной рациональности.

На основе вышеизложенного и по результатам обсуждения научной повестки II Всероссийского форума историков права, докладов его участников и деятельности Ассоциации историков права предлагается:

— более широко привлекать молодежь к участию в проводимых мероприятиях для расширения и укрепления корпуса молодых ученых, проявляющих заинтересованность в исследовании истории права и государства,

— активизировать усилия по подготовке, изданию и распространению новаторских научных работ в сфере истории права и государства, истории учений о праве и государстве, истории и философии права, включая издание Историко-правового ежегодника,

— обратить особое внимание на исследование ценностного содержания правовых традиций социума, государства и научного сообщества, на предмет и периодизацию историко-правовой науки,

— продолжить проведение регулярных историко-правовых мероприятий в разных городах России с целью повышения интереса в обществе к историко-правовой проблематике, включая Всероссийский форум историков права, приуроченных к знаменательным, юбилейным и мемориальным датам для популяризации историко-правового знания,

— усилить внедрение в историко-правовую науку новых методологических решений и подходов к осмыслению ранее известных и вновь возникших феноменов,

— проводить междисциплинарные историко-теоретические, сравнительно-исторические и иные исследования и обмениваться их результатами на площадке ежегодного Всероссийского форума историков права и страницах Историко-правового ежегодника, а также в иных форматах с участием Ассоциации историков права, призванной консолидировать экспертное и научное сообщество для объединения усилий в разработке актуальных научных тем и вопросов на основе классической и новой методологии, активизировать научно-издательскую деятельность.

Научное издание

ИСТОРИКО-ПРАВОВАЯ НАУКА
В ПОИСКЕ НОВЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Сборник научных статей

по итогам II Всероссийского форума историков права, приуроченного к
135-летию со дня рождения Серафима Владимировича Юшкова

8-10 июня 2023 г.

Под редакцией
Д.А. Пашенцева, А.А. Дорской

Технический редактор
А.В. Сидоров

ЦНИТ «Астерион»

Подп. в печать 27.10. 2023 г. Формат 60×841/16.

Заказ № 2710. Бумага офсетная. Печ. л. 12,125. Тираж 300 экз.

Санкт-Петербург, 191015, а/я 174,

тел.: (812) 685-73-00, 663-53-92, 970-35-70

✉: asterion@asterion.ru 🌐: <https://asterion.ru/>

📄: https://vk.com/asterion_izdatelstvo